

Шалыбова
Зульфия

Сказки о
Любви

18+

Зульфия Талыбова

Сказки о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67573242

SelfPub; 2022

Аннотация

Персонажи сказок автора всегда отличались чудаковатостью и богатым внутренним миром. А как могут любить чудики?! Их чувства явно не вписываются в общепринятые нормы, да и скучно это – любить по образцу!

Вашему вниманию очередной сборник от автора:

О черной-пречерной, немыслимой, сумасшедшей, чудесатой, невозможной, призрачной, но все же о ней...

О любви!

Содержание

Гюландия	4
Волшебное сердце	45
Разноцветье	77
Сад для Пери	119
Майк и Бетси	152
Плюшевый Габи	177
Мать Несчастных	221

Зульфия Талыбова

Сказки о любви

Гюландия

Существует забавная мысль, что помимо обычного мира людей, есть другой, волшебный; живущие там сказочные существа и не ведают, что играют в прятки с настоящими людьми. Хотя, надо признаться, что никто никого не искал, ведь волшебные создания и человеки не знают о существовании друг друга. Если быть совсем точными, надо заметить, что и в том, и этом мире бесконечно ходят споры о существовании соседей. Так откуда же они взялись?! Наверное, кто-то всё-таки осмелился прошмыгнуть туда и обратно! Но, вот беда! Существует легенда, что иномирник, очутившись в мире людей, перестает быть иным! Он просто очеловечится и все! А вот, что же случится с человеком, попавшим в сказку?

Жители волшебного мира верили, что попасть в мир людей можно через невидимую дверцу или даже какой-нибудь предмет. Но, опять же, это всего лишь догадки и слухи: переход в другой мир оставался незамеченным – ушедший покупал билет в один конец. Поэтому проверить легенду невозможно. Но так же невозможно прекратить слухи и домыслы.

И вот что случилось однажды по воле Вселенной: в одно и то же время в мирах людей и чудесников начались очередные громкие споры и дебаты. Великие мудрецы и философы нашего мира размышляли о существовании чудес и с уверенностью опровергали их, а сказочные создания уверяли друг друга в том, что кроме них быть не может существ красивее и умнее! Какие там люди – так они называли людей?! Все это выдумка сумасшедшего захмелевшего чудесника (волшебника, кудесника)!

Они и не догадывались, как близко находятся друг с другом, продолжая утверждать, что их мир – единственный и неповторимый! Сила разногласий была настолько велика, что и в одном, и в другом мире поднялись гигантские вихри. Вихри росли все больше и больше, усиливаясь от горячности спорщиков. Они приближались друг к другу все ближе и ближе, и, в один момент, ударили друг в друга с такой силой, что между ними образовалась зияющая брешь.

Реальность столкнулась с волшебством, и все смешалось в разломе между мирами! Вот и результат дебатов: рождение нового мира – Мира трещины!

Какой же мир мог произрасти из такой мешанины – сказочной и реальной?!

Легенда гласит, что таких трещин существует три. И так получилось, что во время взрыва, в каждую улетело по одному чудику – ими оказались самые зловредные, яро отстаивавшие мифы о вселенной человек! Они и в новых мирах

не изменили своим закоренелым взглядам: первый и второй обернулись злыми ведьмами, третий – безликим демоном.

Надо сказать, что неспроста злодеи очутились в полу-волшебных мирах: они обеспечивали целостность новых земель. Ведь трещины стремились залататься и срастись! Злодеи же не позволяли этому произойти. Старательно, из года в год, они поддерживали жизнь в своих трещинах, зачастую выбирая для этого странные и жутковатые обряды...

Удивительно, но в первые две трещины от нашего мира попало намного меньше, чем из волшебного. Одна трещина образовалась на заброшенной сцене старого театра, вторая в далёкой-далёкой стране под названием «Разноцветье».

В третьей же трещине чудес и реальности было поровну. Находилась она в ботаническом саду одного небольшого городка. И прямо сейчас в этом ботаническом саду произошло маленькое чудо. На кустах майской розы за мгновение распустились пышные цветы, и одновременно, когда раскрылся самый большой бутон, из него послышался плач младенца...

Это событие гораздо интереснее, чем прескучная лекция садовника об экзотических растениях...

* * *

В одной из трещин образовалась страна Гюландия. Ее жители – гюландки и гюландцы – были необычными созданиями: поскольку они рождались у растений, то и походили на своих родителей – кустарники, деревья и цветы, хотя в них было и что-то человеческое.

Однажды на реке прямо среди жёлтых кувшинок раздался детский плач. На берегу в это время сидел за удочкой уже обросший мхом старик Клён. В молодости он так и пестрел семенами-носиками, что приятно шелестели под дуновением ветра. Сейчас же старичок был почти весь ощипан – другие сорванцы-гюли растащили его семена и, забавы ради, цепляли на свои носы! Да и стар стал дедушка, потому и листья давно опали, да и тело совсем задеревенело. Того и гляди, усохнет совсем. Авань, ему повезет, и старуха Герба возьмёт его к себе в коллекцию!

Так старик Клён рассуждал о своей скорой кончине, но вдруг услышал детский крик. Сначала он подумал, что над ним ребятишки подшучивают, но все же решил подглядеть. А вдруг какая-нибудь старушка-Одуванчик в воду залезла?! Лишится ведь, несчастная, всей своей пышной седовласой шевелюры! Надо спасать!

Дедушка Клён уже было в воду залез, но крики приутихли. А тут и вовсе мимо него в плетёной зелёной люльке, увитой желтыми кувшинками, новорожденный гюландец проплыл! Улыбался малец старику и даже подмигивал! Жёлтый весь, толстенький и круглый, как сама кувшинка!

– Тьфу ты, на! – дедушка Клён кое-как выбрался на сушу.

Стар он стал для подвигов! Да и рождение гюлей наблюдать – тоже нервов надо напасть! А у него их ни к черту: вытрепали вместе с семенами-носиками подростки сорванцы-гюли! ...

Жила в Голландии одинокая старуха Герба. Никто толком не знал, от какой травы или цветка она рождена. Была она крупная, высокая, кожа бледно-зеленоватая, по всему ее травяному сарафану росли белоснежные цветки-зонтики. Пахло от старухи не то морковкой, не то редькой. Была она одинока и, страсть как любила делать гербарии. Жила она у воды в небольшой избушке, где и места свободного не находилось от многочисленных сушеных цветов и растений!

Везде, где бы она ни ходила, умудрялась стащить по лепестку другому с молоденьких ромашек, петуний и других прехорошеньких жительниц! Она собирала потерянные частицы живых цветов и тащила в свою избу, где и высушивала их.

Большинство жителей всё-таки спокойно относились к ее странному увлечению, как, например, дедушка Клён, который вообще хотел жить вечно, вися на полках в ее избушке! Но находились и те, кого настораживала и даже пугала странная дама. Они и брезговали, когда замечали, как искала потерянные кем-то очередные прелестные лепестки или листочки безумная старуха. Ведь, того и гляди, чокнутая Герба могла так помешаться на своем увлечении, что и живьём сушить не побрезгует!

Но славилась старуха Герба не только своей страстью к гербариям. За неимением друзей она была очень сердобольной и заботливой и, частенько приносила в свою небольшую

избу новорожденных гюландок и гюландцев. Те, в силу возраста, ещё не могли жить самостоятельно, им был нужен уход и ласка, как и всем цветам и растениям. Правда, старуха Герба была довольно-таки избирательна: обычные сорняки ее не устраивали. Ей прихотливых и необычных гюлей подавай!

... Вот такой забавной и получилась страна Гюландия, родившаяся из-за ярого спора нескольких самодуров! Гюли – не то люди, не то цветы, жили счастливо, но умирали по-разному: кто-то увядал, и от него оставалась лишь гниль, а кто-то высыхал, как, например, и случится с дедушкой Кленом. Настоящих людей в Гюландии не было, но существовало диковинное место, где обитали очень похожие на людей создания.

Старуха Герба жила у озера. Оно было ничем не примечательно, к тому же гюли никогда в нем не плавали, потому что на его берегах росли ядовитые растения. Прямо над озером висел длинный мост. На нем детишки-гюли любили сидеть, свесив ноги. Мост представлял собой толстую косу, сплетённую из тонких и гибких зелёных ветвей. Мост внезапно прогибался, и зеленая коса резко ныряла вниз, в глубину озера. Цепляясь за веточки косы, гюли опускались по косе, чтоб полюбоваться просторной пещерой. Одна ее сторона представляла очень высокую и широкую прозрачную стену из стекла. За ней была вода. Спускаясь в пещеру, чудик попадал на самое дно озера, но оставался сухим, потому что

озеро представляло собой гигантский аквариум, закопанный в землю.

Внутри находился чудесный подводный город с замками, башнями и полуразрушенными крепостями. Здесь кипела своя водная жизнь. Здесь и обитали очень похожие на людей создания. Точнее, это были настоящие люди, которые могли жить под водой! У них не было жабр или рыбьих хвостов, с помощью которых можно плавать, но как-то им удавалось дышать под водой! Гюли называли их водяными пери. Пери носили красивые одежды. Они напоминали сказочных принцесс в белых платьях и принцев в элегантных костюмах.

Гюли могли часами наблюдать за житьем-бытьем водяных пери, а те очень любили встречать цветочных гостей...

* * *

Старуха Герба вышла на крыльцо своей избушки и сладко потянулась. Сегодня ей удастся обзавестись прелестными лепестками! Не зря она проснулась в приподнятом настроении и в предвкушении чего-то радостного! Прямо сейчас она соберётся на площадь, где намечалось небольшое празднество. Гюлей будет много, и ей удастся у кого-нибудь да стянуть лепесток другой.

Вот старуха отправилась в путь. Проходя мимо пышных кустов майской розы, она вдруг остановилась: послышался тихий плач! Неужто новорожденный кричит?! Так и оказалось!

В колючих кустах шиповника, захлебываясь от плача, ры-

дал младенец. Новорожденная гюландка!

Герба, не жалея своего пышного сарафана, стала пробираться сквозь колючие стебли. Коварные, они расцарапали ее пышные цветы-зонтики, и из них сочилась мутная зеленоватая жидкость – старухе пришлось терпеть царапины и уколы, лишь бы найти малышку!

Но вот она увидела младенца. Наверное, она родилась в ночь, когда расцвели розы. Она лежала на колючих стеблях, в крупном, раскрывшемся бутоне майской розы. Колючие ветви пронзали ее тело острыми шипами. Малышка плакала, слёзы катились из ее глаз крохотными лепестками майской розы, но тут же увядали – рождённая в боли малышка обрела одновременно дар и проклятие.

Герба живенько забрала несчастную малышку, но боль ее не исчезала: ее ручки и ножки тоненькими нитями обвивали колючие зелёные стебли.

Она была красива, как и подобает майской розе, но несчастна от своих же шипов.

Герба была очень довольна. Она и на площадь идти передумала, зачем, если такое чудо попало к ней в руки.

К тому же новорожденной нужен уход и ласка.

Герба полностью погрузилась в заботы о несчастной гюландке.

Какое можно было дать имя такой прелестной, но горемычной малышке?! Старуха, не долго думая, назвала младенца Констанцией. Было в этом имени что-то красивое,

необычное, но и как будто резкое и причиняющее острую боль. В точности, как и шипы зелёных ветвей! Старуха Герба несколько раз шептала его, глядя на плачущую малышку, словно примеряя. И решила, что оно подходит.

– Оно и произносится, словно с надрывом! – невнятно шептала Герба. – Да, Констанция?

Девочка пуще разрыдалась.

– Ну, ладно, ладно, – заверещала старуха. – Пожалуй, Кони, звучит лучше и мягче!

Так нашла свое новое убежище в руках заботливой Гербы маленькая Кони.

Девочка росла очень быстро.

Рождённая королевой всех цветов, она полностью олицетворяла саму майскую розу: кожа была бледно-розовая, глаза, как и сердцевина розы – золотисто-карие, а локоны, как вяленый шиповник – чёрные с бронзовым отливом. Она носила платье из крупных лепестков розы, а руки и ноги, по-прежнему тоненькими нитями обвивали колючие зелёные стебли. Где бы она ни сидела, куда бы ни ступала, везде оставляла подле себя нежные цветы, и даже по обыкновению, взмахнув рукой, чтобы что-то взять с полки, роняла лепестки.

«Ах, розочка моя! Твоими лепестками можно все небо выстлать!» – не переставая, ворковала старуха Герба.

И все бы хорошо, но Кони, не переставая плакала, падали из ее глаз мертвые увядшие лепестки-слезинки.

Проходили годы, и Констанция превратилась в прелестную девушку. Как и прежде она жила в избушке Гербы, покидая ее лишь во время прогулок, или когда спускалась на самое дно озера-аквариума, дабы понаблюдать за водяными пери.

Увядшие лепестки-слезинки, как и прежде, катились из глаз, но боль от шипов словно притупилась со временем, или же Кони просто привыкла к постоянной боли. Во всяком случае, на ее лице не читалась особая грусть, а слезинки будто были отдельно от неё. Пусть никогда не улыбалась Кони, но застыла на ее лице извечная отрешённость и как будто усталость: жизнь уже осточертела ей, едва начавшись. И только в глубокой пещере у стеклянной воды она хоть немного оживала. Она завидовала водяным пери. Их кожа была свободна от колючих тисков, а движения плавными и лёгкими. Они словно парили под водой, и ноги их даже не касались дна.

Ах, как, наверное, приятно завернуться в прохладные курчавые водоросли и чувствовать кожей их нежные прикосновения! Они, наверное, так гладки и тонки, и от них совсем не больно, как от колючих шипов! Почему же она не родилась водяной пери?!

Однажды она подошла совсем близко к стеклянной стене, прислонила к ней руки и уткнулась лбом. Прохладная стена немного притупляла порезы на ее ладонях. Кони глядела вглубь аквариума и наблюдала за его жителями. Вот, мимо, держа друг друга за руки, непринужденно и легко, слов-

но ступая по тропинке в парке, гуляли пожилые мужчина и женщина в белых одеждах. Они о чем-то оживленно беседовали.

Кони глядела на них и завидовала.

Позади них был заброшенный сад. Его огораживала низенькая кривая изгородь из камней, посередине стояла высокая арка с наполовину разрушенным верхом. Ее обвивали бурые и зелёные водоросли.

Кони закрыла глаза и фантазировала, как она, обернувшись водяной пери, плывёт возле этой живой арки. Она вся зарывается в густые водоросли, а они согревают ее исцеленное тело...

Кони так погрузилась в свои мечты, что позабыла о боли от шипов. Но тут пришло другое ощущение. Кони почувствовала, как стало намного теплее рукам. Но вряд ли она излечилась от врождённого проклятия.

Констанция открыла глаза и замерла. Сквозь толщу стекла на нее пристально и, улыбаясь, глядел юноша – водяной пери. Он тоже прислонил свои ладони к стеклу, как раз напротив ладоней Кони. Смотрел с такой радостью, что она смутилась.

Она помнила всю свою жизнь от рождения в муках по сей день, и в голове у нее всплыл образ заботливой Гербы. Она навсегда запомнила ее жутковатый и довольный взгляд. В нем было больше алчности, чем сострадания. Уже тогда новорожденная осознала, что старуху интересовал ее облик, а

не она сама.

Со временем испуг прошел, ведь Герба не причиняла ей зла, но и особой любви не проявляла. Кони это чувствовала.

Юноша смотрел совсем иначе. Кони заметила, что его взгляд лучился интересом и добротой. Почувствовав безопасность, она тоже слегка улыбнулась.

Юноша был бос, в белой рубашке и черных брюках до середины икры. Волосы его черные и длинные плавно колыхались под водой. Юноша походил на молодого принца, который устал от королевского этикета и удрал из дворца на встречу приключениям.

Постепенно радость сходила с его лица, он загрустил и с сочувствием глядел на девушку. Легонько через стекло коснулся лица Кони и провел пальцем по ее щекам прямо по падающим лепесткам-слезинкам.

Он что-то с грустью произнёс, но Кони не могла услышать. Ей хотелось верить, что, новый знакомый сопереживал ей.

* * *

Кони всегда знала о странноватом увлечении старухи – гербариях. Согласитесь, есть в этом что-то жутковатое: высушивать некогда живые лепестки и хранить их подле себя, ведь в мире растений такое увлечение сродни тому, как если бы человек коллекционировал волосы или ногти умерших.

Хозяйкин гербарий занимал целую стену дома, полностью закрытую стеклом, за ним томились высушенные цветы – для Констанции зрелище малоприятное, даже кошмарное.

Всякий раз она старалась прошмыгнуть мимо, не глядя на замурованных покойников.

В тот день она хотела почитать, взяв первую попавшуюся книгу с полки, она раскрыла ее и громко закашляла, задыхаясь и судорожно хватая ртом воздух: из пожелтевших страниц выпала целая горсть засушенной лаванды! Она так долго томилась в книге, что превратилась в едкую сиреневатую пыль! Чихая и отплевываясь, Кони бросила книгу на пол. Не думала, что старуха Герба уже и в книги умудрилась цветы запихивать! Стены ей мало? Хотя, да, стена уже давно заполнена...

Кони ужаснулась: неужели вся небольшая библиотека представляла собой кладбище из сушеных цветов?!

Теперь она с испугом поглядывала на брошенную книгу. Не может быть: Кони любила читать, и, буквально, вчера поставила на полку очередную прочитанную книгу, и это была обычная книга, а не вместилище цветочных потрохов! Значит, сегодняшняя находка – одна из немногих, наверное, Герба лишь недавно начала использовать книги для высушивания живых лепестков. Но как долго лаванда лежала придавленной в страницах, что уже превратилась в пыль?!

Кони ужаснулась. Она больше не могла смотреть на страшную книгу. Резко подскочила, преодолевая отвращение, двумя пальцами взяла ее и быстро поставила на место. Она отряхнула руки и вытерла о платье. Но не успела она оправиться от мерзких прикосновений к цветочному гробу,

как раздался сильный толчок. Избушка содрогнулась, словно картонная, Кони потеряла равновесие, упала и потеряла сознание.

С шумом ворвалась в дом Герба и тут же утонула в стеклянную стену – целехонька! Герба, переводя шумное дыхание, медленно сползла на пол по дверному косяку. Она вытянула вперёд ноги и все ещё судорожно дышала, словно после схватки с ядовитым плющом. Тут она мельком глянула на дверь комнаты Констанции. Кряхтя, встала и зашла к найдёнышу. Та лежала без сознания.

Причитая и охая, старуха принялась хлопотать над приемной дочерью...

– Что произошло? – испуганно спросила Кони, вставая с пола и отойдя подальше от старухи, брезгуя ее близостью.

Она старалась вести себя непринужденно, чтобы названная мать не догадалась о ее новом к ней отношении.

– Землетрясение! – взволнованно сообщила Герба. – Я была на базаре, когда произошел толчок! Я так испугалась за них... то есть за тебя, что тут же примчалась!

Кони недоверчиво глядела на старуху.

«За кого «за них» так испугалась Герба?! Но может, она просто оговорилась?» – тревожно раздумывала Кони.

– Я, пожалуй, пойду, погуляю... – не глядя старухе в глаза, промолвила она.

– Да, сходи, моя розочка, – проворковала Герба. – Но возвращайся скорее, уже смеркается! К ужину я испеку пирог!

– Хорошо... – тихо произнесла Кони, направляясь к двери.

– Да, милая, после сегодняшнего природного бунта с неба может временами сыпаться серебристая пыль. Не пугайся. Это последствия землетрясения.

... Кони шла по ветвистому мосту.

И действительно в воздухе летала черноватая пыль вперемешку со светящейся серебристой крошкой. Она напоминала пудру.

Временами ей под ноги попадались странные бледно-розовые лепестки. Она подняла один лепесточек – никогда прежде таких не видела. Как странно! Он оказался теплым, даже горячим! У него были обугленные края.

Кони, разглядывая его, унюхала запах горелой розы! Этот аромат был ей знаком, но она не могла припомнить откуда. Тут в памяти всплыло давнишнее воспоминание: будучи совсем крохой, она нечаянно обожгла руку, пока неумело жарила оладьи под руководством Гербы! Тогда-то она и учуяла этот аромат! Так пахла ее обожжённая кожа!

Кони с омерзением бросила обугленный лепесточек. Откуда он здесь взялся?! Ее здесь не было, и уж точно она ничего себе не жгла! Она внимательно пригляделась к обугленным краям лепестка. В воздухе ещё парила черно-серебристая пыльца. Неужели этот лепесточек просто не успел догореть, а пыль – это то, что от него осталось?!

Страх переполнял Кони, лепестки-слезинки ещё сильнее

капали из глаз. Так куда же деваются ее лепестки, которые при любом резком движении сыплются с ее тела, как с любой розы, если ее, например, потрясти?!

Кони задумчиво побрела по мосту.

Дойдя до самого конца, она стала осторожно спускаться в пещеру. Мельком она глянула на небо и вскрикнула, вцепившись в упругие стебли. На небе зияла тоненькая трещина, напоминающая замёрзшую молнию! Откуда она взялась?! Неужели подземный толчок был настолько силён, что расколол небо?!

Тут она ещё сильнее испугалась и так сильно вцепилась в ветви, что не чувствовала, как шипы глубже пронзили ладони, и кровь побежала по рукам.

Края трещины были черными, и от них и сыпалась пыльца! Выходит, брешь закрывали чьи-то лепестки (Кони страшилась признавать, что они ее собственные), но землетрясение разрушило цветочную «заплатку», и теперь небо прохудилось!

Неужели это правда?! Констанция зажмурилась и замотала головой.

– Нет-нет, этого не может быть!

Она медленно распахнула глаза и с надеждой вновь поглядела на страшное небо. Обугленная трещина зияла над головой, и из нее сыпался пепел чьих-то мертвых цветов... Это был пепел, а не пыльца или пудра, как сначала показалось.

Кони страшно было глядеть на молнию, и она продолжила

спускаться в пещеру.

Сегодня здесь было пусто: испуганные, пусть и очень коротким, но сильным подземным толчком, гюли сидели по домам и даже не высовывались.

И в подводном мире сегодня было пустынно и уныло. Пери не появлялись и черноволосый принц тоже. Кони тоскливо глядела вглубь аквариума. Тут она заметила кое-что необычное прямо в середине заброшенного сада. Там лежала белоснежная простынь.

Простынь была бесформенная, вся в буграх, напоминающих очертания человеческого тела. Может быть, водяной пери спал под ней? Но спал он, видимо очень-очень крепко: простынь даже не колыхалась! И вообще она больше напоминала огромный кусок мрамора!

Кони долго разглядывала странную мраморную простынь, и потихоньку ее начал одолевать страх. Она вскрикнула от страшной догадки: пусть гюли отделались лишь страхом от подземного толчка, но как он мог повлиять на подводное царство?! Неужели, один из водяных пери погиб?!

Но нет, он жив! Кони увидела, как его голова поднимается из глубин. Принц подплыл к стене аквариума и прислонил руку, здороваясь с Констанцией.

Сегодня он был грустен.

Юноша перевел взгляд на лежащую простынь и с печалью на нее глядел.

Кони заметила, что на его груди появилось едва заметное

бледно-розовое пятно. Она легонько постучала ноготком по стеклянной стене. Юноша повернулся к ней, и Кони указала на его странное пятнышко. Он легонько улыбнулся и даже засмутился, потом прислонил ладонь к пятну, отнял руку и прижал к стеклу – прямо у груди Кони. Вдруг в озере сделалось очень-очень светло. Казалось, солнце упало в воду.

Кони и принц заворожено глядели вверх. Потихоньку вода на всей поверхности стала собираться в сильный водоворот. Принц испугался и вжался в стену. Кони от страха тоже прижалась к стеклу. Что же сейчас произойдёт?! Неужели водоворот поглотит всех пери?! Ей пришла безумная мысль, разбить стекло и вытащить принца.

Водоворот же постепенно превращался в узкую-узкую воронку, которая медленно опускалась на дно.

Вот её конец почти дотянулся до заброшенного сада! Он опускался как раз на то место, где лежала мраморная простыня. Теперь воронка напоминала подводный смерч! Его конец дотронулся до спящего пери. И вот смерч стал расширяться, теперь он больше походил на трубу или колодец. Труба вспыхнула и загорелась белым светом. Мраморная простыня, накрывавшая спящего пери медленно устремилась вверх. Вот белоснежная фигура под покрывалом коснулась поверхности озера и исчезла. Постепенно вода успокоилась, водоворот прошел, и невиданный яркий свет погас.

Кони и принц ещё долго глядели на спокойную воду, боясь, что она вновь взбунтуется, но все было тихо.

Кони опомнилась, что уже очень поздно, Герба должно быть, волнуется, она распрощалась с юношей и поспешила домой.

На улице уже было совсем темно. Быстрым шагом Кони добралась до избышки. Она уже хотела было зайти, но резко остановилась: из дома слышались посторонние звуки. Может, в гости к Гербе пришла соседка? Кони тут же усмехнулась. В округе не было ни одного дома, откуда же взяться соседям?! К тому же, Кони не припомнила ни одного раза, когда у них были гости. Старуха Герба была самой чудаковатой гуландкой, и дружить с ней никто не осмеливался. А подростки вскоре сами покидали ее. Только вот Кони почему-то не спешила уходить, хотя последние дни находиться рядом со старухой становилось все тягостнее. А, может, Герба просто в очередной раз приютила новорожденного?

Но звуки доносились недобрые. В доме что-то упало, потом кто-то кого-то ударил, послышался жалобный писк и грозный голос хозяйки:

– Тише сказала!

Кони онемела от страха. Никогда прежде она не слышала, что Герба позволяла себе так разговаривать!

– Сейчас мой главный экспонат вернётся, а я с тобой ещё не расправилась!

Послышался шлепок, и опять жалобный писк.

Главный экспонат?! Кони закрыла ладонями рот.

Промелькнула мысль: нужно бежать и звать на помощь.

Но пройдет около часа, пока она выберется в город. В округе ни души! Но надо спастись!

Ноги уже были готовы развернуться и бежать, как вдруг резко распахнулась дверь. Кони замерла.

– Ах, моя розочка вернулась! – Герба тут же сменила тон, но голос был запыхавшийся, будто она перетаскала кучу мешков. Старуха стёрла пот со лба. – Что же ты стоишь?! Заходи скорее!

Кони двинулась с места и, еле-еле передвигая ноги, подошла к крыльцу.

– Милая, иди сразу в свою комнату! Я там тебе и ужин оставила. Ешь и ложись спать. А мне нужно поработать. Сегодня мне подарили огромный букет лаванды. Не лягу спать, пока не сделаю гербарий.

Кони улыбнулась одними губами, сердясь, что не удрала сразу же.

Она вошла в дом и не заметила ничего примечательного, лишь одинокий цветочек лаванды валялся на полу. Кони живенько скрылась в своей комнате, буркнув «удачной работы» старухе.

Но есть не хотелось, спать тем более. Она улеглась на кровать и, сжавшись комочком, прислушивалась к тому, что происходило за дверью.

Опять она задалась вопросом о лепестках.

Интересно, почему Герба никогда не трогала их? Ведь каждый день из ее роз можно было сделать сотни гербариев!

И откуда взялся тот обугленный, случайно найденный на мосту? Может, он принадлежал какой-нибудь другой гюландке? Но Кони неохотно поверила в эту мысль: тот лепесток был в точности как ее – крупный, округлый, как у шиповника – а она была единственной дочерью колючего кустарника.

Но куда же пропадали лепестки?! Неужели попросту исчезали?! Констанция никогда не задумывалась над их судьбой, теперь настало самое время. Что если действительно ее лепестками латали брешь в небе!

Прошло несколько часов. Никаких звуков не доносилось из гостиной, и Кони, утомленная собственными размышлениями, почти уснула. Но тут у нее жутко зачесался нос, зуд все никак не проходил. Вдруг она принюхалась и чихнула прямо в подушку – лишь бы Герба не услышала. Пахло лавандой! Настолько сильно, словно весь дом наполнился концентрированным лавандовым маслом! Даже голова разболелась. Она сползла с кровати, на четвереньках добралась до двери и тихонько приоткрыла ее.

Перед глазами предстало жуткое зрелище: Герба сидела вполоборота на низенькой скамеечке. Полы были залиты сиреневой вязкой жидкостью – чьей-то кровью!

Кони высунула голову, не страшась быть обличенной: дурманящий аромат лаванды опьянил ее разум.

На коленях у Гербы лежало полумертвое тело самой Лаванды – королевы сиреневых цветов! Она была почти вся ошипана! Герба выдирала из нее все соцветия, а лиловая

кровь страдальцы все капала и капала на пол!

Кони разрыдалась. Лаванду уже было не спасти! Но несчастная ещё пыталась сопротивляться. Тогда Герба задрала свою цветочную юбку с белыми зонтиками и оголила тощие длинные ноги – свои мясистые корни. Она вырвала небольшой кусочек и даже не изменилась в лице. Тут Кони почувствовала, что помимо лаванды запахло морковкой, но не навязчиво, а мимолётно и нежно. Ведьма Герба крепко сжала кусочек от своего корневища и приблизила ко рту мученицы. Из кулака закапала желтоватая жидкость прямо на фиолетовые губы Лаванды. Минуту она дергалась всем телом, пока Герба придерживала ее, а потом, издав последний вздох, замерла навеки. Кони онемела, пристально глядя на убитую. Герба, как ни в чем ни бывало, продолжила ощипывать мертвое тело.

Кони замутило, она уже хотела было доползти до постели, но не смогла. Ее ошеломило происходящее: лишённая цветочной части Лаванда, теперь походила на человека! Герба лишила ее цветков, и, таким способом, очеловечила ее!? Кони ещё больше замутило.

Герба же подняла мёртвое тело бывшей гюландки и положила на пол. Старуха собрала все цветки и разложила их между страницами той самой книги, которую совсем недавно Кони хотела почитать, но обнаружила цветочную лавандовую пыль.

Герба, довольно потянувшись, захлопнула книгу. Теперь

нужно было заняться телом. Старуха взвалила его на плечи и направилась к выходу. Кони шустро спряталась за дверь. Герба вышла на улицу и направилась к озеру.

Кони наблюдала за Гербой из окна, спрятавшись за занавеской. Она подумала, что хозяйка окончательно спятила. Никто не осмеливался приближаться и близко к берегу из-за ядовитого растения, что росло на его берегах.

И только теперь она задалась вопросом: а кем, собственно, являлась ее названная мать?! Что за растение породило ее?

Она, щурясь, пыталась разглядеть соцветия, что росли у озера. Тут к ним подошла безумная Герба и слилась с ними! Кони беззвучно охнула. Никто из гюландок и гюландцев и близко не подходил к озеру, все знали, что это смертельно опасно! Но если бы кто-то попытался узнать, давно бы догадался, что хозяйкой всех этих белых соцветий-зонтиков являлась сама Герба! Она и жила у воды! И новорожденных гюлей похищала, чтобы, вырастив, ошипать и засушить в гербарий!

Но что же с телом?

Герба спокойно прошла сквозь ядовитые соцветия и сбросила с плеча мертвую прямо в воду. Тело устремилось на дно, и сразу же осветилось небо. Молния-трещина мгновенно залаталась, будто и не было.

Герба все ещё стояла в воде.

– Я не дам этому миру погибнуть! – громко молвила она, запрокинув голову.

Тут она медленно повернулась и посмотрела прямо на окно, за которым стояла Кони. Старуха глянула в самую ее душу, и Кони от страха не понимала, видит ли ее Герба или просто слепо пялится в окно.

– Хорошо хоть есть чем проклятую трещину латать! – злобно молвила она и улыбнулась ехидной улыбкой, не сводя глаз с окна найдёныша. – Нужно ее беречь: она нужна живой. Лепестки ценны, пока их обладатель дышит! И как я раньше без девчонки обходилась?! Но раньше и трещина не была такой хлипкой, а сейчас, скольких бы я ни принесла в жертву, она иногда «побаливает». Шаток становится этот мир... И немудрено: волшебство и реальность так себе союзники. Здесь всегда царило забвение! А чертова реальность так и норовит пробраться сквозь трещину! Перебьется! Есть только сон длиною в жизнь, и никаких человекoв!

Констанция замерла и, казалось, даже слёзы на мгновение перестали литься из глаз!

– Сон длиною в жизнь... – прошептала она.

Это ли не про Гюландию? Неужели вся жизнь в цветочной стране лишь сновидение?!

Теперь понятно, почему уже взрослая Кони до сих пор жила у Гербы! Других молоденьких гюлей она давно высушила в гербарии, утопив их очеловеченные тела в аквариуме, но у Констанции было преимущество: бесконечно опадающие лепестки ее слез. Другие гюли этим похвастаться не могли. Их приходилось ощипывать!

– Как же я устала поддерживать спокойствие в этом чертовом городке, да щипать цветочных уродов! Но что делать – обитатели сохраняют иллюзию этого мира: стоит одному подохнуть, как небо сразу трескается! Вот, сегодня, как это приключилось?! – рассуждала сама с собой Герба. – Наверное, девчонка открыла книгу, да и развеяла останки прежнего мертвеца! Как только количество душ уменьшилось – небо разгневалось! Трещина даже сквозь лепестковую защиту проступила, в нее-то освобожденный и юркнул! Но, спасибо госпоже Лаванде, она восполнила баланс, и брешь затянулась, а лепестки Кони ее непременно залатают. За шестнадцать лет они не подводили. – Ворчливо болтала сама с собой старуха Герба.

Вскоре она зашла в дом.

«Они никогда меня убьет, потому что пользуется моими лепестками, чтобы латать какую-то гигантскую трещину на небе!».

Кони зажала ладонями рот.

Сколько она себя помнила, старуху всегда пленили ее цветы, она даже говорила, что ими можно небо выстлать! Но Констанция до сего мгновения думала, что Герба просто так выражает свое восхищение! Но это оказалась не метафора, а настоящее проклятие ведьмы! Вечное мучение, и вечные слезы-лепестки, устилающие небо над трещиной.

«Интересно, а что там за трещиной?»

Утомленная Кони легла в постель и тут же уснула.

* * *

Кони проснулась уже уставшей. Она оглядела постель и задумалась: вечером заснула в куче опавших лепестков, но сейчас – ни одного! Ночью они испарились, что ли? Но если прямо сейчас выглянуть в окно, можно заметить, что небо стало чуточку розовее! И как раньше Кони этого не замечала?!

Она поднялась с кровати и вышла во двор. Герба, видимо, утомленная убийством прекрасной Лаванды, громко храпела в гамаке. Констанция мельком глянула на нее и с отвращением поморщилась. Невыносимо было даже глядеть на кровопийцу!

Она побрела на мост.

Констанция глядела на бледно-розовые облака, сколько она себя помнила, небо всегда было такого цвета. Разве могла она представить, что оно такое, потому что её лепестки его покрывают?! Ноющая боль засела в ее сердце и подтачивала его, словно тихая буря. Кони чувствовала себя, буквально, опустошенной, нецелостной, использованной. Она не принадлежала себе. Ее тело стало немощным и уставшим. Она так мало прожила, но словно полвека трудилась на износ! Со своими выплаканными лепестками Кони лишилась силы, части себя и своей жизни.

Она подошла к самому краю моста и остановилась.

– Зачем ты создало меня? – спросила она у неба. – Чтобы я служила ей? Я больше не стану! Я больше не позволю себя

использовать, как какой-то бесконечно цветущий букет! Я больше не дам красть у себя! Я устала постоянно рыдать! Я устала от боли! Я не хочу жить на земле, здесь только страдания... – Констанция опустила голову, разглядывая водную гладь. – А там милый принц...

Кони закрыла глаза и бросилась в воду, оставив пышное облако розовых лепестков, что отсыпались с ее тела, будто зонтики одуванчика под дуновением ветра.

Пока она плавно опустилась на дно, не чувствовала холода, вода не мешала ей дышать! Наконец, она почувствовала, что лежит на дне и решила открыть глаза. Она лежала в заброшенном садике. Где-то парили водяные пери в белых длинных одеждах и мельком бросали на нее взгляды. Пери были очень медлительные, сонные и словно неживые! Другие и вовсе походили на мраморные статуи.

Кони стало жутковато: пери были призраками! Это только за стеклянной стеной они выглядели как живые!

Девушка от испуга так и лежала, распластавшись на дне, не решаясь к попытке познакомиться. К тому же ее тело так отяжелело, что она и подняться не могла!

А где же черноволосый принц? Неужели он тоже лишь привидение?! Тут вдалеке засветилась крохотная звезда. Она отдавала бледно-розовым свечением. Постепенно она росла, и Констанция поняла, что это прямо к ней плыл принц! А розовая звезда горела у него в груди. Она видела ее ещё за стеной аквариума, но теперь она стала ярче.

Принц подплыл к Кони совсем близко и, улыбнувшись, поманил к себе рукой. Девушка неуверенно потянулась к нему и у нее получилось! Неуклюже она привстала на ноги, но они легонько оттолкнулись от дна, и тело Кони парило в толще воды. Впервые испытав удивительные ощущения, девушка расхохоталась и одновременно закружилась как фигуристка. Принца окатило лепестками майских роз, но они прошли сквозь него! Кони, не заметив этого, радостно прильнула к нему, желая дотронуться до его руки. Принц протянул ей свою, их ладони соприкоснулись.

Констанция ощутила приятное щекотание, будто она засунула руку в пену! Кони стремилась ухватиться за руку друга, но не могла. Она чуть не расплакалась от горя!

– Ты не можешь до меня дотронуться... – с сожалением молвил принц.

– Но как ты говоришь под водой?! – ахнула Кони и тут же зажала ладонями рот: и она не потеряла дар речи!

– Ты ведь тоже говоришь! – рассмеялся принц.

– Но почему я не могу касаться тебя?

– Потому что я... – он запнулся и опустил глаза. – Умер!

Констанция в страхе отпрянула от принца и тут же вспомнила, как Герба топила труп Лаванды. Прекрасное подводное царство на самом деле кладбище, а водяные пери – души погибших очеловеченных гюлей! Только сейчас Кони, наконец, осознала это.

– Почему же я не утонула?! – ахнула она.

– Ты ведь творение Майской Розы! А чтобы роза цвела, ей нужна вода!

– Так много?!

– Наверное, столько достаточно, чтобы ты не плакала увядшими лепестками, а шипы не царапали твою кожу!

Кони внимательно оглядела себя. Ветви, обвивающие руки, стали намного мягче, шипы не кололись, дотронувшись до щёк она поняла, что увядшие лепестки-слезинки иссыхали!

Констанция и не надеялась, что останется живой! А, как оказалось, под водой ей и жизнь не в тягость!

Принц познакомил ее со всеми обитателями подводного царства. Однажды Кони уговорила друга показать то место, где были захоронены тела очеловеченных гюлей. Принц неохотно говорил о них. Оказывается, дно гигантского аквариума было буквально выстлано костями! Кони делалось жутко от этого, и она больше не спрашивала о мертвецах...

После исчезновения Констанции и тщетных попыток ее найти, старуха Герба выбилась из сил и просто уснула на берегу озера в своих ядовитых цветках-зонтиках. Разбудило ее щекотание в носу. Ведьма раскрыла глаза и тут же вскочила: весь берег кишел прибившимися лепестками майской розы!

– Вот куда запропастилась девка! – прошипела старуха. – И пускай! Мне только цветы от нее и были нужны!

Теперь каждое утро Герба собирала с поверхности озера

цветы и как прежде они поднимались наверх и застилали собою небо.

... Больше всего Кони и принц любили улечься на воде горизонтально, словно на мягкой перине и, легонько соприкоснувшись руками, глядеть на поверхность воды.

Даже через нее виднелось бледно-розовое небо. В воде почему-то сильнее было заметно и явно, что оно устлано лепестками Констанции.

Кони уже потеряла счёт дням, пока жила в подводном мире. Она так сдружилась с принцем, что уже и не пугала ее Герба, которая, наверное, давно ее ищет, и души мёртвых гюлей не страшили по ночам: обездвиженные и спящие, они сильнее обычного напоминали холодных статуй. Но принц всегда был рядом и сторожил ее сон. Розовое пятнышко на его груди росло с каждым днём всё больше и больше. Кони так привыкла к нему, уже и забыла, что его раньше не было.

Друг всегда засыпал очень поздно. По ночам он сочинял стихи для Констанции. Девушка так ими растрогалась, что непременно решила их записать! Принц нашел решение. Он подсказал Кони, где растут широкие плоские водоросли, и они уплыли за ними. Кони нарвала их и сложила вместе. Затем принц сказал сделать крохотные дырочки по краям и просунуть сквозь них тоненький стебелёк травы, завязать узелок, и готово! На руках у Кони лежала самодельная книжечка! Девушка осторожно и легонько веточкой карябала на

листочках заветные строки ...

– Раньше небо в Гюландии было наполнено облаками и сквозь них легонько просвечивали нежно-зеленые пятна. За небом находится чудесный сад! Наверное, сам рай!

Друзья сидели в заброшенном садике и делились размышлениями о происхождении Гюландии.

– Но сейчас небо бело-розовое! Никто и не думает, что за ним что-то есть, все считают, что оно априори такого цвета! – сказала Кони.

– Ты так считаешь! И те, кто родился после тебя, – улыбнулся принц. – Так было до твоего рождения. Сейчас она прикрывает зелень твоими лепестками...

– Значит, за небом начинается другой мир? Почему он зелёный? Ты думаешь, это и в самом деле рай?! Самый настоящий?! Но, погоди... – Кони запнулась и грустно добавила:

– Получается, что попасть за небо, можно только умерев? Только очутившись в подводном кладбище? Как тот водяной пери, что улетел через трещину? Помнишь, мы наблюдали за ним, когда я ещё жила на суше? Выходит, его душа улетела в чудесный сад, то есть в рай?!

– Я не знаю. Никто не знает, а я только фантазирую. До твоего рождения небо как будто не совсем прятало Гюландию, понимаешь? И трещина иногда просвечивалась... Способ, как ее затянуть Герба нашла давным-давно: делать гербарии из гюлей, очеловечивая их, а потом, помещая в гигантский аквариум их тела, что закопаны на дне. С помощью

душ она сохраняла целостность Гюландии! Чем их больше, тем меньше вероятность, что страна исчезнет! Это началось ещё с ее сотворения: много-много веков назад. Но Герба все равно пугалась, что гюли что-то заподозрят и увидят сквозь облака другой зеленый мир. А потом она нашла тебя, и ее страхи улетучились. Но задолго до этого она похитила молодого сорванца-гюландца за то, что он был слишком любопытным и разгадал ее помыслы...

– Это был ты? – с грустью догадалась Констанция.

– Да, – кивнул принц. – Она убила меня, но я не прочь здесь жить, пусть и смешно это звучит, ведь я давно мёртв! Под водой словно притупилась моя строптивость и желание скинуть Гербу с воображаемого трона: я всего лишь душа, и мне чужды человеческие переживания... В отличие от тебя.

– Но я сбежала от Гербы и не чувствую боли от шипов. Под водой ощущаю себя целостной и живой!

– Но ты и в самом деле живая, Кони! К тому же твои лепестки... Они продолжают опадать, как и на суше... Они всплывают наверх... Думаю, она уже заметила их и по-прежнему использует. – Безрадостно заметил принц.

– Конечно! Мы ведь вдвоем разглядывали небо, пока лежали в воде! Оно все того же цвета. – Удручённо заметила Кони. – Неужели мне не спрятаться от нее? Неужели от нее нет спасения?! Ведь она, как прежде, питается мною!

Кони опять почувствовала себя опустошенной и использованной. Опять ей стало тягостно жить даже под водой! Эти

переживания просто притупились рядом с другом, но от старухи она так и не спаслась, а всего лишь трусливо удрала. Герба по сей день властвовала над ней.

– Что же мне делать? – устало спросила она.

– Помнишь тот день, когда мы наблюдали за водным смерчем, что забрал душу?

– Помню, но почему ты спрашиваешь?

– А почему он уплыл?

– Потому что... я нечаянно открыла книгу!

– Книгу?

– Да! Я открыла книгу, а внутри оказался гербарий с засушенной лавандой! Она уже превратилась в пыль! Наверное, уничтожив его, душа под водой освободилась!

– Да, так и есть! Я давно об этом думал.

– Но не прошло и дня, как Герба похитила очередную гюландку и убила ее! Трещина вновь залаталась! Количество душ восполнилось!

– Да, но если уничтожить все души, она не успеет похитить всех жителей!

– Разве это возможно?! – засомневалась Кони.

– Уничтожить все гербарии! Почему нет?!

Констанция вспомнила последний день перед ее неудавшимся утоплением. Она удрала из дома, пока Герба беспробудно спала! А ведь ещё тогда можно было разбить все гербарии! Но опустошённая и измученная девушка была не в силах и подумать об этом. Лишь умереть ей тогда хотелось!

А сейчас, все та же опустошённая, но все же надеющаяся и оклемавшаяся в компании любящего друга, и приходят здравые мысли по спасению.

– Но тогда ты исчезнешь! – Констанция замерла. – А я вновь останусь одна.

– Ты освободишься, Кони! И все мы обретём свободу!

– Но тогда Гюландии не станет! А что будет вместо нее?! И будем ли мы вместе?

– Это неизвестно! – печально молвил принц. – Зато ты станешь счастливее!

– Я и так здесь счастлива! С тобой! – Кони заплакала. Она закрыла лицо руками, а лепестки-слезинки всплывали сквозь пальцы и поднимались наверх.

– Не обманывай себя, Кони, – тихо сказал принц. – Здесь не настоящая жизнь, а иллюзия, сказка.

– Но если реальность существует, она, наверное, страшна! – сквозь слёзы говорила Кони.

– Нет, она не страшна, Кони. Гюландия пусть и сказочная, но искусственна, здесь можно только мечтать. Здесь царство забвения. А жить можно только в реальности, но и из нее можно сделать сказку! Кони, за розовыми облаками реальность! Твое место там! Тебе нужно попасть туда!

– Ты говорил, что за облаками чудесный сад!

– Да, это и есть реальность! Я и при жизни об этом твердил на каждом шагу, поэтому вскоре и попал в лапы смерти! Если бы это было неправдой, Герба не стала бы меня уби-

вать! Значит, она испугалась!

– Ты думаешь?! – не верила Кони.

– Да, но нужно расчистить небо! Нужно, чтобы трещина зияла!

Констанция вздрогнула и посмотрела вверх. В воду что-то упало: длинная толстая ветвь стремительно опускалась прямо к Кони! Девушка не успела и шевельнуться, как гибкий ствол обвил ее тело и живо потащил на поверхность. И принц не мог ей помочь, а лишь тревожно плыл рядом, не зная, как освободить пленницу.

– Герба нашла тебя! Тебе по силам уничтожить ее!

– Я не справлюсь без тебя! – кричала девушка, протягивая руки к другу. – Не бросай меня!

– Я всегда буду с тобой рядом! – принц положил себе руку на грудь, как раз в то место, где сияло розовое пятно. Он просунул руку глубже и тут же вынул ее и протянул Кони. На мгновение ей показалось, что время остановилось, а силки не так сдавливали ее тело: друг протягивал ей крупную пышную розу!

– Она зацвела в моей груди, когда я увидел тебя, Кони! Ты распустила ее! Возьми ее, пожалуйста! Храни в книжечке с моими стихами, и я всегда буду рядом, а она будет жить даже, когда завянет в страницах дневника.

Констанция забрала цветок и тут же поднялась над озером.

– Ну, наконец-то! – кряхтела старуха Герба. Она стояла на

мосту и тащила толстую ветку, которую успела заколдовать, и та живенько связала пленницу, вот только тянуть «верёвку» пришлось самой Гербе.

– Нагулялась, пора и к матушке вернуться! А то я тревожиться стала!

Констанция, связанная, стояла перед ведьмой. Вот она дернула за ветвь, и пленница медленно ступала за ней. Розу Кони держала в руках, а книжку из водорослей успела засунуть в карман. К счастью, старуха не заметила ни цветка, ни дневника, а девушка поняла, почему так сблизилась с принцем и лишь с ним обрела настоящую дружбу: он тоже был сотворён королевой цветов – Розой. Частичка его души, стиснутая в руке Кони, говорила об этом.

Зайдя в избу, Герба провела Кони в зал и усадила на стул. Развязать ее она и не думала.

– Как теперь тебе доверять, розочка моя? Отныне придётся тебе по моему желанию ходить, вставать, есть.

Констанция почувствовала такую злость и отвращение к старухе, что сию минуту бы придушила ее! Эти эмоции так захватили ее, что и рассудок бы подчинился ее страстному порыву к убийству мучительницы. Кони видела перед собой чудовище, что питалось ею всю жизнь, забирало частички ее тела без спроса, и от этого девушку даже больше одолевало отвращение, нежели злость.

Прошло пару часов, и старуха, подойдя к Кони, встала позади спинки стула, на котором она, связанная, сидела. Стару-

ха ухватила за спинку и стала тягать вправо-влево, устроив пленнице аттракцион. Это Герба так решила «потрясти розу», чтобы стащить ее лепестки. И, правда, тряска удалась на славу: вокруг стула лежало небольшое озерцо из лепестков!

Герба с вождедеющим порывом стала собирать лепестки и подкидывать в воздух.

Кони сидела, словно пришибленная раздирающим чувством отвращения.

Герба, словно омерзительный слизень, трогала ее цветы. Кони хотелось отмыть их дочиста, но как бы она их не терла, следы мерзкой слизи все равно останутся на них: Герба своими прикосновениями будто пометила цветы собой и присвоила себе.

Кони чувствовала, что сходит с ума. Старуха все это время похищала ее сущность! Констанция не в силах это осознать уже мечтала умереть, но тут почувствовала, как пальцы на руках что-то обожгло. Эта боль притупила другие эмоции и даже отрезвила ее. Кони пошевелила пальцами и догадалась, что их обжигала роза принца! Девушка держала ее за бутон и постаралась его потихоньку приподнимать. Вот она дошла до стебля. Он не горел. Кони крепко ухватила за него и прислонила бутон к верёвке...

Герба, наигравшись лепестками, вдруг мельком глянула на пленницу.

– Чего это ты так задумчиво смотришь, будто замышляешь недоброе?

Кони не выдержала и нервно расхохоталась: уж точно не старухе-ведьме спрашивать о подобном!

– Да, как ты смеешь смеяться?! Я не разрешала!

Кони резко вскочила со стула и набросилась на старуху, связывая ее верёвкой.

– Как?! Как?! Как ты посмела?! Как ты развязалась?! Как ты осилила мое заклинание?!

– Подавись им, ведьма!

Кони связала Гербу и запихала конец веревки-ветви так глубоко ей в рот, что она захрипела. Тут девушка заметила, как ведьма вытаращила глаза и явно не оттого, что ей не хватало воздуха. Кони догадалась, что она смотрит на упавшую розу принца. Ее бутон запылал и поджог все вокруг, и пламя уже перекинулось на шторы. Ещё чуть-чуть и оно дойдет до стены, увешанной гербариями!

Констанция, оставив замотанную ведьму, схватила стул за спинку и разбила им все гербарии! Через мгновение земля содрогнулась, будто под ней проснулось гигантское чудовище.

Задыхаясь от дыма, она в панике стала искать розу. Цветок лежал у нее перед носом. Кони схватила ее за стебель и выскочила из дома, пока огонь не убил ее. Уже выбежав во двор, она услышала сдавленные мольбы Гербы и омерзительный звук горения ее тела: казалось, подожгли сухую траву, и она громко трещала, стиснутая огнём.

Констанция упала на землю и повернулась на спину, при-

жимая розу к груди. Встревожено она похлопала по карману и тут же успокоилась: дневник был на месте.

Констанция глядела на небо. Вид был ужасающим, но и как будто красивым.

Трещина зияла. Она становилась все шире и шире, а с неба падал серебристый пепел: сожженные лепестки Кони. Они падали и падали на неё, а Кони рыдала навзрыд.

Гюландия рушилась, земля гремела, но Кони лежала с закрытыми глазами и чувствовала, как нежные останки частичек ее тела щекочут лицо. Тут она почувствовала, как кто-то легонько дотронулся до нее и вытащил дневник из кармана.

– Я оставляю тебе послание, Констанция.

А потом она услышала, как кто-то прошептал ей прямо на ухо:

– Какое всё-таки у тебя красивое имя...

Кони открыла глаза и увидела лишь зелёные ветви. Это чудесный сад? Рай? Как и обещал принц?

Но Кони не успела додумать: она потеряла сознание.

– Она в обмороке! Кто-нибудь принесите воду!

Садовник тревожно глядел на бледную девушку. Тут он стукнул себя по лбу и запричитал:

– У меня же распылитель с собой, чёрт его бери! Ничего если я ей на лицо легонько прысну, она вон, какая милая, словно майская роза!

Кони почувствовала, как капельки воды резко намочили

ее щеки. Она открыла глаза и привсталала. Вокруг было много людей. Все обеспокоено глядели на нее.

– Все в порядке! – громко заявил садовник. – На свежем воздухе, поди голова закружилась!

Кони встала, отряхнула платье и стала оглядываться. Окружающие уже не тарасились на нее, а вновь увлеклись растениями.

Кони была в ботаническом саду!

– Вас зовут Констанция?

Кони резко обернулась и увидела перед собой высокого черноволосого юношу.

– Да. – Неуверенно произнесла она.

– Это, наверное, ваше.

Юноша протянул ей дневник.

– Почему вы так решили?

– На нем ваше имя. – Юноша замолчал, но не решался уйти.

Ему хотелось заговорить с Кони, но, не зная, о чем, быстро выпалил:

– Мне кажется, вы должны прочитать, что там написано.

Кони смущённо и недоверчиво поглядела на «принца» и, волнуясь, открыла дневник. На первой странице в самом верху была надпись, словно эпитафия:

«Констанция.

Какое красивое имя.

Я произношу его и вижу, как сквозь колючие тернии шиповника пробирается лесная нимфа, но иглы уже не ранят ее».

Пара слезинок упала на лист, и чернила немного растеклись. Кони дотронулась до щеки, вытерла ее и поглядела на пальцы. Это были настоящие слёзы! Они сулили облегчение и долгожданную свободу.

Кони взглянула на юношу. Тот смотрел на нее и улыбался. Он протянул ей руку, и Кони медленно и неуверенно протянула свою. Его рука была теплой и живой. Она не растворилась, словно морская пена.

Юноша и девушка последовали за другими посетителями ботанического сада, с интересом слушая лекцию садовника об экзотических цветах и растениях.

Волшебное сердце

Кряхтя и отплеываясь от золы, старуха приоткрыла дверцу из древнего трухлявого пня и кубарем скатилась на подмостки, прижимая к груди увесистый продолговатый свёрток.

Она очутилась на сцене заброшенного театра. Какими причудливыми декорациями она была украшена: сцена представляла собой небольшой искусственный городок. А пень, из которого вылезла старуха – сооружение из досок.

Старуха быстро вскочила на ноги и, осматриваясь по сторонам, быстрыми шагами направилась к избе. Только закрыла она за собой дверь, как свёрток зашевелился и даже расплакался. Старуха тут же стала угукать и успокаивать его.

Она положила свёрток на кухонный стол и развернула. В нем, дёргая ножками, лежал полугодовалый младенец, испачканный печной золой. Старуха вымыла ребёнка и сама переоделась. Какой уродливой она оказалась! Ведьме, наверное, было лет двести! Она представляла собой живой труп. Казалось, с нее можно без труда снять кожу, даже не прибегая к ножу!

Дав малышу бутылочку с питьем, она приступила к готовке.

На середине мрачноватой кухни стоял огромный котел. Старуха подожгла огонь и налила в него воды. Когда она за-

кипела, ведьма бросила внутрь моток пряжи, по размерам сравнимый с младенцем, что беззаботно пил молоко из бутылочки.

Старуха что-то бормотала и мешала деревянной палкой пряжу.

Прошёл час. Младенец уснул.

О, ужас! Ведьма коснулась своей иссохшей щеки и с лёгкостью оторвала ее, оголяя скуловую кость! Даже крови почти не было! Наверное, она успела сгнить в мёртвом теле.

Ведьма бросила кусок вырванной кожи в котел с распущенной пряжей.

Она снова накинула капюшон и подошла к спящему младенцу. Маленькой, но острой иглой она проколола ему пяточку, тут же собрала три капельки крови на блюдечко и вылила в котёл. Малыш лишь покуксился во сне и даже не проснулся. Ранка тут же зажила.

Старуха помешивала содержимое котла и все бубнила заклинания.

Прошёл ещё час.

В котле лежала только аккуратно сложенная сухая пряжа. Ведьма уселась пряхть, а ребёнок все спал.

К глубокой ночи она связала куколку. На ее животе осталась торчать ниточка, как пуповина у новорожденных.

Старуха подошла к спящему младенцу и аккуратно перевернула его на животик. Она прислонила «пуповину» куклы к спинке ребёнка, прямо возле лопатки. Ведьма слегка на-

давила на нее, и тут малыш проснулся и расплакался. Укол иглой был гораздо больнее, но кроха почти не ощутил его, а прикосновение мягкой куклы отозвалось острой болью.

Старуха убрала куклу от малыша. «Пуповина» исчезла! Она выросла под лопатку ребенка, словно дополнительная косточка!

Старуха пристально поглядела на младенца, ловя его взгляд. Вот малыш замер и даже не моргал, захваченный ведьмовскими злыми глазами.

– Теперь ты мой! – нежно прошипела старуха. – Твою куклу я оставляю у себя, а тебя отправлю новым заботливым родителям. Когда ты проживёшь всю длину пряжи, я буду ждать тебя. Каждый день от твоей куколки будет распускаться по петельке, а когда они закончатся, ты сам придёшь ко мне! А новая косточка-веревочка под твоей лопаточкой, всю жизнь будет колоть в твое сердечко, и ты будешь тосковать и грустить. Она как лишняя косточка в твоём тельце никогда не даст тебе дышать свободно. Ты никогда не узнаешь, откуда эта боль, но, когда закончатся петельки, она притупится, но не исчезнет, а я заберу тебя. Косточка-веревочка проведёт твою душу ко мне! Я с нетерпением буду ждать тебя. – Обезображенным ртом она поцеловала ребенка в лоб. Тот мгновенно уснул.

Старуха поставила куклу на полку стеклянного шкафа, где стояло ещё с десятков таких же. Одни были наполовину распущенные, у вторых уже не было ног, а от третьих оста-

лось что-то круглое – макушка головы, или часть туловища. Их ниточки свисали и падали на нижнюю полку, напоминая лужицу растекшейся крови.

Жуткое зрелище!

Старуха завернула малыша в одеяло. Поглядев на него, она ногтем что-то накарябала на бумажке и вложила ее в сверток.

– Твоё имя – Рани – Хранитель Тоски.

* * *

Давным-давно существовал на свете чудной искусственный городок. Он располагался на сцене заброшенного театра.

Здесь солнце никогда не выходило из-за тёмно-синих тряпичных туч, которые будто пыльные одеяла, свисали с длинных веревок высокого потолка. Создатель намеренно лишил света городок, и дело не в жадности или лени – солнце дарит счастье, а это не входило в умысел творца.

Здесь всегда царили сумерки, и частенько опускался туман – творец любил напустить темно-серого пуху на сцену.

Большинство домиков были сделаны из картона, некоторые из макарон, и несколько из спичек.

Был в чудном городке и лес. Создатель строго следил, чтобы он менялся, как меняются времена года: летом и весной деревья – коричневые карандаши, были облеплены карандашной стружкой от зелёных и салатových товарищей. Каждый год они «стачивались», пока не оставался маленький пе-

нёк. Но жители городка заботились о густоте леса, и вовремя сажали новые карандаши-деревья.

Осенью на смену карандашам вырастали длинные рыбные и куриные кости, осыпанные золотистыми пайетками-листьями, которые к зиме исчезали. Вместо них голый лес утопал в сахарной пудре.

В лесу находилось топкое болото из зелёного желе. Осенью оно кишело золотистыми листьями-пайетками, а зимой походило на каток, усыпанный сахарным снегом!

На болоте находилось настоящее и единственное сооружение – маленькая избушка. В ней жила древняя старуха. Ее называли Болотной Кикиморой. Она была безобидная и нелюдимая, поэтому и поселилась на середине вязкого болота-желе. Дальше леса старуха никогда не выходила. Поговаривали, что вместе с ней жила ее внучка – юная и красивая девушка. Кто-то даже видел ее гуляющей по лесу, но было это так редко, что многие не верили в существование девицы. Как и старуха, она была нелюдимой, излишне скромной и так сильно закутывалась в платок, что только красивые глаза да аккуратный нос и виднелись из-под него.

Жили в чудном городке оживлённые куклы из соломы, пластилина, глины, фарфора. Была даже красивая пара из стекла: балерина и ее танцовщик.

Но, несмотря на красоту, куклы оставались куклами: холодными, равнодушными, бесчувственными, не способными любить.

В этом странном, чудном и жутком городке вместе с мёртвыми родителями жили настоящие живые ребяташки!

Однажды рано утром стеклянная балерина обнаружила во дворе дома, не пойми откуда взявшуюся, кучу разбитого стекла. Прямо на ней лежал младенец и плакал! Балерина позвала танцовщика. В этот день они стали родителями живого младенца. Он был завернут в толстое одеяло, в его складках балерина и ее муж нашли небрежно оторванный клочок бумаги. На ней было написано: Сани – Принцесса Нимф. Так звали девочку.

Балерина и танцовщик заботились о ребёнке, выполняя все его нужды. Они работали слаженно, как лучшие исправные машины, создавая малышке комфорт и порядок.

Но, как и все куклы они могли испытывать лишь одну эмоцию – радость, их лица навсегда застыли с нелепыми улыбками. Их живой дочери временами было жутковато видеть лишь застывшие безрадостные улыбки стеклянных родителей. Подрастающая Сани, как и все дети искусственного городка, была лишена самого главного – понимания, любви и привязанности.

Родители-куклы заботились, чтобы ребяташки посещали школу, где они узнавали о настоящих городах. И вообще они учились как обычные дети, только мир вокруг них был ненастоящим. Кормили их настоящей едой, но однообразной и почти безвкусной, а фрукты и ягоды ребята видели только на картинках в книжках.

С самого детства в сердце каждого ребёнка росла невыносимая тоска и боль от одиночества. Между собой ребята особенно не разговаривали, но каждый грезил, что однажды найдет настоящий мир, где природа и вещи подлинны, как на красочных картинках в учебниках и книжках.

Имя каждого ребёнка уже с момента появления в семье кукол говорило о его принадлежности к тому или иному миру. Например, девочка Сани всегда знала, что она Принцесса нимф и грезил, что однажды улетит в сказочную страну.

Каждый ребёнок рано или поздно уходил в свой настоящий мир. Для этих счастливых даже было создано специальное место, где разбили чудесный парк. Здесь было много спичечных коробков, которые лежали ровно, друг напротив друга. Здесь почивали вечным сном ребята, которые нашли настоящий мир и убежали в него. Парк со спичечными коробками называли Кладбищем Чудес или Кладбищем Снов. Но в понимании детей к смерти оно не имело отношения.

Кладбище Чудес считалось святым местом, где ребята находили освобождение от искусственной жизни.

Каждый мечтал попасть туда и с нетерпением ждал, когда настоящий мир найдет его и откроет свои двери, а до тех пор бедняжки жили с родителями-куклами.

Шли годы. Кладбище Чудес почти полностью заполнилось спичечными коробками с путешествующими ребятами.

Сани долго искала своих сородичей-нимф, но, сколько бы она ни разглядывала карандашную стружку на деревьях, ни-

как не могла отыскать там летуний! Но она не унывала и терпеливо ждала заветного путешествия в один конец.

В один привычный скучный день она шла из школы и вдруг почувствовала, как рядом с ее сердцем под лопаткой что-то резко оборвалось. В это мгновение она ощутила такую лёгкость, что даже споткнулась и упала! Она как будто бы всю жизнь была привязана к верёвке, которая мешала ей свободно ходить – а теперь она почувствовала себя абсолютно свободной!

Сани быстро встала и отряхнула коленки, сняла школьный ранец и стала ощупывать спину, но ничего странного не обнаружила.

Радостное предчувствие не покидало ее, она почувствовала, как до ее щеки коснулось что-то лёгкое. Сани резко потрогала лицо и поглядела на пальцы. Они были измазаны серебристо-розовой пылью! А прямо сейчас она услышала взмах крыльев прямо над ухом, и вот, проворная летунья, задорно хохоча, улетела в лес. Сани услышала хрустальный смех и щебечущий голосок, что манил за собой:

– Принцесса нимф, пора домой! Спешите за мной!

Сани, забывшая обо всем от счастья, вприпрыжку принялась догонять маленькую пера.

Вот она залетела в лес и уселась на зелёную карандашную стружку высоченного дерева. И тут произошли чудеса: все, чего касалась пера крыльями, превращалось в настоящие деревья и листья! Сани от волнения даже забыла дышать! Пе-

ри все звала к себе. Девочка, не глядя под ноги, стала забираться на дерево.

Проказница же, облюбовав одни ветви, живенько вспорхнула и улетела на соседние. Они тут же начали меняться, оживать и вскоре разрослись в пышную ель!

Пери манила и манила, а Сани и не думала, как опасно прыгать с ветки на ветку! Так она и скакала с одного дерева на другое, словно проворная птица, но шаловливая летунья все никак не останавливалась. Вот она подлетела к высокому замшелому пню и уселась на него. Запыхавшаяся Сани смело забралась на пень, и, качаясь, пошагала к краю, где и сидела маленькая пери. Но пень оказался трухлявым, и нога Сани провалилась в труху.

Пери вспорхнула и уселась на соседнее дерево. Сани зазмурилась, резко оттолкнулась от пня и заметила, как прелестная пери вмиг обернулась в уродливую чертиху. Едва Сани успела вскрикнуть от страха, как чернота поглотила ее...

Вечером того же дня восторженные жители городка – родители-куклы и их живые ребятишки – с радостью поместили безжизненное тело Сани в спичечный коробок. Ребятишки с завистью глядели, как спящая мертвым сном счастливица отправилась путешествовать в коробке-гробике.

Лишь один мальчик наблюдал за обрядом с испугом – он не хотел здесь находиться. Его родители, вылепленные из пла-

стилина, медленными тяжёлыми шагами приблизились, отец положил руку на плечо. Мальчик съежился, поморщился и с отвращением еле-еле сбросил с плеча тяжёлую руку отца.

– Ты холодный. Не трогай меня. – Не повышая голоса попросил он, уставившись на спичечный коробок, куда положили Принцессу Нимф.

На коробке написали ее имя.

Потихоньку жители стали расходиться по домам.

Мальчик Тёма лежал на своей твёрдой кровати, вылепленной из пластилина, и глядел в потолок.

Всю свою недолгую жизнь он мечтал найти Волшебное Сердце. Тёма не ведал, где его можно отыскать, но, сколько себя помнил, в его голове летала фраза:

«Всю жизнь тебе предстоит страдать в холодных объятиях пластилиновых родителей, отыщи же Волшебное Сердце, и оно согреет твою одинокую душу».

Стояла глубокая ночь, но сон все никак не шёл. Сегодня на Кладбище Чудес Тёме стало дурно. Счастье, охватившее жителей: и детей, и родителей – не задело его. Тёма почувствовал страх и острое одиночество. Он очень хорошо учился и, читая о настоящих мирах, в отличие от других детей верил, что в них можно попасть, минуя Кладбище Чудес. Родители уверяли дочерей и сынов, что они навечно засыпали, и Тёма свято верил в это, пока был маленьким. Сейчас ему двенадцать лет, и он видел, какой странной сделалась Сани:

она была серая, и совсем не было заметно, что она дышала во сне! Она на самом деле умерла! Почему же никто этого не заметил?!

Тёма ворочался с боку на бок и, наконец, встал с постели.

Он решил прогуляться. Пластилиновые родители не могли спать: они ведь не люди. Зато по ночам в них как будто сажались батарейки, и мама с папой превращались в обездвиженные пластилиновые фигурки.

Ещё когда Тёма был совсем маленьким, он однажды увидел «спящих» родителей. Он испугался и расплакался: решил, что папа с мамой умерли! Как только Тёма их ни пытался оживить! Он растирал им руки и ноги, светил на них лампой, даже дышал на них, пока не упал в обморок!

Но пластилин оставался холодным, а родители-куклы не оживали. Но утром они «проснулись», правда, поведение их особо не изменилось. Они оставались равнодушными куклами.

Тёма с того самого дня пообещал себе, что всё-таки найдёт Волшебное Сердце и с его помощью обретёт тепло и заботу. Но он был уверен, что здесь Сердце не найти. Надо убежать в настоящий мир, где светит солнце. Там он и отыщет Волшебное Сердце. До вчерашнего дня он верил, что для этого нужно поселиться на Кладбище Чудес, но увидев «спящую» Сани, начал сомневаться. Ведь в книгах рассказывалось о настоящем мире, а значит, где-то есть города с живыми людьми, настоящие леса, моря, реки – этот мир на-

до найти, а не засыпать мертвым сном в спичечном коробке.

Чтобы убедиться в том, что Сани умерла, он решил дойти до Кладбища Снов и осторожно поглядеть в коробок, в котором она «путешествовала», по словам учителей и родителей.

Миная заброшенный пруд – пятно голубого пластилина на куске картона – он живенько очутился прямо перед пёстрыми воротами Кладбища Чудес – куклы-родители смастерили их из цветных фломастеров – здесь не было места сестры и печали.

Тёма резко обернулся: у пруда на корточках сидела девочка. Она с тоской глядела на пластилиновую поверхность «воды», горько плакала и бесконечно о чем-то просила. Тёме стало любопытно, но сначала он решил поглядеть на Сани. Приблизился к ее коробку и уже хотел было открыть, как внутри что-то шевельнулось!

Неужели Сани живая?!

Тёма очень испугался и уже был готов удрать, перепрыгнув через забор, но побоялся, что не успеет, и ожившая Сани его накажет! Он, не задумываясь, открыл соседний пустой коробок и залез в него. Две спички, что лежали внутри, щёлкнули его по голове. Мальчик хотел было их выбросить наружу, но передумал: будет, чем отбиваться от расшарившей Сани.

Снаружи стоял шорох. Трясущейся рукой Тёма приоткрыл крышку и громко охнул.

Из гробика-коробка Принцессы Нимф вылетел шар света.

Он напомнил Тёме огромную ёлочную игрушку, как на картинке в его книжке.

Что это такое?!

Вдруг, откуда ни возьмись, словно тоненькая змейка, возле шара появилась веревка. Свободным концом коснулась шара, и они соединились, словно одно целое!

Шар стал вращаться, превращаясь в клубок!

Тёма, прячась под спичечным коробком, осторожно пополз следом за шаром. Спички он тоже прихватил.

Шар указывал путь ярким свечением. Он летел прямо в лес. Тёма еле поспевал за ним. Вот шар, почти весь обмотанный верёвкой, поплыл над болотом.

Тёма быстро сообразил, сбросил коробок и опустил его в болото. С помощью спичек-весел он разгребал густое желе и спешил за шаром. Тот плыл по направлению к избе, где жила Болотная Кикимора. Вот он упорхнул в открытое окно. Тёма вскоре догнал его, осторожно вытащил коробок из желе и положил в него спички-весла.

Он заглянул в окошко и тут же опустил голову: прямо перед его носом стояла девушка. Неужели это внучка Болотной Кикиморы?! Она ведь была всего лишь мифом! Но где сама Кикимора?!

Тёма вновь осторожно поднял голову и, раскрыв глаза, заворожено глядел на девушку.

Как прекрасна она была! Черные длинные волосы, заплетенные в две толстые косы, доходили до талии, тонкие белые

руки сжимали шар, замотанный в верёвку.

Тёма заметил, какое тонкое и красивое у нее запястье, но тут девушка повернула шар, и Тёма чуть не вскрикнул от ужаса: на другом предплечье кожа ее была такой морщинистой и дряблой, словно она обварила ее в кипятке, словно это не её рука, а древней старухи!

Тут Тёма закрыл ладонями рот и сел на корточки. Так, где же всё-таки сама безобразная Кикимора?!

Сердце у Тёмы стучало так быстро, что он уже хотел было прыгнуть в коробок и уплыть из этого жуткого места!

Но он совладал со страхом, почему-то был уверен, что Кикимора не придёт.

Поэтому все же решился и продолжил наблюдать за её внучкой.

Она разматывала верёвку. Ее красивое юное лицо исказилось безумной жутковатой улыбкой.

И вот шар парил перед ней.

Тёма распахнул глаза и совсем не моргал: шар опустился на морщинистую руку девушки и разлился по ней, словно светящаяся белоснежная повязка. Вот она растворилась, и кожа на руке стала молодой и гладкой.

В этот момент девушка расхохоталась, да так зловеще и громко, что Тёма живо опустил коробок на желе и так быстро заработал веслами, что вмиг очутился на берегу.

Он бежал так, как никогда до этого не бегал.

Он понял: внучки не существовало!

Болотная Кикимора – ведьма, похищающая души ребят-шек, чтобы сохранить молодость и красоту!

* * *

«Твой мир – вода. Ты будешь жить с соломенными родителями, для которых вода – смерть. И настоящего моря ты никогда не увидишь, а будешь только мечтать о нем. Я награждаю тебя двумя подпорками, чтобы ты бродила по земле и постоянно чувствовала свою принадлежность к морю, но не могла уплыть, а только сильнее тосковала день ото дня».

Кая открыла глаза и поморщилась: жёсткая солома вылезла из-под матраца и колола прямо в поясницу. Девочка села в кровати. Она положила руки на колени. Вот они, две ее подпорки, а ведь на самом деле, она Морская Девочка!

Кая вспомнила сон, что ей приснился.

Какие ужасные слова кто-то говорил ей! Они звучали, как проклятие. Но ведь они всю жизнь звенели в ее голове! Как будто они ей принадлежали, были ее частью. Так она считала до настоящего момента, но в недавнем сновидении она словно отделилась от этих слов. Они будто откололись от нее, и произносил их кто-то другой. Теперь она услышала голос – жуткий, тихий и одновременно убаюкивающий.

Кая вздрогнула. Ей пришла совсем нелепая мысль: а что если ее усыпили, и только сейчас, когда ей исполнилось двенадцать лет, она проснулась и поняла, что ее подпорки ей даже нравятся и, она совсем не хочет их обменять на хвост, чтобы уплыть в море!

Кая потрясла головой. Что за странная мысль?! Она Морская Девочка, и не собирается прожить в тоскливом одиночестве с соломенными родителями в псевдогородке! Скоро она уплывет в море!

Для убедительности она засунула руку под подушку и достала три маленькие ракушки. Мама с папой говорили, что ракушки были с ней при рождении.

Сколько себя помнила, Кая всегда мечтала уплыть в море. Какие только она обряды не придумывала! И с ракушками разговаривала, и в постель с собой брала, и под подушку перед сном прятала, мечтая утром проснуться под водой, взглянуть на свои подпорки и вместо них увидеть рыбий хвостик.

Но каждое утро она просыпалась на ненавистной соломенной кровати и слышала, как мама с папой зовут на завтрак. Ей приходилось есть пересоленную или, что ещё хуже, сыроватую еду, приготовленную ожившими куклами-родителями. Они ведь не нуждались в пище и не понимали, почему дочь с неохотой ела. Хотя они вообще ничего не понимали, потому что не умели!

Кая старалась не углубляться в подобные мысли, ей становилось жутко, и она чувствовала, как паника и дикий страх нарастают в ее бешено стучащем сердечке. Девочка знала, что живёт с куклами, но размышлять, почему так произошло, ей было боязно.

Поэтому Кая сутками напролет читала книжки о морских

приключениях и облепила всю комнату рисунками подводного мира и подводных жителей. Так она переживала одиночество и бесконечную тоску, которой болели все детишки псевдогородка.

Какой мучительной была эта тоска! Кая верила, что подводный мир точно существует, но кто-то злой поместил ее в псевдогородок в семью соломенных кукол! И она теперь вынуждена жить с ними, ее грусть только усугубилась рядом с бесчувственными родителями.

В своих фантазиях Кая иногда доходила до того, что ощущала запах водорослей и морской воды. Но когда понимала, что вокруг те же искусственные домики, плакала навзрыд, из-за того, что не могла вернуться в свой настоящий дом – в море! Каким горем это было для несчастной девочки!

Но сегодняшний сон словно отрезвил Каю и вывел из привычных фантазий. Неужели все неправда?! Ведь даже на уроках жестокий деревянный учитель, смахивающий на раздобревший шифоньер, твердил, что русалок (морских девочек) не существует! Как так?! О чем же теперь думать Кае?! О чем мечтать?!

Она на мгновение представила, что ее мечта исчезла. Нет, только не это! Как жить без мечты? Если она забудет про подводный мир, ей придётся навсегда остаться в псевдогородке, а это мучительно! Лучше уплыть!

Кая вскочила с постели и решила сию же минуту отправиться на пруд. Она всегда там пропадала и молила его при-

гласить к себе – ведь в книгах было написано, что в пруд впадали ручьи, а ручьи давали начало рекам, а реки впадали в море! Но ненастоящий пруд равнодушно молчал. Кая была уверена, что он и сегодня промолчит, но упрямо собиралась в путь.

И вот она брела по картонным тропинкам псевдогородка.

Ах, как жаль, что не с кем ей поделиться своими мыслями! Родители-куклы уж точно не поймут, а живые ровесники так заняты поисками волшебных миров, что и подходить к ним страшно!

Вот Кая уселась на берегу пластилинового пруда. Обычно она закрывала глаза, сжимала пальцы в кулак, прислоняла его к переносице и молила пруд забрать ее к себе. Она была готова отдать свои подпорки ради этого! Сейчас Кая хотела по привычке повторить то же самое, но вдруг нахмурилась и решила, что это как-то глупо... Разве пластилин превратится в воду?! Это так же наивно, как ждать от ее соломенных родителей объятий и тепла! Выходит, ее обманули! Она не станет ундиной! Она обычная девочка, которая мучается, живя с искусственными родителями. Осознав это, Кая навзрыд расплакалась.

Ей было грустно и оттого, что развеялась ее единственная мечта, которая помогала выживать в мире без любви! Как же теперь ей находиться здесь?! Неужели ей не сбежать?!

– Привет!

Кая вздрогнула, не удержалась на корточках и кубарем

скатилась в голубой пластилин. Мечта уплыть всё-таки осуществилась, пусть ноги ее не срослись в хвостик!

– Извини, пожалуйста!

Ей кто-то помог подняться. Перед Каей стоял мальчик – ее ровесник.

– Ты кто?! – она испуганно отпрянула.

Мальчик тоже немного отступил.

– Меня зовут Тёма! – представился он.

Кая долго на него глядела. Впервые в жизни она видела живого человека так близко, ведь даже в школе дети городка сидели порознь! Все делалось ради того, чтобы никто не подружился!

Мальчик тоже пристально разглядывал ее. Словно два инопланетянина дети тарацились друг на друга, не в силах заговорить.

– Ты живой, как и я? – наконец, спросила Кая, хотя это было очевидно, но нужно было уже что-то сказать!

– Конечно! Неужели, я похож на твоих родителей? – весело спросил Тёма.

– Нет, просто... – Кая разволновалась, – Я впервые в жизни разговариваю с человеком!

– Я тоже! А как тебя зовут?

– Я – Кая, Морская Девочка. А ты?

– Тёма – Теплый Мальчик! А что ты здесь делаешь?

Тёма поглядел на пруд и все понял.

– Ты... хотела уплыть? – упавшим голосом спросил он.

– Не совсем, – Кая вдруг смутилась: ей стало стыдно, что она – такая глупая девица – разговаривала с пластилином! – Я думаю, что это не моя мечта...

– Уплыть?

– Да. Здесь ведь нет настоящей реки или моря.

– Согласен! – улыбнулся Тёма. – А кто твои родители?

– Соломенные куклы. А твои?

– Фигурки из пластилина.

– А о чем ты мечтаешь? То есть, где твой волшебный мир?

– Я ищу Волшебное Сердце!

– Ух, ты! А зачем оно тебе?

– С ним я буду не одинок! Оно согреет меня в холод!

– А что ты для этого должен сделать? – полюбопытствовала Кая. – Я, например, должна уплыть в море! А ты?

– Я хочу сбежать отсюда.

– Так ведь все хотят!

– Нет, – возразил Тёма. – Остальные дети просто отправляются на Кладбище Чудес! А я хочу убежать отсюда! По-настоящему!

– Как это?! Но ведь Кладбище Чудес и есть то место, где все путешествуют!

– Нет, Кая. Это то место, где все умирают...

Кая распахнула глаза от удивления. Выходит, Тёма знает нечто такое, о чем она лишь смутно догадывалась?

– Ты говоришь, что будь у тебя Волшебное Сердце, тебе было бы тепло? – спросила она.

– Да.

– Может быть, поэтому ты живёшь у пластилиновых родителей? Ведь они никогда не станут тёплыми и мягкими, потому что расплавятся от жары!

– А твои родители никогда бы не научили тебя плавать, ведь солома намокнет, и никогда не станет прежней, сколько ни суши!

– Мне прямо сейчас пришла мысль, что кто-то специально нас подбросил к таким родителям, с которыми наши мечты уж точно не сбудутся!

– Да, но зачем?! Чтобы мы острее чувствовали одиночество и быстрее... попали на Кладбище Чудес! – сам ответил на свой вопрос Тёма.

– Кому это нужно?! – испуганно спросила Кая.

– Болотной Кикиморе! – воскликнул мальчик. – Я сегодня кое-что увидел... Очень страшное...

– Что же?! – Кая испуганно огляделась.

– Ты ведь знаешь, что Сани вчера отправилась путешествовать?

– Да!

– Так вот я не поверил в это! Я видел ее лицо в спичечном коробке! Она была мёртвой!

Кая вскрикнула и зажала рот ладонью.

– Мне тоже так показалось, но я даже не стала об этом думать, а сегодня мне приснился такой жуткий сон! Чей-то голос говорил мне пророчество о том, что я, пусть и принад-

лежу воде, никогда не уплыву! Я всегда это знала, но во сне я поняла, что мне это кто-то внушил!

– Это Кикимора! Точнее ее внучка, то есть не совсем она...

Тёма запутался. Он не решался говорить, что на самом деле видел на болоте. Вдруг Кая испугается или не поверит? Но она глядела на него с вниманием и уж точно не собиралась над ним потешаться.

– Помнишь, ходили слухи, что у Кикиморы есть внучка?

– Да!

– Так вот у нее нет внучки! Это сама Кикимора!

– Как так?! – ужаснулась Кая.

– Я сегодня решил прийти на Кладбище Чудес и убедиться, что Сани умерла... Но не успел я и подойти к ней, как ее душа вылетела из коробка и уплыла на болото! Я проследил за ней! В избушке была только внучка старухи! Она была очень красива, но кожа на одной руке дряблая и шершавая, как у самой Кикиморы! Душа Сани легла на нее, и рука вмиг помолодела!

– Хочешь сказать, что Сани умерла для этого?! – опешила Кая и обхватила себя руками. Она затряслась всем телом.

– Да! Теперь ты понимаешь, что волшебные миры – ложь! Думаю, мы здесь не рождались! Кикимора похищала нас у настоящих родителей! Чтобы сохранить молодость и жить вечно, она пожирает наши души, для этого и сотворила псевдогородок! А куклы-родители, наверное, ее слуги!

– Какой ужас!

– Нужно отсюда выбираться! Если она как-то притащила нас сюда, значит, есть выход!

Ребята до самого утра спорили, где могла оказаться заветная дверь в реальность. Тёма был уверен, что она находилась где-то поблизости от избушки Кикиморы. Кая поддерживала нового друга и убеждала, что дверца, скорее всего, может быть спрятана так, чтоб никто не догадался! Кикимора замаскировала её под какой-то вещью.

... Ведьма сидела в своей избе и внимательно прислушивалась к смелым речам двух маленьких вольнодумцев. Неужели бунтари думали, что останутся не услышанными?! Она и есть творец этого мира – создательница городка! От нее не утаить ни один звук, ни один поступок!

Когда она заметила смельчака-Тёму в своем окне, поняла, что тот становится опасным и надо бы подраспустить петельки на него кукле. А теперь ещё и девчонку посмел сманивать на свою сторону! Этому не бывать! Она переиграет ребятишек и заберёт их души – они даже не поймут, как собственноручно отдали ей свои сердца!

* * *

Тёма и Кая наслаждались завязавшейся между ними дружбой.

Днём они были обычными грустными ребятами, погруженными в свои чудесные миры, а по ночам встречались возле пластилинового пруда и до утра разговаривали.

Помимо плана побега из псевдогородка у них нашлось много тем для бесед. Болтая без умолку, друзья бесконечно удивлялись, сколько радости, оказывается, может приносить дружба!

Ни Тёма, ни Кая и не вспоминали о путешествиях в волшебные миры! Зачем его искать, если вдвоем так весело?! Их прежние представления о мнимом счастье испарились. Ведь можно просто дружить, а не селиться на Кладбище Чудес!

– Кая, с тобой я перестал искать Волшебное Сердце! Я его нашел в тебе!

– А я и не думала, что мне будет так хорошо в нашем искусственном городке!

– Можно, я всегда буду рядом, ведь с твоим Волшебным Сердцем так тепло и уютно! Я не чувствую одиночества!

– А я не хочу уплыть в море, когда ты рядом! Мне теперь кажется, что с тобой я могу и в домике из макарон жить! Какая разница из чего слеплен, ведь мы вместе!

Кая и Тёма крепко обнялись, даже не подозревая, что всевидящим взглядом за ними наблюдает ведьма. Вот ее юное лицо искажается в злобной усмешке: как они смели противоречить ее проклятиям?! Она не для этого их поселила в своем искусственном мирке! Они оба принадлежат ей!

Ведьма размышляла над планом. Мальчишка сам сказал, что отыскал Волшебное Сердце! И не мудрено: петелек на его кукле осталось совсем немного. Но девочку оставлять

в живых тоже нельзя. Она возьмет их одновременно! Нужно только придумать как!

Ведьма распахнула глаза, а лицо озарила догадка. Все решено.

Можно подписывать два коробка на Кладбище Снов именами двух глупцов-смельчаков!

Раз уж Волшебное Сердце внутри у мерзавки с подпорками, мальчонка собственноручно вырвет его! Лишившись сердца и души, девчонка превратится в бездушную рыбину! Ведь только лишившись души, можно обернуться русалкой! Так она и заберёт Морскую Девочку! Ничего страшного, если это случится раньше, чем распустятся петельки на ее кукле! Пусть полежит в коробке, ожидая своего часа!

Но как заполучить душу Тёмы?

Ведьма хитро улыбнулась. Мальчик сам принесёт ей свое сердце, как только лишит Каю души.

... На пластилиновом пруду прямо на песке из тростникового сахара Кая и Тёма, сидели по-турецки друг напротив друга и играли в чудесную игру: хлопали друг друга в ладоши и пели песни. Тёма видел подобную забаву в детской книжке и решил непременно попробовать в нее поиграть с подругой.

Прямо над их головами парил полупрозрачный облик Кикиморы. Она шептала злые слова, которые вылетали из ее рта и, напоминая рваные кусочки липкой паутины, опуска-

лись на головы детей.

– Ты ведь Кая? Морская Девочка? – спросил Тёма. Он опустил руки и поднялся.

– Да, – удивленно отозвалась Кая.

Что случилось с другом? Почему он так странно себя повел?

Но эти мысли тут же выветрились из головы, она как будто впервые увидела Тёму.

– Я хочу уплыть в море! – сказала она.

– А я ищу Волшебное Сердце! И, кажется, нашел его!

У груди Каи появилась крупная алая роза с длинным колючим стеблем. На самом его конце висела верёвочка – оборванный кусочек пряжи от ее куклы.

Так вот оно какое! Волшебное Сердце!

Кая опустила голову, посмотрела на свою грудь и ахнула:

– Забери ее! Она мне не нужна! Я ведь хочу уплыть в море! Сердце мне будет мешать!

Тёма даже не глядел на девочку, а лишь с вожделением смотрел на дивный светящийся цветок. Он протянул к нему руку и осторожно ухватился за толстый стебель. Вот он его «сорвал», и Кая упала без чувств.

Мальчик, пораженный теплом и красотой розы, не глядя под ноги, побрел через лес к избушке ведьмы! Свет, исходящий от сердца Каи, был таким сильным, что им можно было осветить весь псевдогородок!

Впервые с начала его существования здесь наступил на-

стоящий светлый день!

Кикимора ликовала: даже не пришлось бросать пряжу к мёртвой девочке, чтобы забрать ее душу! Тёма сам ее принесёт!

Ведьма продолжала насылать заклятия на мальчика, лишь бы тот не очнулся от внезапного забвения.

Вот он подошёл к болоту из желе. Тепло, исходящее от розы-сердца растопило его, и оно превратилось в зелёную жижу. Она растеклась по всему лесу. Мальчик беспрепятственно дошёл до избушки Кикиморы.

Вот он оказался внутри. Юная и красивая ведьма таранилась на него и что-то шептала.

Она стояла подле шкафа с вязаными куколками.

Куклы были почти распущены, но пару дней ребятам ещё оставалось! Ведьма, не переставая бормотать, рукой потянула за верёвочку куклы-Тёмы. Вот она полностью распустилась, и в груди у мальчика больно кольнуло. И тогда он осознал, что произошло.

Кикимора, смотря мальчику прямо в глаза, произнесла:

– Пусть и завладел ты Волшебным Сердцем, но все равно остался одинок и грустен. Ты мог быть рядом с Каей, ведь она сама дарила тебе тепло! Но ты оказался слишком тщеславен и алчен, ты возжелал обладать ее сердцем целиком и всегда хранить подле себя. Но извне оно очень скоро погибнет, и ты опять почувствуешь одну лишь боль.

Лицо Тёмы исказилось гримасой ужаса. Его грудь разди-

рало что-то острое. Он будто проглотил кучу иголок с булавками. Вот он заметил, как из-под его рубашки, где-то на уровне грудины, вылезла косточка-верёвочка!

– Отдай мне свою боль! Потяни за верёвочку! – велела Кикимора.

Тёма задыхался. Он уже был готов пронзить острым стеблем розы свое сердце, лишь бы оно не ныло, но отдавать свою душу ради окончательного преобразования Кикиморы, он не хотел.

– Обойдешься! – прохрипел он.

В последний миг, то ли от безысходности, то ли от осознания, что Кая умерла, он в отчаянии бросил ее розу-сердце на шкаф с куколками...

Они сразу же вспыхнули и загорелись! Боль вмиг отпустила Тёму, косточка-веревочка упала на пол, и пламя подхватило ее!

Тёма впопыхах схватил упавшую розу, но огонь уже распространялся на всю избу!

Ведьма была не в силах остановить его: добрый свет, что исходил от сердца Кая, оказался сильнее ее чар!

Тёма выскочил на улицу, пока Кикимора горела в пламени Волшебного сердца.

Мальчик, сжимая розу в руке, побежал на Кладбище Чудес.

Кая, оказывается, уже лежала в спичечном коробке! Нужно вернуть подружку в реальность, вернув сердце!

* * *

Кая стояла на берегу моря и глядела на падающие волны.

Интересно, они спаслись с Тёмой от Кикиморы или она сейчас лежит на Кладбище Чудес? Но какое это имеет значение, если она счастлива?

Кая нахмурилась – разве она счастлива?

Девочка все любовалась морем. Красивое! Но уплыть ей не хотелось: зачем обменивать подпорки на хвост, если они с Тёмой больше не побегают по картонным тропинкам псевдогородка? А в школьном дворе в перемену, не будут прятаться от деревянного учителя за стеной из цветных мелков.. Пару дней назад они не успели удрать и единственное, что им пришло на ум – потереться об забор из мела и слиться с ним! Ребята так и поступили, а учитель даже не заметил! Эх, как здорово было дурачить кукол!

Кая вспоминала их детские забавы и загрустила. В городке с Тёмой было весело, а здесь возле настоящего моря, но без друга ей стало горестно. А тут ещё тучи сгустились! Стремительно они заполонили весь небосвод! Кая запаниковала.

В воздухе запахло дымом!

Это был дым, а она-то решила, что надвигалась буря!

Вдруг она услышала голос Тёмы. Он громыхал как гром и разносился над побережьем. Друг звал ее!

У Каи закружилась голова.

Куда бежать?! Вокруг один песок!

Девочка не удержалась на ногах и упала. Она закрыла гла-

за, но только и слышала:

– Кая! Кая! Проснись!

Теперь голос Тёмы был совсем рядом.

Девочка открыла глаза и резко вскочила. Она лежала в спичечном коробке! Рядом стоял Тёма и будил её.

– Наконец-то! Ты жива! Скорее, нам нужно выбираться отсюда! Все горит!

Дети бежали, не зная куда. Лес сгорел, и огонь теперь бушевал в самом городе.

Куклы, безвольно поедаемые пламенем, исчезали, домики почти сгорели, а заборы из фломастеров превратились в противную вязкую неприятно пахнущую жижу. И все это сотворило Волшебное Сердце!

Ребята бежали от огня, а он будто их и не трогал. Вот они заметили, что приблизительно на середине бывшего леса стояло странное сооружение, они никогда не видели ничего подобного.

Кая и Тёма побежали к нему.

Мальчик вспомнил, что до пожара неподалеку от жилища Кикиморы торчал здоровенный трухлявый пенёк. Теперь пенёк сгорел, а это сооружение находилось внутри него! Может быть, это и есть заветная дверь в реальность?! Перед ними стояло нечто, похожее на закопченный домик, но вместо двери было полукруглое устье – глубокий лаз. Они же не знали, что это печь!

Друзья залезли на нее и заглянули в дымоход, перегляну-

лись и поняли друг друга без слов – нужно прыгать.

Тёма прыгнул первым, а за ним Кая.

Прошло меньше секунды, как друзья очутились на берегу настоящего моря.

Чёрные от золы, словно два чертёнка, они одновременно вскочили на ноги и ошарашено глядели друг на друга.

Прошла минута, и ребята залились громким хохотом. Они смогли! У них получилось!

Отдыхающие на пляже бросали на них удивлённые взгляды.

Вот ребята умылись морской водой и Кая, наконец, спросила:

– Как тебе удалось победить ведьму?!

– Ее сила была лишь в словах! Из-за них дети верили в разную чепуху!

– Но как ты спасся? Заткнул уши?

– Ха-ха, нет, я перестал ее слушать. Честно говоря, мне было так больно от этой верёвочки-косточки, что я не слышал, что она там пела! Я от злости бросил Волшебное Сердце на кукол, и его сияние уничтожило их, саму Кикимору и весь псевдогородок!

Тёма вдруг замолчал, увлекшись смешной, но милой сценой.

Неподалеку сидел очаровательный белокурый крепыш и играл с совочком. Вот он сгреб приличную кучу песка и... засунул в рот!

Заботливая мама оказалась рядом и стала причитать:
– Сыночек, он ведь несъедобный! Нельзя кушать песок!
Кая и Тёма радостно переглянулись – они дома.

Разноцветье

Сергей Иванович – тридцатитрёхлетний программист – всегда и во всём любил четкость, да и сам славился исполнительностью и прилежанием. Будучи сыном военнослужащего – бесстрастного и сурового отца – воспитывался он в строгости. Маму маленький Сережа никогда не видел: та сбежала, чуть ли не с акушерского кресла, как только раздался первый крик сына. Уже родившись, младенец Сережа кричал по-особенному, негромко и протяжно. Новорожденный будто боялся заявить миру о себе. И всю дальнейшую жизнь Сергея Ивановича можно описать этим криком: до тошноты правильную, нудную и не выходящую за малейшие границы «хорошести».

Отец очень по-своему проявлял любовь к сыну. Она у него была, как он, гордясь, заявлял, совершенной, настоящей и без намеков на нежность и похвалу. Объятий и ласки маленький Серёжа был лишён, зато отец не скупился на наказания.

Полковник Иван Сергеевич Иванов никогда не видел в сыне ребёнка и требовал от него повиновения. Среди наказаний самыми излюбленными были – хлестание крапивой, стояние всю ночь на горохе, сон в ванной комнате на голом полу.

Отец был уверен, что закалит характер сына и вырастит

«настоящего мужчину». Но, видимо, Сережа унаследовал мягкий темперамент матери, и отцовская «любовь» постепенно превращала живого мальчика в молчаливое, замкнутое и испуганное существо.

Но были и радостные моменты в жизни маленького Серёжи, и они наступали вместе с летом, когда мальчик уезжал в деревню к бабушке. Удивительно, но старушка не славилась драконовскими методами воспитания а, наоборот, давала внуку все то, чего он был лишён.

На природе, вдали от отцовского гнёта, мальчик с каждым днём улыбался шире, смеялся громче. Ведь можно было, не стесняясь, проявлять эмоции, а не подавлять их в угоду властному родителю. И под конец лета, мальчишка превращался в эдакого сорванца, какими и бывают дети в его возрасте; но отец за пару дней исправлял неудобное и непослушное дитя для собственного удовлетворения. Никаких вольностей и быть не могло. Сын должен служить отцу, слушать только его, и не сметь голос подавать, пока не спросят. Серёжа слепо принимал родителя, более того, обожал и даже не думал, что могло быть по-другому.

Так и вырос, превратившись в Сергея Ивановича, безропотного, образцового работника, которого всем подают в пример.

* * *

На маленьком кусочке земли, оторванном от мира, располагалось небольшое королевство. Вокруг него разрастались

пышные леса, текли глубокие и быстрые реки, стелились широкие степи.

Все эти владения принадлежали Прекрасной Королеве, она и правила страной, которая называлась Разноцветье.

Название страна получила из-за гигантского калейдоскопа, что словно колодец был помещен в вырытую глубокую яму в саду ее величества – виднелась только округлая поверхность, лишённая стекла. Калейдоскоп был необычный: прелестные фигурки, кристаллы и камни вращались внутри него по волшебству.

Над калейдоскопом располагался прелестный подвесной фонтан, и его брызги бесконечно падали внутрь прямо на сияющие камушки. Из-за бешеного вращения капли сталкивались друг с другом и разлетались в серебристые брызги, напоминающие драгоценные камни.

Фонтан-калейдоскоп испокон веков существовал в королевском саду, но количество драгоценных камней в нем не всегда было одинаковым.

Прекрасная Королева вот уже не один век правила Разноцветьем, но, как и прежде, оставалась молодой и красивой, благодаря волшебному фонтану.

Нрав у ее величества был сумасброден. Ещё с пелёнок ей пророчили несравненную красоту; и родители, и фрейлины, и слуги неустанно твердили, как хороша и прелестна подрастающая принцесса.

Девочке же нравилось всеобщее обожание, и малышка

уже, как данность, принимала комплименты. Воспитанная в таком слепом и безусловном преклонении перед ее красотой, будущая королева верила, что только своей неотразимостью и могла покорять людские сердца. Ее юность и красота стали для нее единственными козырями в обретении трона и счастливой жизни, и пусть хоть одна морщинка появилась бы на совершенном лице, это означало, чуть ли не смерть и утрату смысла жизни! Совершенство, красота и величие – стали синонимами в Разноцветье.

Как исполнился ей двадцать один год, принцесса взошла на трон.

Однажды гуляя в саду, она впервые обнаружила волшебный калейдоскоп. Засмотревшись на фонтан, Прекрасная Королева увидела, как брызги летели внутрь бездонной ямы и разбивались внутри о разноцветные камни, что вращались там! Это было волшебство! Почему же прежде она не знала о чудесном фонтане?!

С волнующимся сердцем она обратилась к матери. Та поведала ей историю их рода.

В давние времена короли по несколько веков правили Разноцветьем, благодаря волшебному фонтану. На протяжении веков они оставались молодыми и красивыми. Но наступал день, когда правители не выдерживали вечной молодости, сходили с ума и бросались внутрь волшебного фонтана. Существует легенда, что, тот, кто сумеет пройти круговорот разноцветных камней, не умирает, но оказывается изгнан-

ным из Разноцветья в другой мир. Волшебный фонтан оставлял себе только самые красивые экспонаты, от невзрачных он избавлялся, отправляя в неизведанное.

Красивая девушка или юноша, попав в волшебный калейдоскоп, превращались в сверкающие кристаллы и бесконечно вращались наряду со своими собратьями...

– Но как угадать, кто из людей обернётся камнем, а кто сгинет в другом мире? – спрашивала Прекрасная Королева.

– Это решать только волшебному фонтану, – отвечала мать. – Но он всегда оставлял себе самые красивые и прелестные тела...

– То есть именно они превращались в камни?

– Да.

– А что случилось с обычными людьми, лишенными красивого тела?

– Он поглощал их и выплевывал в другой мир.

– Что же с ними случилось дальше?

– Об этом никто не знает. Скорее всего, они погибали в новом мире. Говорят, он жесток и коварен. Никто оттуда никогда не возвращался, и это всего лишь фантазии, но мы все верим в них.

– Ты хочешь сказать, что фонтан хранит тела прежних правителей? – ахнула Прекрасная Королева.

– Да, но не только... – мать вдруг замолчала.

– Но кого ещё?

Старая королева не спешила отвечать.

– Ты сказала, что прежде короли по несколько веков правили Разноцветьем, но как им удавалось сохранять молодость и долголетие?

– Зачем тебе об этом знать? Разве ты не хочешь прожить настоящую жизнь, состариться и умереть?

– Никогда! – вспыхнула Прекрасная Королева. – Я всегда буду молодой! Ты сама меня этому учила! Только красота поможет мне править вечно! И я не сойду с ума, как те глупцы!

Старая королева закрыла ладонями лицо и тихо заплакала, а тщеславная дочь убежала в сад.

Наклонившись над фонтаном, она любовалась танцем вращающихся разноцветных камней.

– Ответьте мне, ответьте мне, как сохранить юность? Как вечно править королевством?

И тихий робкий голос сию же минуту отвечал из глубин калейдоскопа. Он разносился эхом по саду, но звучал, будто из-под воды, и Прекрасная Королева жадно внимала каждому слову...

Прошло много лет.

Прекрасная Королева похоронила отца и мать. Родители умерли немощными стариками, но дочь оставалась молодой, как и много лет назад, когда впервые обратилась к волшебному фонтану.

Тот обещал сохранить молодость Прекрасной Королеве, но условие было таково: ни одна девушка в королевстве не

должна быть краше ее. Если таковая находилась, Прекрасная Королева похищала ее и бросала в волшебный калейдоскоп. С непереносимой болью и горечью она наблюдала, как жертва превращалась в прекрасный камень. Фонтан оставлял очередную красавицу себе, а Прекрасная Королева надеялась, что девица жива, что колодец выбросил ее в другой мир. Такова была плата за вечное царствование. Только вот с каждой смертью очередной красавицы Прекрасная бессмертная Королева старилась.

Бывало, она просыпалась посреди ночи в поту от кошмаров. Ей снилось, что она, и спустя триста лет будет править Разноцветьем, но превратится в ужасную старуху!

Она расхаживала по королевским покоем и судорожно размышляла, как же ей истребить всех красавиц, но остаться молодой?!

– А не лучше ли тебе, моя королева, не убивать красавиц, а предотвратить их рождение? – однажды спросил голос из калейдоскопа.

– О чем ты говоришь?! Как это возможно?!

– Легче исключить рождение красавиц, чем искать их по всему королевству да преподносить к моему столу... Я всегда рад новым прелестным экспонатам в моей коллекции, но я о тебе забочусь...

– Я вспомнила! – Прекрасная Королева застыла в тихой радости. – Много лет назад правил Разноцветьем мой давний предок, который прославился своей уродливой внешностью!

– Продолжай, – просил голос. – Я помню его. Ходили ужасные слухи...

– ... поговаривали, что он родился от королевы, которую совратил собственный отец!

– Да. Кровное смешение родственников всегда заканчивается подобным образом...

И тогда королева ужаснулась:

– Что ты предлагаешь мне?! – возмутилась она. – Издать указ на кровосмешение?!

– Ты сама сейчас об этом сказала. Я лишь слушаю тебя...

– Я не хочу быть красавицей среди уродов! – вспылила королева. – Я хочу быть самой красивой среди красивых!

– Необязательно женить отцов на дочерях, но, скажем, кузенов с кузинами...

– Что!? Ты не понимаешь, о чём просишь! – воскликнула королева и пнула ногой по бортику калейдоскопа.

– Почему бы нет? Вряд ли от такого союза родится уродец, но красотой дети от близкородственных союзов не блещут...

* * *

Начальник Сергея Ивановича – копия отца-офицера, даже не внешне, но по характеру и даже тону голоса: властный, строгий, не терпящий возражений.

Другие же сотрудники тихо ненавидели любимчика начальства, такого правильного и бесчувственного до жути.

Бывало, в перерывах от работы он любил уставиться в одну точку своими большими серо-голубыми как мёртвое море

в тумане глазами, которые не замечали ничего кроме цифр. А губы, четко очерченные, но тонкие, плотно сжимал, будто боялся случайно открыть рот и ляпнуть что-то неправильное. Он и открывал рот по мере необходимости: во время еды и необходимых разговоров.

Одевался он всегда одинаково – идеально выглаженные чёрные брюки и рубашки в клеточку, застегнутые на все пуговицы до самого горла. Если Сергей Иванович сидел не за компьютерным или обеденным столом, он опускал руки на тощие колени, как детишки в детском саду, ноги держал ровно, его спину можно было использовать в качестве гигантской линейки, чтобы начертить идеальные вертикальные линии. Он сидел словно замороженный, готовый к атаке отца, будто тот стоял рядом с огромным кустом крапивы и готов был хлестнуть, если угол, образованный между корпусом и коленями не составит девяносто градусов.

Телосложение у Сергея Ивановича было сухощавое, хотя к тридцати годам начал расти живот: сказывалось вечернее переедание восхитительными сочниками, купленными в ближайшей от дома забегаловке, по вкусу сочники напоминали бабушкины изыски. Сергей Иванович поедал их с таким ожесточением, словно хотел вернуться в беззаботное лето детства, где не было отца, а только сладкая выпечка бабки, свобода и хоть какая-то независимость. Сейчас же он зависел от всех. От начальника, от работы, даже его сиюминутная сомнительная радость зависела от того, съест ли он соч-

ники или нет.

После работы Сергей Иванович спешил домой, ведь его там ждала маленькая черепашка, живущая в аквариуме – единственное существо, к которому он имел привязанность.

Даже ложась спать, Сергей Иванович боялся расслабиться, принять ту позу, что была удобной, даже во сне он был правильным и хорошим мальчиком.

Друзей (кроме черепашки) у Сергея Ивановича никогда не было, людям он не доверял, даже боялся их и избегал всяческих массовых мероприятий на работе, будь то праздник или просто собрание.

Одним словом, дикарь – хоть и образованный.

* * *

Недалеко от замка Прекрасной Королевы в самой низине, где протекал широкий-широкий ручеёк, находилась ветхая хижина. Здесь жил старый отшельник-вдовец. Жена его умерла в родах, подарив мужу сына. Ребёнок рос, превращаясь в несуразного мальчишку, милого и доброго, но совсем непривлекательного: как и все жители Разноцветья он родился от союза двоюродного брата и сестры. Мать, ещё беременная, придумала имя ребёнку – Гуня. Жители Разноцветья в угоду Прекрасной Королеве боялись выделяться, и даже имена для детей выбирали несуразные и странные.

Родственники отшельника-вдовца скоропостижно умерли вслед за женой, а Гуня остался без невесты-кузины. Мальчик с раннего детства был обречён на одинокую бездетную

жизнь: нет кухни – нет права на брак. Но Гуня сильно не расстраивался. С пелёнок он видел образ жизни отца и перенял его. Друзей у него совсем не было, он не познал нежной родительской любви. Отец был суров и холоден. Гуня никогда не слышал от него приятных слов, но родитель научил его письму и чтению.

Мальчику нравилось гулять неподалеку от хижины и мочить ноги в ручейке. Он наблюдал за мелкими рыбёшками, изучал их, даже записывал на бумагу свои наблюдения. Отец, видя интерес сына, откуда-то достал маленькую черепашку в банке. Он просто поставил ее перед сыном:

– Вот, это тебе, – холодно сказал он и удалился по своим делам.

Гуня обрадовался подарку. Теперь у него появился друг!

Шли годы, Гуня вырос и решил вырыть небольшой пруд возле их хижины. Молчаливый и безучастный отец был не против, даже помог сыну.

Гуня отпускал в пруд поплавать свою черепашку и запускал в него самых необычных рыбок, что вылавливал в ручейке.

* * *

– Убить! Утопить! Уничтожить!

Крики Прекрасной Королевы наполнили весь замок. Оказывается, у кухарки была кошка, которая несколько дней назад родила троих симпатичных котят. Уже сейчас было видно, что вырастут малыши красавицами: три девочки необык-

новенного черепахового окраса дружно спали на животе у мамы-кошки. Прекрасная Королева случайно обнаружила пищащих детёнышей и чуть не задохнулась от страха. Как смеют эти мерзкие животные быть красивыми?!

– Ты сходишь с ума! – уже не раз вещал ей голос из калейдоскопа. – Ты не видишь ничего вокруг, тобой владеет лишь одна безумная мысль: быть совершенной. Когда-нибудь она убьет тебя...

Но Прекрасная Королева не слушала тайного друга, пусть и потихоньку, но неизбежно ее разум затуманивался, а сознание становилось таким узким, что кроме как о своей необыкновенной красоте она и думать ни о чем не могла. Она медленно сходила с ума, как и прежние правители.

И вот сейчас королева, схватившись за голову, с ненавистью глядела на прелестных котят.

И надо же такому случиться – прибежала молоденькая девушка Люля – дочка кухарки и загородила собой кошку с котятами. Лепеча извинения, она встала на колени перед королевой и умоляла не убивать котят.

– Утопить! – надменным голосом приказала Прекрасная Королева.

У Люли затрясся подбородок, и рыдания чуть не вырвались из горла. Но приказ не исполнить нельзя. Сию же минуту ей было велено взять троих новорожденных, засунуть в холщовый мешок, спуститься к широкому ручью и бросить в него.

Прибежала кухарка. Она живо откуда-то достала мешок и грубо бросила в него пищащих малышей, словно мерзких крысят. Кошка-мать взволнованно подскочила и с беспокойством обнюхивала шевелящийся мешок.

Кухарка всучила его дочери и, бормоча обвинения: мол, сама виновата, сразу надо было, едва на свет появились, закопать, – выставила вон.

Люля прижала мешок к груди и спускалась к ручейку. Она, не переставая, рыдала навзрыд. Кошка бежала за ней следом. Временами она кидалась ей под ноги и даже прыгала на сарафан, цепляясь когтями за фартук, и Люля останавливалась, усаживалась на колени и гладила безутешную мать, которая мордой пыталась раскрыть злосчастный мешок и приласкать своих детишек.

Наконец, на трясущихся ногах Люля подошла к бережку быстрого ручейка, села прямо на траву и раскрыла мешок. Кошка уселась рядом с котятками, которые тут же замолчали, почувствовав материнское тепло.

Кошка замурлыкала и глядела на Люлю встревожено, но уже как будто с благодарностью.

Люля гладила ее и роняла слезы, бесконечно льющиеся из глаз.

– Я не могу... Я не могу! – твердила она сквозь рыдания.

Как она сможет глядеть в глаза кошки, если утопит ее детей?! Лучше уж вместе с ними утонуться...

– Привет!

Люля вздрогнула и приобняла кошку с котятами. Неужели Прекрасная Королева подслала кого-то, дабы проследить за чётким выполнением приказа?!

Но это оказался Гуня.

Люля никогда не видела его, но слышала, что в низине живёт вдовец-отшельник со своим сыном.

Юноша подошёл к ней. Кошка-мать громко мурлыкала, но с опаской глядела на Гуню. Потом вдруг повернула морду к Люле, мяукнула и стала вылизывать котят.

– Какие они хорошие! – вдруг сказал Гуня. – А почему ты плачешь?

– Мне велено их... – Люля резко замолчала, остановив взгляд на кошке. Ей не хотелось говорить о приказе ее величества.

Гуня с пониманием поджал губы и с грустью разглядывал котят.

– Ясно... – только и молвил он.

Люля перестала плакать и теперь, не переставая, гладила кошку.

– А как тебя зовут? – спросил Гуня.

– Люля, – ответила она, не поднимая головы.

– А я Гуня.

Девушка коротко кивнула, не в силах оторваться от кошачьего семейства.

– Прислушай, Люля, давай сделаем так. Ты оставишь кошку и котят здесь, а я буду за ними присматривать! Сюда все

равно никто не ходит! Пусть живут!

Люля, наконец, подняла голову и недоверчиво взглянула на юношу.

– Но если кто-то увидит?

– Поверь мне, за шестнадцать лет ты первая, кто сюда пришел! Мы с папой отшельники!

– И что же ты никогда не отлучаешься?

– Почему же?! Хожу на базар, например, или помогаю отцу убирать конюшни. Надо же на что-то жить!

Люля вдруг улыбнулась и так обрадовалась, что звонко засмеялась после утомительного плача.

Как здорово, что Гуня приютит кошку с котятками!

Оставив котят новому знакомому, Люля отправилась во дворец. Уже подходя, она вдруг остановилась и, зажмурившись, стала щипать себя за щеки. Люля не видела, но чувствовала, как лицо ее, буквально, налилось кровью и даже сделалось одутловатым – теперь она как будто рыдала не переставая, потому что исполнила приказ ее величества. Люля тихо хихикнула, но тут же встревожилась. А как объяснить исчезновение кошки?! Должно быть так: примерная мать не выдержала и бросилась к котяткам, а там ее унесли быстрые воды ручья...

Довольная своей легендой, она смело вернулась на кухню.

* * *

Девочка Люся воспитывалась бабкой и матерью и проживала вместе с ними в деревне.

Люся была самым странным ребенком в классе. На занятия она приходила раньше всех, потому что мать в полшестого шумно собиралась на утреннюю дойку, после ее ухода заснуть не получалось. Вот и отправлялась Люся в школу. Местные сверяли по ней часы: вон, Люська пошла, значит, уже семь утра, пора будить детей в школу или детсад.

Но на успеваемость такая прилежная дисциплинированность не влияла. Училась она средне, сидела на последней парте, и была, скорее, слушателем, а не участником. Учителя забывали про странную молчаливую девочку-невидимку, что приходит раньше всех и сидит на последней парте.

Но и любимые предметы у Люси были – труды.

На трудах она мастерила такие поделки, что одноклассники и учителя лишь молчаливо переглядывались, оценивая результат богатого воображения странной Люси. Поделки были очень красивы и необычны, и не каждый ребенок сделал бы подобное.

Она славилась рассеянностью и всегда была «на своей волне». Бывает, с ней разговариваешь, а она смотрит совершенно пустыми глазами и, казалось, думает о летающих кошках, черных дырах или ещё какой ерунде и вообще о чем угодно, но не о собеседнике.

Рассеянность Люси часто проявлялась в смешных и нелепых ситуациях, например, она могла прийти на уроки в домашних тапочках или с прищепками на волосах. А один раз притащила в школу маленький круглый аквариум с полудох-

лой рыбкой, которую выловила сачком в пруду. Люся попросила разрешение, чтобы рыбешка присутствовала на занятиях, мотивируя смелый поступок тем, что той будет очень тоскливо дома. Но это не помогло: к концу уроков рыбка всплыла кверху брюшком, видимо, утомилась от скучных рассказов учителей и сдохла. Люся же долго горевала по умершей, очень она мечтала о домашнем любимце. Именно рыбка ассоциировалась в голове Люси с настоящей дружбой.

Да и сама Люся казалась себе рыбкой, плывущей спокойно по жизни, особо не высываясь из «воды».

Мать и бабушка не интересовались ее увлечениями, но неустанно и, не спрашивая, изводили заботой: кормили, когда не хотела, гнали спать засветло, надевали шапку в мае, морозили, чтобы закалить.

Однажды Люся подслушала разговор двух одноклассниц. Одна хвасталась другой, как замечательно провела воскресный день в парке. Ей пришлось съесть три порции сахарной ваты, которую купил для нее папа. Под конец ее чуть не стошнило; хвастаясь подружке, жеманная одноклассница скорчила гримасу.

Люся, слушая девочек, печально поджала губы. Вот уж не думала она, что придётся мучиться завистью к однокласснице, которую тошнит от папиной заботы. Ведь отца Люся никогда не видела, да и с мальчиками не общалась, и уж точно понятия не имела, каково это – есть третью порцию сахарной ваты, что купил для нее отец.

* * *

В Разноцветье дни сменялись неделями.

Кошка с котятами уютно устроились на берегу у ручья. Котята уже открыли глаза, на лапках стояли уверенно и смело познавали окружающий мир. Гуня уже стал их подкармливать. С новыми друзьями ему было весело, но и про пруд и черепашку он не забывал.

Он чувствовал, как радость охватывала его, как щеки заливал румянец: Люля частенько приходила навещать кошку и котят. Сначала Гуня неохотно разговаривал с девушкой, а только наблюдал. Он очень волновался, тревожился и даже прятал глаза, когда случайно встречался с Люлей взглядом.

С родителями ни тот, ни другая особо не разговаривали и задушевных бесед не заводили. Как и все жители Разноцветья, они жили одним днём, только и боялись, как бы Прекрасная Королева не издала ещё какой странный указ. Людей не покидали страх и тревога – проживут они ещё хоть день, или вновь королеве не понравятся чьи-то тонкие запястья или высокие скулы, тогда поминай как звали!

Но в глубокой низине, у быстрого ручья, королевские настроения не тяготили. И Гуня и Люля стали присматриваться друг к другу. Ни он, ни она не испытывали ранее подобных чувств. Они стали чаще разговаривать, и страхи исчезли. Гуня, гордясь, показал Люле свой пруд и познакомил со всеми рыбками. А однажды сделал подарок – серую гупешку в банке.

«Она похожа на тебя. Серебристо-серая, с длинным пушистым хвостиком, как у петушка. Я такую никогда не видел!».

Раскрасневшаяся Люля притащила рыбку в свою убогую комнатушку и поставила возле кровати. Вернувшись на кухню, она стала помогать матери. Мать чистила картошку, и вот одну выронила из рук, и та с шумом покатилась прямо к ногам дочери. Люля вздрогнула и взглянула на мать, а та в два шага оказавшись перед ней, грубо подняла за подбородок.

– Что с тобой?! Почему твои щеки розовые? Чем ты их покрасила? Или ты свёклу с утра до ночи полола?!

Мать вылупила глаза и стала тереть щеки дочери грязным концом фартука, но они не отмылись, а ещё гуще раскраснелись. Люля оторопело стояла и не понимала, чем матери не угодили ее щёки.

Мать схватилась за голову и стала ходить взад вперёд, что-то бубня себе под нос. Вот она резко остановилась и подбежала к печи. Взяв горсть золы, подошла к Люле и, схватив за шею, измазала лицо золой. Люля чуть не задохнулась, высвободившись, отпрянула, выплевывала золу.

– И не смей умывать лицо, если хочешь жить! Не дай бог ее величество тебя увидит! А если увидит, моли, чтобы приказала просто убить тебя!

– Что?! Что ты говоришь?! – опешила Люля.

– Прекрасная Королева не простит тебе твой румянец!

Молись, чтобы к утру ты побледнела! Будешь мазать щеки золой! Поняла?!

– Нет! – воскликнула Люля. – Почему я должна стыдиться своих щёк?!

Матушка, тучная женщина, резко припёрла дочь к стене и прошипела:

– Потому что у нее такого румянца нет! Я не расстроюсь, если она захочет тебя убить, но вдруг ей взбредёт в голову вырезать твои щеки и зажарить как блины!? Кто будет этим заниматься?! Конечно, я! Избавь меня от этого – не попадйся ей на глаза и прячь румянец!

Она резко отошла от Люли, а та упала на колени, ужасаясь материнским словам. Но если Прекрасная Королева приказала утопить красивых котят, почему ей не заблагорассудиться съесть Люлино сердце или румяные щеки?!

Люля резко встала и обхватила себя руками – страшные сказки о жестокости ее величества казались лишь выдумками, пока не коснулись ее самой! Уж лучше она будет ходить в золе, чем попадет на глаза королеве и будет убита по ее приказу собственной матерью.

... Люля продолжала тайно бегать на ручеек, а возвратившись домой, сразу направлялась к печи. Зола лезла в нос, из-за нее слезились глаза, в носу постоянно щекотало, и измученная чихала по сто раз на дню.

Однажды она решила взять с собой гупёшку, да выпустить ее поплавать в просторном пруду, а то притомилась, навер-

ное, бедняжка, в тесной банке!

Она уже шла к крутому спуску на ручеёк. Но вдруг заметила Прекрасную Королеву, что прогуливалась неподалеку. Люля инстинктивно прижала банку к груди и впервые обрадовалась, что щеки у нее были густо намазаны золой. Но она так испугалась, что королева ее заметит, и словно воровка стала искать высокий куст, за который можно спрятаться, а как только ее величество уйдет, она сразу спустится в низину. Королева же и не заметила бы очередную уродку-подданную, но поведение служанки показалось странным, и она окликнула ее.

Люля тут же замерла. Прекрасная Королева подошла совсем близко. Люля обмерла, присев в глубоком реверансе, и крепче прижала банку с рыбкой.

– Что это у тебя? – равнодушно спросила королева.

– Это просто рыбка, ваше величество! – не поднимая головы, тихо сказала Люля.

– Ну-ка, подними банку. Я хочу взглянуть на нее.

Люля подняла импровизированный аквариум, и прямо перед глазами королевы предстала серебристая гупёшка с необыкновенно длинным хвостиком.

Лишь на мгновение лицо королевы озарила лёгкая улыбка и даже восхищение, но их тут же сменила привычная надменность.

– Я хочу, чтобы ты уничтожила ее.

Люля опустила банку.

– Прямо сейчас! – услышала она приказ. Не смея взглянуть на королеву, она стояла на онемевших ногах и еле-еле сдерживала слёзы.

Та же упивалась страданиями служанки.

– Ах, что-то у меня с утра так голова болит! Колет прямо в затылке! Наверное, шпильку криворукая горничная неудачно засунула! Вытащи ее, сейчас же!

Люля уже хотела было опустить банку, чтобы выполнить приказ, но королева воскликнула:

– Ты не поняла меня, уродинка! – ласково сказала она. – Подойди ко мне сию минуту, подними руки вверх и вынь шпильку!

Люля, не веря ушам, застыла на месте.

– Я жду!

Люля медленно, стуча зубами, словно шагала на эшафот, приблизилась к королеве, и... подняла руки. Банка с грохотом разбилась, и гупёшка, будто крохотная лягушка-попрыгунья, задергалась на мокрой траве.

– Ах, вот и голова прошла! – сладко проворковала Прекрасная Королева. – И твоя помощь не понадобилась!

Люля беззвучно разрыдалась. Поток слез смыл золу с лица...

Королева уже хотела было уходить, но, заметив какие румяные щеки у уродки, передумала.

– Ну-ка, погляди на меня! – приказала она.

Люля подняла заплаканное лицо.

– Надо же! Зарделась, как розовое варенье!

Люля тихо всхлипнула, опустила голову, в надежде найти рыбку, но она больше не дергалась: трава не шелестела. Гупёшка умерла.

У Люли затряслись поджилки: что значили слова королевы? Она говорила с упрёком? Или... с восхищением?!

Королева загадочно улыбалась.

– По-моему, ты куда-то спешила? Иди же! Я отпускаю тебя!

Люля поклонилась и неуверенно развернулась по направлению к спуску, где начинались земляные ступеньки, что вели к ручью. Она все боялась, что королева догонит ее и толкнет в пропасть. Но королева и шагу не ступила. Люля успешно спустилась, но все же, всю дорогу чувствовала, как взгляд ее величества буравил спину...

Гуня уже ждал подружку и, радостно волнуясь, побежал ей на встречу. За Гуней мелкими, но уверенными шажками торопились три подросших котёнка. Они уже так выросли, что и в маме-кошке особо не нуждались, которая с удовольствием поедала траву возле ручья.

Юноша сразу заметил, как грустна Люля. Он стал расспрашивать, что же произошло, но она только расплакалась в голос. Гуня обнял ее, гладил по спине и утешал.

Вот Люля успокоилась и рассказала другу, чем так опечалилась. Гуня расстроился, но больше не из-за смерти необычной гупёшки, а из-за горьких слез подружки. На са-

мом деле, он очень ждал её, ведь на его пруду впервые выросла кувшинка! Это было настоящее волшебство!

«Ты своим румянцем так смутила и околдовала мой пруд, что на нём вырос этот прелестный цветок!»

Кувшинка была необыкновенная: наружные лепестки бело-розовые, но ближе к середине темнели, а в сердцевине отливала пурпуром!

«Ее лепестки, словно твое лицо – румяное и нежное!» – восторженно молвил он, и Люля от смущения зарделась ещё больше.

Гуня уже хотел было сорвать кувшинку, но подружка вовремя остановила его.

«Пусть лучше живёт! Здесь у тебя безопаснее, а при дворе королева растопчет ее или велит сварить отвар, а потом будет делать примочки на лицо, или ещё какую глупость удушает...».

Было решено кувшинку не срывать. Влюбленные уселись у пруда, Люля положила голову Гуне на плечо. Котятка и кошка резвились рядом.

Люля потихоньку забывала об ужасной встрече с королевой, но даже в этом волшебном месте ощущение, будто она близко, не покидало.

* * *

Прошли годы, а Люся так и не доросла до Людмилы Николаевны, и осталась малышкой Люськой в трикотажном платьице, вышитом огромными пёстрыми цветами.

Из деревни она перебралась ближе к городу и торговала цветами на базаре. Бабка с матерью давно померли, но взрослая Люся стойко приняла удары судьбы, да и не переживала особо – умерли и умерли, потому и дальше безмолвно и рутинно плыла по течению. Дома ее ждал единственный друг и товарищ – золотая рыбка в круглом аквариуме. Единственное живое существо, к которому была привязана Люся.

* * *

– Как она посмела!?! Мерзкая уродина! Проклятая ведьма! Строптивая девка! Дрянь!

Крики Прекрасной Королевы заполонили весь сад. Даже бесконечные брызги от фонтана, летящие в пучину калейдоскопа, потускнели и превратились в брызги осеннего дождя!

– Королева, а ты не могла бы помимо красочных оскорблений хотя бы иногда вставлять действия. И тогда я, быть может, смогу понять, почему ты так злишься... – перекрикивая королевские вопли, молвил голос из волшебного фонтана.

– Эта девка посмела хранить у себя мерзкую рыбёшку! – взвизгнула Королева.

– Это запрещено? – удивленно спросил тайный друг.

Тут вся спесь вмиг сошла с ее величества, она сжала губы, скрестила руки и хмуро уставилась на землю.

– Ты молчишь? Полагаю, ты рыбку убила? Отчего тогда представление?

– Она была красивой!

– Рыбка?

– Да!

– Понимаю. Насколько мне помнится, ты не только красивых рыбок на своем веку изводила... А ещё симпатичных кроликов и других несчастных животинки, которые на горе свое родились хорошенькими. Помню, даже молодого гуся приказала раньше времени зажарить, ведь у того было необычного цвета перо на грудке, а об изуродованных хромоногих девицах, что поплатились своими тонкими щиколотками в угоду твоей завистливости и упоминать не хочу! А ещё...

Голос из волшебного фонтана мог продолжать до бесконечности рассказы о кознях обезумевшей королевы, но тут ее величество не выдержала:

– Прекрати! – неистово заорала она. – Дело не в чертовой рыбе!

– А в чем тогда?!

И королева рассказала, как проследила за уродкой, после того как умерла симпатичная рыбёшка. Голос из волшебного фонтана молчал, тогда королева промолвила:

– Она ведь обычная уродка, каких полно во всем королевстве! Что в ней есть такого, чего нет во мне?

– Нет в тебе?! Что ты имеешь ввиду?

– Ее глаза блестят как-то странно... У нее щеки красные... И она какая-то... живая... – тихо и испуганно произнесла королева. Такое она видела впервые за свое долгое

правление.

– Живая?

– Да! Почему я этого лишена? Ни у одной девицы так глаза не блестят, как у нее! Кто она такая?! Ведьма? Я убью ее! Она обыкновенная неприметная девка! У нее талия гораздо шире моей, волосы мышиного цвета, и черты лица не такие утонченные! Но почему она выглядит свежее меня! Я все так же молода!

Голос из волшебного фонтана, наконец, произнёс:

– Она любит.

– Что?! Что за мерзости ты говоришь?! Мне противно само это слово! Эта девка обречена на одиночество до конца дней своих! У нее нет кузенов! Все померли! У нее нет пары! Я про своих слуг все знаю!

– Но она любит! – не сдавался голос.

– Этого мерзкого отшельника! Как она может любить?! Кто дал ей право?! И почему у других обвенчанных так не горели глаза?!

– Потому что они по твоему приказу шли к алтарю. Ими правил страх, а не любовь. Боясь послушаться тебя, несчастные безвольно скреплялись узами брака, но на самом деле, испытывая отвращение друг к другу.

– Я хочу обладать тем же, что и она!

– Это невозможно.

– Почему же?! Я Прекрасная Королева, и мне достается все, что угодно!

– Да, но для этого не нужно быть королевой, для этого нужно любить. А ты не умеешь любить.

– Отчего же?! Я люблю свою красоту до безумия!

– Но это не любовь, а сумасшествие. Ты же и сама говоришь! Это плата за твою вечную жизнь! Если бы ты смогла полюбить кого-то, то не печалилась при мысли о старении или уродстве... Ты бы по собственной воле прожила счастливую жизнь и состарилась бы с любимым. Но ты этого лишена, поэтому и проклята безумной мыслью о совершенстве...

– Проклята?! Это великий дар – быть красивее всех, так ещё и бессмертной!

– Это видение с твоей стороны... Я это вижу по-другому...

– Ах, ты злобный демон! – воскликнула королева. – Ты надоумил меня спаривать кузенов! А теперь молвишь, что «вижу по-другому»! – передразнила она голос из волшебного фонтана.

– Я ничего не делал. Все делала ты. Я лишь подавал идеи...

Прекрасная Королева разозлилась как никогда. В минуты гнева она частенько вымещала злость на безвольном фонтане: кидала в него мусор, старое тряпье, даже приказывала выливать помой и выбрасывать остатки еды и кости.

Фонтан же быстренько избавлялся от ненужного хлама, но некоторые вещи, по его представлению, были очень цен-

ны, и он оставлял их себе. Теперь, заглянув внутрь, можно было обнаружить не только драгоценные камни, но и чей-то маленький башмачок, самодельную куклу с оторванной ручкой и куриную кость, напоминающую крохотного слонёнка.

Королева недоумевала, а фонтан говорил, что эти предметы дороги ему, в них есть своеобразная красота и особенность, пусть они и не слепят блеском глаза. Ее величество с отвращением морщилась и горделиво поднимала подбородок, но однажды всё-таки спросила:

– А что бы ты оставил от меня?

– Я могу только догадываться, что сделает с тобой водоворот. Но, боюсь, ты превратишься в скучную гальку... Хотя и галька бывает прелестна, но не ты. Пусть и красив твой облик, но он пуст. И прелести моего крохотного брошенного башмачка тебе не видать: пусть ты и объела красотой все Разноцветье, но даже в прелестном башмачке есть какая-то кротость и милое очарование! Но не в тебе! Ты коварная и безумная!

Королеве приходилось терпеть подобные речи. Никто в Разноцветье не смел так дерзить ей! Но волшебный фонтан даровал ей бессмертие, потому ее величество лишь огорчённо уходила после этих жестоких, пусть и правдивых слов. А вскоре королева и вовсе стала замечать, что ей по нраву честность тайного друга. Он не боялся быть убитым или униженным, поэтому был искренен. Прекрасную Королеву это притягивало. Никто никогда ей не протестовал, пока она

вершила, что желала. Но с тайным другом они словно были на равных.

И вот сейчас она невольно задумывалась над его словами.

– Мне противно само это слово! Любить! – с отвращением и злостью молвила она. – Только челяди это свойственно! А что им остаётся за неимением королевской красоты?! Только и предаваться низменным страстям!

– Не любя, тебе не обрести блеска глаз...

– Тогда я вырежу ее сердце и съем! Что ты на это скажешь, дорогой друг?! Я украду ее любовь! Она будет моя, и она будет во мне!

– Ну и что?! – голос из волшебного фонтана даже поперхнулся. – Не перестаю удивляться твоей жестокости...

– Отвечай, мне! – властно молвила королева. – Тогда я получу блеск глаз и очаровательный румянец?

– Наверное, получишь...

– Да! – королева хищно улыбнулась, демонстрируя звериный, чуждый ее прелестному лику, оскал.

Она словно прямо сейчас предвкушала, как будет поедать любящее сердце Люльки-уродки!

– ... но лишь на пару дней... не знаю, сколько ты его будешь есть!

– О чем ты говоришь, демон?! – встрепелась королева.

– О том, что румянец на щеках продержится, пока ты будешь есть ее сердце! Это и немудрено: любой покраснеет, поедая сырое мясо! И это не значит, что ты овладеешь ее

любовью! Съешь кусок говядины – исход будет тот же!

– Ты невыносим! – королева в бешенстве заорала.

Быстрыми шагами она направилась на кухню – сегодня в волшебный калейдоскоп полетят пищевые отходы недельной давности...

– Почему ты так огорчилась, ваше величество? – удивленно спрашивал тайный друг. – И раньше подобное случалось! Она явно не красивее тебя! Хорошо, пусть румяна, как никто в королевстве...

Королева взвизгнула, словно уронила на себя подсвечник с горящей свечой.

– Это означает, что меня не существует!! Понимаешь ты или нет?! – в дикой панике верещала она. – Меня нет! Мне с младенчества воспевали красоту! Где есть я, там и красота! Мы одно целое, и никто не смеет затмевать королеву! А сейчас простая девка осмелилась меня пододвинуть!

– Никого она не хочет двигать! – фыркнул тайный друг. – У нее даже мыслей таких нет! А ты просто бредишь! Единственное, чего она хочет, это уйти от тебя живой!

– Уничтожая ее, я отчаянно борюсь за свое существование! – не слышала его королева. – Только я могу быть красивой! Только меня должны любить! Только мною должны восхищаться! Займи она мое место, я исчезну!

– Вот именно! – равнодушно молвил тайный друг. – Все ради существования! Но не жизни!

Ее величество вдруг разрыдалась от дикого страха стать

побеждённой.

Пусть Люля уступала в неземной красоте ее величеству, но ее облик оказался немного выше грани «просто симпатичной» девицы и опасливо приблизился к черте, где ее можно было назвать красивой. Для королевы это удар. Весь день она обдумывала план по спасению своей уникальности.

Глубоким вечером она тихо вышла в сад и произнесла:

– Я убью ее. Найду ее милого и принесу тебе! Пусть и придётся постареть на два года, но нет им места в Разноцветье!

– Делай, как знаешь, твое величество...

Но королева лишь привычно выражала надменность, демонстрируя свой жестокий нрав волшебному фонтану: она боялась быть уязвленной его очередной правдивой речью. На самом деле теперь к ее обыденным переживаниям присоединилось другое – любопытство. Она решила следить и дальше за влюбленными, но так страшилась встречаться с этим желанием, что погружалась в испепеляющий стыд при одной лишь мысли. Она не решалась в этом сознаться ни фонтану, ни себе...

Прекрасная Королева ворча спускалась по земляным ступенькам прямо к ручью. Любопытство слепо вело ее, но другое неприятное чувство упрекало: совсем не по-королевски шнырять, словно вор, сквозь колючие растения, ещё и пачкать ноги в земле!

Вот она спустилась и спряталась за шиповник. Картина,

представшая ее взору, вызвала ураган в ее груди.

... На берегу пруда сидел Гуня, опустив ноги в воду. На его коленях примостилась Люля. Рядом прыгали три молодые кошки и одна взрослая. Королева тут же узнала их: несколько месяцев назад она велела утопить котят уродке, что бесстыдно сидела на коленях другого уродика, она посмела послушаться приказа, твари стремительно выросли и, похоже, счастливы!

Королева вспыхнула, но не от злости: юноша и девушка так близко прислонили друг другу лица, словно слились. Служанка с закрытыми глазами проводила пальцами по щекам юноши. Вот она коснулась его губ.

Королева затаила дыхание, но сердце ее бешено забилося, а горячая кровь прилила к лицу. Щеки охватило жаром. Она хотела опустить глаза, словно стыдясь того, что видела, но интерес возобладал. Впервые в жизни Прекрасная Королева переживала подобное. Теперь Гуня касался румяных щек девушки. Тогда в груди ее величества что-то больно кольнуло, так что дышать стало тяжело! Невыносимая, доселе не испытываемая тоска наполнила ее всю.

Поддаваясь инстинкту, королева трясущейся холодной рукой коснулась своих щёк и губ и почувствовала, какие они мокрые: она плакала. Никто так не дотрагивался до неё! Никто так не сажал ее на колени и не обнимал! Никто ее так не любил, как этот юноша любил эту уродку! Ком боли захватил ее горло, а рука на щеке расцарапала кожу. Чтобы не

разрыдаться, она мигом убежала...

– Что с тобой? – спрашивал голос из фонтана. – Ты выглядишь... уязвленной! У кого же хватило на это духу!?

– Как ты можешь видеть меня! – в отчаянии закричала королева. – Не смей на меня смотреть!

– Хорошо, не буду... Но что стряслось?

Королева не смогла ответить, а только безутешно рыдала. Лицо ее исказила гримаса боли. Двое уродов посмели разбить ее ледяное сердце, и теперь его осколки, словно когти стервятника, раздирали грудь! Она горевала от того, что никогда не сможет ощутить того же, что ее подданные, нарушившие королевский указ. От этого можно рыдать бесконечно: априори это было невозможно. Казалось, у нее внутри что-то давно умерло, ещё, когда она родилась, если не раньше, но только сейчас она это обнаружила и теперь безутешно оплакивала потерю.

«Ты не умеешь любить...» – пронеслись у нее в голове жестокие слова тайного друга.

Значит, она уже появилась на свет такой, какая она сейчас! Ещё в утробе матери была таковой: несовершенной, пустой, ущербной, уродливой...

Королева пуще прежнего разрыдалась. Но зачем плакать над тем, что никогда не рождалось?! Все равно, что на похоронах лить слезы на пустой гроб...

– Меня любят все! – вдруг со злостью произнесла она, вытирая щеки.

– Тебя все боятся и только! Зачем же тогда тебе красота? – тут же молвил тайный друг.

Королева вновь почувствовала, как ее грудь острыми ногтями пронзает стервятник.

– Замолчи! Замолчи! – кричала она, хватаясь за грудь.

– Твоя жизнь сплошная борьба! И отдохнуть от нее ты не можешь!

– Я убью их! Я убью их! Тогда моя боль пройдет!

– Да, это верно... От двух любящих уродов может родиться красивое дитя!

– Что?! – королева в ужасе повернулась к фонтану и поглядела внутрь, как будто стараясь разглядеть лик невидимого тайного друга.

Но внутри лишь в бешеном ритме крутился вихрь из драгоценных камней.

Королева, ничего не сказав, выбежала из сада и приказала схватить двух уродов, что тайно встречались в низине у ручья.

Их тут же доставили прямо к ногам ее величества. Королева же старалась даже не глядеть на влюблённых: дикая боль в ее груди вновь давала о себе знать.

Гуню и Люлю привели к волшебному фонтану. Им было приказано прыгнуть внутрь. Обычно, никто не осмеливался самостоятельно отправиться в неизведанный полет, поэтому палачи сталкивали обвиненных. Но Гуня взял Люлю за руку и поднялся с ней на бортик фонтана.

Королева мельком взглянула на них и тут же пожалела: вновь боль пронзила ее грудь, она была так сильна, что ей вновь захотелось расцарапать себе щеки, лишь бы отпустить ее. Пусть щека и ныла от царапин, но это ничто по сравнению с невидимой болью души. Она чуть не закричала от бессилия, и сама была готова столкнуть влюбленных. В эту роковую минуту собственная боль тревожила ее сильнее, чем рождение красивого ребенка от большой любви двух уродов. Но ее величеству не пришлось вновь причинять себе увечья: уроды прыгнули в калейдоскоп...

* * *

После очередного рутинного рабочего дня Сергей Иванович возвращался домой на городском автобусе. Время было вечернее, уставшие пассажиры спешили домой: кто-то к мужу, кто-то к жене, кто-то к детям или внукам, а Сергей Иванович к черепашке.

Он стоял на центральной площадке, мечтая лишь об одном: прийти домой и объесться сдобы. Он бездумно глядел сквозь противоположное окно. Кто-то из пассажиров дремал, то и дело роняя голову на грудь, некоторые оживлённо болтали, другие глядели в окно. Сергея Ивановича не особо волновали незнакомцы, но на одноместном сиденье внимание привлекла странная особа...

Сергей Иванович, не отрываясь, разглядывал незнакомку. А это была Люська-цветочница.

Она сидела боком и глядела в окно. Было заметно лишь

копну коротких кудрявых волос цвета мокрой соломы, а ближе к затылку они были выстрижены, оголяя полную шею.

Бледная кожа была настолько тонкая, что виднелись «реки» из вен. Несмотря на массивное туловище и полные руки, ноги были худые, словно у молоденькой девушки.

На Люсе как влитая сидела черная короткая юбка с бантиками и трикотажная майка в обтяжку. Маленькими пухлыми пальцами она держала холщовую серую сумку, перекинутую через плечо.

А на плече красовался рисунок в виде ромашки с оторванным лепестком.

Рисунок настолько олицетворял саму Люсю, будто она родилась с этой «ромашкой».

Глядя на девушку, в голове Сергея Ивановича всплыл образ поля с высокой травой, а вокруг деревья и ветер сильный-сильный, что аж толстые стволы прогибаются.

В воздухе гуляет свежий сладковатый запах, как у бабушки в деревне, он отдаёт парным молоком, медом и только что испечённым хлебом.

Сергей Иванович вспомнил себя в детстве, как был счастлив, пока прыгал по лужам и ловил сачком бабочек. Словно волной неведомое ранее чувство накрыло его, что аж лоб вспотел, и руки слегка затрясло. Он даже принялся и мог поклясться, что запахло свежей выпечкой. Он настолько окунулся в свои воспоминания о счастливом лете, что, казалось, улетел из автобуса к бабке в деревню, только не один, а вме-

сте с Люсей.

Сергея Ивановича очень заинтересовал рисунок на плече незнакомки, так и тронул его этот несчастный лепесток, оторвавшийся от семейства и готовый упасть на шершавый локоть девушки.

Автобус доехал до очередной остановки, и Люся неожиданно встала и направилась к выходу.

А Сергей Иванович вздрогнул и нервно раскашлялся.

Незнакомка посмотрела в его сторону. Взгляд ее был сонный безучастный: солнце слепило глаза. Ее лицо было очень милое, а черты мягкие.

Люся вышла из транспорта, солнце тут же спряталось за облака, и в автобусе, как и прежде, расплылась киселем людская усталость.

Сергей Иванович так и подскочил на месте, словно проснулся от страшного сна, где начальник сделал ему выговор. Он попросил водителя остановить автобус, выскочил на улицу и побежал за исчезающей Люсей.

* * *

Несчастливая королева рыдала.

– Убей меня... – молила она тайного друга. – Я не хочу чувствовать. Это больно. Прошу, убей меня!

Фонтан молчал. Тишина угнетала, и Прекрасная Королева слышала лишь собственные всхлипывания. Пусть и стало в Разноцветье на двух опасных уродиков меньше, боль от несовершенства не покинула ее.

– Я не нужна тебе... – тихо произнесла королева. – К чему тебе мое красивое тело, если в нем нет души?

Королева вновь зарыдала, оплакивая свою пустую искусственную жизнь.

Она скулила как собака, временами жалобно подвывая – за всю жизнь она ни слёзы не проронила, а сейчас за одно мгновение буря грусти и печали захватила ее и выходила наружу.

– Я не могу ручаться за твою смерть... – наконец, произнёс голос из волшебного фонтана.

– О чем ты говоришь? – всхлипывала королева. – Что я теперь и умереть не могу?!

– Я не всегда властен над ним и не ведаю, что сделает с тобой мой водоворот. Я уже говорил. В любом случае, ты не будешь прежней... Возможно, умрёшь, возможно, окажешься в другом мире. Я не могу точно знать.

– Уж лучше ему убить меня. Ведь он не заберёт меня в свою коллекцию... Зачем ему пустышка в прелестной оболочке, не способная любить?

Прекрасная Королева встала с колен и, не выслушав, что на это ответит голос, прыгнула в него.

– И за столетия ты никогда не была столь прекрасна и искренна, как сегодня... – промолвил голос из волшебного фонтана, но королева его уже не услышала.

* * *

Сергей Иванович как оголтелый бежал за Люсей. Он даже

не думал, как начать разговор, внезапное фееричное чувство уверено вело его, так и подталкивая непослушные ноги.

Малышка лет шести в костюме феи появилась откуда ни возьмись! В руках у нее была волшебная палочка, на голове диадема – Сергей Иванович сшиб с ног королеву фей! Пусть и ряженую! Он завалился на девочку, но резко вскочил, рассыпаясь в извинениях. Рядом стояла мама девочки и помогала дочери подняться.

– Милая, ты в порядке? – испуганно спрашивала она малышку.

Девочка – королева фей – совсем не ушиблась. Она отряхнула платье и разглядывала Сергея Ивановича.

– Ах, это вы извините! Это мы налетели на вас! Мы просто очень спешим! – обратилась к нему мама девочки.

– Да, я тоже, – Сергей Иванович слабо улыбался, давая понять, что не злится, но тут он стал оглядываться по сторонам в поисках незнакомки. Он сильно отстал от нее, но все же ещё мог ее догнать. Мама с дочкой заметили смятение и тревогу на его лице.

– Милая, но мы можем опоздать... – предупредила мама.

Девочка о чем-то просила ее.

– Ну и что! – топнула она ножкой. – Я совершу своё первое волшебство и помогу этому дяде!

Мама смущённо поглядела на Сергея Ивановича и, поджав губы, виновато улыбнулась.

– Хорошо, но, может быть, ты спросишь у дяди, нужно ли

ему волшебство? Мы ведь не знаем!

Лицо девочки озарилось и она, широко улыбаясь, поглядела на Сергея Ивановича.

– Я могу вам помочь! К кому вы так спешили?

Сергей Иванович удручённо глядел вслед исчезающей Люсе. Она подходила к углу обшарпанной пятиэтажки. Если сию же минуту он не догонит ее, надежда на встречу испарится. Он даже затрясся от безысходности, но так не хотелось разочаровывать очаровательную малышку. Сергей Иванович всё-таки решил подыграть ей.

– Я хотел познакомиться вон с той девушкой. – Он указал рукой на Люсю.

Мама с дочкой обернулись и увидели, как светловолосая курчавая цветочница зашла за угол дома и исчезла.

– Это ведь та тётя, которая продаёт цветы! – воскликнула малышка.

– Да, совершенно верно! Мы частенько заходим в ее лавку! – поддакнула мама.

– Вы серьезно?! – Сергей Иванович стёр пот со лба. – Неужели?!

– Ну, конечно! Она как раз идёт в сторону цветочной лавки! – просияла девочка и взмахнула палочкой.

Мама коротко объяснила Сергею Ивановичу, где находится лавка цветочницы. Он поблагодарил маленькую королеву фей и ее маму, которые, улыбнувшись, поспешили по своим делам.

Довольный Сергей Иванович направился к Люсе, прислушиваясь, как удаляющаяся девочка с радостью твердила матери:

– Я же говорила, что помогу ему! Потому что я настоящая волшебница, правда, мама?

– Конечно, милая, но нам нужно спешить: мы опаздываем на спектакль, а тебе ещё нужно спасти принцессу от злой ведьмы! Бедняжка без тебя пропадёт!

Девочка закивала и, ухватившись за мамину руку, радостно вприпрыжку подсакивала рядом, спеша навстречу волшебным подвигам.

Сад для Пери

На площади, в самом центре города среди типовых многоэтажек щетинился островерхими башнями мрачноватый замок.

В замке находилась старинная библиотека и читальный зал. Ее молодой хозяйин – наследник книжного великолепия – жил прямо здесь со своей юною супругою. Она любила книги, фигурки из глины и классическую музыку, а он беззаветно любил ее и потакал каждой просьбе и желанию.

Ее имя было Пери, что означало «Нимфа», и муж искренне верил, что возлюбленная – неземное прекрасное существо, рождённое в лепестках роз и чудом доставшееся ему.

Пери лепила фигурки из глины. Она мечтала, что однажды каждую книжную полку украсит фигурка глиняной нимфы, что будет охранять бесценные тома. Он улыбался в ответ и неустанно повторял, что когда-нибудь библиотека превратится в прекрасный сад из маленьких пери, что оберегают книги.

Пери кружилась по центру читального зала, на полу которого был выложен мозаичный рисунок мрачноватой, но красивой горгульи, и, шутя, не переставая, щебетала:

– Будь я и, в самом деле, крохотной нимфой, я бы неустанно парила посреди этого книжного великолепия! Вот бы превратиться в маленькую нимфу и обследовать все-все-все да-

же самые высокие полки с книгами, куда и лестница не достанет!

... Муж оборудовал для Пери потайную уютную мастерскую. Это было его подарком. Никто бы в жизни не догадался, где она располагалась!

Читальный зал находился на первом этаже сразу за гардеробом, после него начиналась сама библиотека. А зал отделялся от нее стеной, сплошь заставленной книгами! Попасть в библиотеку можно было через высокую арку в стене.

По бокам арки проходило две лестницы. Сверху они соединялись, образуя небольшой балкончик. Лестницы украшали выющиеся кованые перила, на которых «росли» кованые розы. Второго этажа здесь не было, и лестницы представляли, скорее украшение, хотя, забравшись по ним, можно было поискать нужную книгу на самых высоких полках. Но на заветном балкончике и находилась потайная дверца, ведущая в мастерскую! Она была так искусно спрятана за книжными полками, что никто не смог бы догадаться.

Нужно было потянуть за маленький «томик», который являлся ручкой. И полка поворачивалась, открывая проход в мастерскую.

Помимо художественных принадлежностей муж принёс сюда любимые книги Пери, пластинки и переносной проигрыватель и даже старое фортепиано, на котором она училась играть ещё в детстве!

Радости Пери не было предела! Здесь она и начнёт созда-

вать своих нимфочек под звуки классической музыки.

Как должно быть необычно и забавно слышать звуки фортепиано из самой стены! Но играла Пери только по вечерам, когда зал закрывался, читатели и работники уходили по домам.

Муж, наблюдая за ее игрой, всегда потешался: как это пианистке, музицирующей чуть ли не с раннего детства, до сих пор не удавалось ставить на клавиши мизинцы?! На игру это почти не влияло, но строгие учителя могли и балл снизить. Влюбленный муж лишь умилялся особенностью Пери, а той и невдомек скучные правила: ведь она играла для себя, а не на публику.

... Библиотеку посещали все жители города. Люди любили читать книги в мрачноватом, но прекрасном замке, а молодой приветливый хозяин и его красивая супруга всегда были рады гостям.

Но однажды ужасная весть обрушилась на город.

Прекрасная Пери покончила с собой, сбросившись с того самого балкончика, где соединялись две лестницы...

Хозяин замка вернулся домой поздно вечером и увидел мёртвое тело Пери на полу читального зала. Она разбилась о мозаичную горгулью, со стороны казалось, что та захватила ее в свои холодные объятия.

В руке погибшая сжимала фигурку маленькой нимфы – глина была еще сырой. Из-за стены доносился тоскливый стон скрипки. Она играла и играла, а безутешный муж не

мог поверить, что его нимфа умерла.

Он затуманенным от горя умом забыл, что Пери просто не выключила проигрыватель. Ему мерещилось, что музыка везде, она ожила, и играет ее сам великий композитор, спустившийся с небес. Хозяину чудилось, что это была его личная заупокойная месса...

Он не уберег свою нимфу при жизни, но, может, после смерти их души соединятся? Он выпил яд и лег рядом с Пери, прижав ее ещё тёплое тело к груди...

После трагедии библиотека не закрылась. Даже наоборот, привлекла еще больший интерес. В читальном зале становилось теснее, а слухи о странной кончине молодой пары ещё долго не покидали умы любопытных жителей.

Отчего же решила покончить с собой Пери? Самая красивая и известная женщина всего города, горячо любимая молодым супругом? Кто-то говорил, что супруг был тираном и заставил несчастную «вспорхнуть» с балкона, кто-то твердил, что Пери обезумела, затосковала и улетела в сказочный мир фей. Теперь ей хорошо, она в настоящем доме, пусть для этого и пришлось умереть, ведь люди не умеют летать.

* * *

Не прошло и года после смерти хозяина и хозяйки, как одна из читательниц покончила с собой, упав со злополучного балкончика прямо на мозаичное изображение страшной горгульи. Поговаривали, что она-то и являлась причиной самоубийства девушек.

Но большинство не верило в подобные глупости, а все сводилось к тому, что несчастная просто сошла с ума. А на то, что руки ее были испачканы в глине никто и внимания особо не обратил...

Город охватил ужас, но библиотеку не закрыли. Не закрыли ее и на следующий год, когда вторая, а за ней и третья, и десятая девушки убили себя подобным образом. Девятнадцать молодых девушек оставили свои жизни на полу замка-убийцы.

Но, как ни странно, жители города продолжали посещать библиотеку. Почему-то большинство сошлись на том, что девушки-самоубийцы изначально были безумны и все равно лишили бы себя жизни. И лишь немногие сетовали на саму библиотеку и ее жуткую атмосферу. Но эти люди никогда не посещали замок с горгульей. Постоянные читатели утверждали: где вы найдете такую тишину, спокойствие и умиротворение – нигде во всем городе! Да пусть хоть сотня девушек лишат себя жизни, популярность библиотеки только возрастёт.

Надо заметить, отпетые циники мрачно шутили, мол, дьявольский балкончик не даёт покоя городским нимфам – они все мечтают научиться летать, а он исполняет их мечту, да только посмертно.

Завсегдатаи библиотеки находили сходство погибших девушек с первой жертвой, нимфой Пери. Все длинноволосые, лёгкие и отстранённые от мира – только танцы, рисование

да музыку им подавай. Для таких и смерть не конец, а всего лишь бесконечный полет в тёмном коридоре.

По прошествии двадцати лет в разговорах начали мелькать предположения, что двадцать первая девушка и окажется последней жертвой. Ведь великая Пери покончила с собой, когда ей был двадцать один! Значит, совсем скоро кошмар прекратится, но кто осмелится ради этого отдать свою душу?

* * *

«О, моя родная, любимая, неповторимая, снова ты ко мне вернулась! Как я счастлив! Иди ко мне, обними за плечи холодными руками, стисни, задуши, если хочешь! Делай, что угодно, только не бросай меня. Без тебя я вновь утону в серой гамме привычных лиц и будней. Ты даёшь мне вкус жизни, и пусть она солёная от твоих слёз, но я чувствую, что живу...»

Девушка часто-часто заморгала и, нахмурившись, опять уткнулась в книгу.

Она сидела в самом дальнем углу читального зала и все никак не могла дочитать последнюю страницу главы.

Девушка поглядела на часы. Ужинать пора, а ведь она пришла сюда ещё днём! Может, поэтому ей мерещатся эти странные слова, которые словно пелена прикрыли настоящий текст.

Что это вообще такое?! Страстное послание от горячо влюбленного юнца?! Но ей почему-то стало уныло и тоскли-

во после прочтения. Девушка захлопнула книгу и стала поспешно собираться домой.

Она встала было со стула, но резко села, зацепив книгу: голова закружилась от голода, книга с шумом упала на пол. Минуту девушка сидела, закрыв глаза, мысленно уговаривая сердце не биться так часто.

«О, моя ненаглядная, снова ты ко мне вернулась!»

Девушка распахнула глаза и огляделась.

Кто только что это произнёс?!

Читатели за соседними столами даже не взглянули на нее, и лишь шуршание от переворачиваемых страниц иногда нарушало тишину.

Испуг постепенно проходил, и девушка вспомнила, что собиралась домой.

Боясь, что может передумать, она стремительно вскочила, вернула книгу библиотекарю и поспешила к выходу, но замерла, едва рука коснулась дверной ручки.

Музыка, мрачноватая и манящая, зазвучала негромко и заполнила читальный зал.

Девушка забыла, куда шла. Она обернулась и заметила лишь те же увлечённые лица, уткнувшиеся в книги. А музыка играла тише и осторожнее, будто испуганно. Она как будто медленно отдалялась, а девушка, страшась, что красивая и очень знакомая мелодия из известной оперы утихнет, очень медленно на цыпочках кралась за ней.

Теперь звуки усилились, мелодия окрепла, стала громче,

но тоскливее, словно кого-то хоронят.

Откуда здесь музыка? Кто ее играл?

И вновь слова теперь уже не в голове, а эхом разлетелись по всей библиотеке:

«О, моя родная, любимая, неповторимая, снова ты ко мне вернулась...»

Девушка уже не понимала, кому они адресованы? Музыке? Или ей?

Ее больше не пугало, что другие читатели не слышат музыку. Минорная мелодия захватила и поглотила девушку. Она будто превратилась в нее, и теперь девушка осознала, что слова невидимого влюбленного адресованы ей!

Девушка стояла посреди читального зала, где две лестницы соединялись, образуя небольшой балкончик. Мельком она заметила мужскую фигуру в чёрном, что приоткрыла дверь, спрятанную за книгами.

Девушка, не отрывая от нее взгляда, стала медленно подниматься по ступенькам.

Поднимаясь на балкон, она заметила статуэтки прекрасных маленьких нимф на книжных полках.

Вот бы и ей порхать среди тяжелых томов классики! Она бы выбрала вон то уютное местечко рядом с появившейся дверью.

Девушка вошла в образовавшийся проем и поспешно уселась за стол, где лежали принадлежности для лепки и рисования.

Тоскливая мелодия не переставала играть.

«Моя нимфа вернулась домой...»

Мелькнуло в голове у девушки.

«В твоих руках находится сила и тепло, передай их глине, пусть она напитается тобой. Так она станет маленькой копией тебя...»

Девушка, ведомая таинственным шёпотом, никогда в жизни не лепившая фигурки даже из пластилина, начала умело возиться с глиной.

Мужской голос и минорная мелодия сопровождали все её действия.

Прошло несколько часов, и статуэтка была готова. Это была прелестная фигуристка, застывшая в прыжке.

Библиотека к тому времени опустела и закрылась.

«Она прекрасна, но ей необходима твоя вещь...»

«Моя вещь?» – Сонно бормотала девушка.

«Самая любимая и значимая для тебя вещь... Чтобы твоя душа навсегда осталась в дивном саду Пери... Ты ведь так этого желаешь...»

Недолго думая, она сняла тоненькое колечко с мизинца.

«Оно очень дорого мне...» – прошептала одними губами.

«Хорошо. Как ты думаешь, где бы оно смотрелось на твоей маленькой копии?»

Девушка приложила колечко прямо над головой только что слепленной фигурки, и оно тут же всплыло над ней, словно нимб.

«Замечательно. Небесная нимфа. Ангел. Это прекрасно».

– Ангелы живут на небе... – прошептала девушка.

«Да, ты выбрала замечательное место для своей нимфы: на балконе, рядом с невидимой дверцей. А ведь балкон так высоко от горгульи, как небо от земли...»

– Я поставлю ее туда...

«Да, прямо сейчас»

Девушка вышла на балкон и поставила фигурку на то место, куда хотела бы взлететь, будь она маленькой нимфой.

«Теперь нужно, чтобы она затвердела и стала холодной, но это невозможно, пока твое тело источает тепло и жизнь...»

«Но что мне делать?»

«Нужно освободить твою нимфу...»

«Как?»

«Что делают нимфы?»

«Они... летают?»

«Да... Нужно вспорхнуть прямо отсюда... представь, что танцуешь на льду... Внизу тебя ждёт горгулья, но ты не бойся: как только твое тело окажется в ее объятиях, твоя душа сразу улетит к своей маленькой глиняной копии...»

Девушка закрыла глаза и представила ледовую сцену. Вот она делает прыжок и падает под бурные овации зрителей...

Но постепенно восторги оживлённых почитателей станут тише и тише, потом люди и вовсе исчезают, а сцена превращается в узкую тропинку, покрытую льдом. Вокруг темный коридор, и она бежит по нему на коньках, в надежде

выйти, а впереди только тьма...

На следующее утро в библиотеке царил переполох: горгулья похитила двадцатую жертву. Девушка прыгнула с балкона и упала прямо на мозаичный рисунок мрачноватой горгульи.

* * *

Она шла босая, ступая продрогшими стопами на каменные полы. На ней белая длинная ночная сорочка, ее кружевной подол застревает между ногами, и, временами девушка оступается и падает. Длинные волосы согревают плечи и грудь. В одной руке она держит свечу, пламя которой колыхается: рука трясётся от страха и холода. Сколько она бредёт здесь? День, месяц, год?

Впереди лишь темнота. И куда бы она ни сворачивала, хоть резко вправо, хоть влево, везде беспросветная тьма! Везде бесконечный коридор...

Пери резко открыла глаза и села в постели.

Привычное сновидение медленно выветривалось из головы.

Минуту она таращилась на клавиши открытого фортепиано, покрытые слоем пыли: она давно не садилась за инструмент. Родители ненавидели музыку, но они погибли. Отец пару раз бил по рукам, а мать грозилась отутюжить кисти и однажды исполнила угрозу...

Пери погладила давние шрамы. Они давно не болели, но она поморщилась, будто только вчера грозная мамаша ошпа-

рила её руки! Родители хотели вынести пианино на помойку, но Пери не позволила. Она копила на него целых пять лет и готова была перетерпеть побои и обожжённые руки.

Родители раскрыли рты, когда однажды увидели ненавистный инструмент в своем доме! Вот куда мерзавка девала карманные деньги. Знали бы, ни копейки не дали! А когда их известили, что дочь прогуливала занятия по алгебре с лучшим репетитором города, а деньги откладывала на проклятое пианино, вообще озверели!

Пери не хотела поступать на физмат, она хотела играть сутками напролет. Родители запирали ее, запрещали играть. Сначала Пери рыдала, но потом начала заучивать ноты и мысленно вспоминала, где какая клавиша находится, представляя, как звучит мелодия. Она садилась за фортепиано и едва-едва касалась клавиш, беззвучно «играя».

Она выучила все этюды, сонаты и менуэты, но, как ни старалась, не могла услышать, как они звучат! Она возненавидела родителей, но они ушли в другой мир, и ненависть ее внезапно испарилась.

Пари до сих пор не знала, как звучат все выученные мелодии, особенно одна, так полюбившаяся ей. Глупый страх мешал сесть за пианино. Ей казалось, что умершие родители явятся и прищемят пальцы внезапно закрывшейся тяжёлой крышкой фортепиано...

Пери вспомнила сон, который видела уже много раз. Там в темном коридоре бродили девушки. Сны немного отлича-

лись: то вместо пола в коридоре был лёд, то танцевальный паркет, то гигантские клавиши фортепиано! Но общим было одно: коридор никогда не заканчивался, а несчастные скитались и даже не надеялись на проблеск света впереди...

... Тоска. Тоска, тоска, тоска. Сплошная тоска, от которой не было спасения. Она сопровождала всю жизнь Пери.

Она притуплялась, когда Пери напевала, танцевала или заучивала этюды. В музыке ее извечная тоска растворялась, в ней она находила свой истинный дом.

Иногда Пери казалось, что ее душу случайно поместили в материальный скучный мир, лишённый волшебства и музыки, чтобы она страдала в нем и умирала от тоски, потому что это не ее мир. Ей бы порхать феей и танцевать на клавишах фортепиано, но волею судьбы ее лишили крыльев и поместили в тело ребёнка, который родился в семье жестоких людей...

Пери вновь вспомнила странный сон. Кем были девушки, что брели в бесконечном тёмном коридоре? Не она ли это? Но нет. Это была не она. Пери завидовала им, ведь в своих снах, как и в музыке, не чувствовала привычную тоску. Пусть пленницы из сновидений страдали, но Пери не ощущала грусть! Как это было странно!

Привычное тоскливое чувство вновь овладело ей. Что же теперь с ней будет? Родителей нет, она свободна, но сил, чтобы ужиться в мёртвом мире, не осталось.

Только во снах она и жила, но не все из них были пре-

красны.

С самого детства ей снился один и тот же кошмар, в котором она, замерев, лежала в кровати, а таинственное нечто, ни живое, ни мертвое, нападало на нее. Оно несло на нее с бешеной скоростью, но благо Пери каждый раз просыпалась от ужаса, не успев понять, успело ли поглотить ее жуткое нечто?

Пери поглядела на часы. Полтретьего ночи. Она укуталась в одеяло, закрыла глаза и молилась, чтобы ей приснился ещё один чудесный сон, который она видела, сколько себя помнила – красивого черноволосого мужчину, что плача, обнимал мёртвую нимфу с перебитыми крыльями.

* * *

Пери стояла напротив гигантской библиотеки-замка и долго разглядывала красивые арочные окна и янтарные витражи. Она все ждала, что из-за угла выскочит горгулья и пригласит ее войти! Не прошло и трёх месяцев, как она заточила в своих объятиях двадцатую жертву – юную фигуристку.

Пери недавно приснился очередной сон о пленнице. Душа погибшей переместилась в темный страшный коридор из переплётов книг, охраняемый ее маленькой глиняной копией. Полы ее коридора покрывал лёд, и она бесконечно каталась по нему, удерживаемая жестоким и безумным хозяином, тоскующим по своей ненаглядной Пери, душу которой он не смог удержать, но сделал для нее целый сад из маленьких нимфочек, как и обещал еще при жизни...

Пери проснулась и сразу вспомнила о библиотеке. Она ни разу не посетила замок. Разумеется, она слышала о странных смертях девушек, но особо не интересовалась: родители не давали времени на ненужные увлечения.

Нужно обязательно посетить библиотеку! Что если Пери получит объяснение своим снам? Узнает, откуда взялись глиняные статуэтки, и куда подевался безутешный муж погибшей нимфы? Если уж и говорить о чудесах, то логичнее всего предположить, что именно он, то есть его озлобленный дух, сводил с ума девушек, а не мозаичный рисунок горгульи! Он сам, скорее всего, довел супругу до безумия, и теперь продолжает забирать души других девушек!

Пери, вдохновлённая загадочным сновидением и неожиданной разгадкой, пока известной ей самой, решила в эту же ночь сходить в библиотеку. Такие мелочи, как закрытая дверь или прочие препятствия ее не волновали: она была уверена, что ее там ждут!

Вот высокая входная дверь, наглухо запёртая на ключ, тихонько скрипнула и приоткрылась. Не сработала даже сигнализация! Но Пери, далёкая от материального мира, даже не задумывалась, почему это произошло. Просто случилось волшебство, ведь она не сомневалась, что без труда войдёт внутрь!

Ее приглашали в гости! Пери почти беззвучно проскользнула в библиотеку, дверь сразу захлопнулась за ее спиной.

В библиотеке было тепло и уютно. Запах книжной пы-

ли мгновенно защекотал в носу. Девушка стала потихоньку осматриваться. Вокруг не было ни души, но предчувствие подсказывало – она желанная гостья.

Пери остановилась в центре читального зала и стала разглядывать лестницу.

Как прелестно закручивались кованые перила! Она подошла ближе и прикоснулась к лепесткам черной кованой розы. Сверху находился уже вошедший в историю балкончик.

Пери стало любопытно, и она решила подняться. Слева стояли книги. На одной из полок она заметила прелестную фигурку-держатель для книг маленькой нимфы-скрипачки. Она была вся из глины, но золотистый браслетик, обернутый вокруг ее платья, был настоящим.

Какая необычная идея!

Пока Пери поднималась наверх, она насчитала ещё три подобных держателя. Особенно ей понравилась нимфа в балетной пачке. На ее ножках красовались настоящие крохотные пуанты! Скорее всего, это был старый брелок, который обрёл новую жизнь, навеки застыв на глиняных ножках прекрасной балерины-нимфы.

Пери резко убрала руку от фигурки. У нее закружилась голова, пришлось присесть на ступеньки. Она вспоминала свои повторяющиеся сны. Пери подняла голову и поглядела на нимфу. Она как будто имела что-то общее с несчастной пленницей.

Пери встряхнула головой, прогоняя наваждение, осто-

рожно встала и, наконец, добралась до балкончика. Интересно, о чем думали девушки, когда решили убить себя? Какие чувства они испытывали в тот момент?

Пери прислушалась к себе. Кроме восхищения, интереса и тихой радости от присутствия здесь она ничего не ощущала. Сразу, как только она вошла в библиотеку, ее нескончаемая грусть испарилась! Она словно вернулась домой.

Пери ещё постояла на балкончике, прислушиваясь к ощущениям. Ей не хотелось прыгнуть вниз. Она уселась прямо на пол и свесила ноги через низкие кованые перила.

И тихонько рассмеялась – она словно пятилетняя малышка удрала из дома и забралась на гору, чтобы наблюдать, как родители ее ищут. Пери беззаботно болтала ногами и разглядывала библиотеку.

И почему погибшим девушкам не пришло в голову сделать то же самое?! Зачем лишать себя жизни, когда библиотека так прекрасна, если посмотреть на читальный зал отсюда?

Она разглядывала рисунок на полу, и лёгкое волнение охладило грудь. Пери крепче вцепилась в кованые перила. Вновь закружилась голова, и даже послышался шум в ушах! Она зажмурилась от страха и провалилась в один из своих кошмаров, тот, в котором на нее летело страшное нечто.

Зажмурившись, вцепившись в перила, она с диким ужасом ожидала, как нечто набросится на неё. Но тут случилось совершенно непредсказуемое!

Существо теперь застыло на месте, а она летела на него с бешеной скоростью! Не оно на нее нападало, как ей чудилось всю жизнь, а она падала в его лапы!

Пери вскрикнула от испуга и резко распахнула глаза. И вот неизведанное нечто очутилось перед ней: это была горгулья – мозаика на полу. Пери одновременно сидела на балконе и лежала на полу. Что-то случилось с ее зрением, ее чувствами и ощущениями. Теперь она видела плачущего мужчину, что обнимал мёртвую нимфу с подбитыми крыльями. Эти двое отдалялись от нее. Все дальше и дальше, и дальше...

Пери теперь разглядела: они лежали на мозаичной горгулье.

Она не выдержала и расплакалась навзрыд. Неужели с самого детства она видела не страшный сон, в всего лишь картинку на полу?

И только сейчас она разгадала эту загадку и соединила сны в четкую картинку! Нужно было раньше прийти сюда!

Казалось, впервые в жизни, она так долго рыдала! Наконец, вся боль вылилась слезами, и Пери даже немного разморило. Она встала и отряхнула джинсы. Теперь можно спуститься по второй лестнице. Она заметила, что и на этой стороне почти на каждой книжной полке хозяйничали маленькие нимфы! Здесь был целый сад из прелестных существ! Одна рисовала, другая танцевала, третья играла на арфе. Пери хотела немного спуститься и рассмотреть поближе краса-

виц, но ее внимание привлекла книга – чудной пузатый томик.

Какой забавный! Интересно, что это за книга?!

Пери хотела было вытащить ее, но она будто намертво приросла к полке! Пери потянула, и книжная полка повернулась, открывая проход в темноту!

Пери испуганно огляделась.

Что она натворила?!

Но все-таки решила заглянуть за отодвинутую полку. Раз уж так вышло, не убежать же, трусливо поджав хвост. Может быть, там внутри что-то есть?! Пери заглянула внутрь и обомлела: там находилась комнатка!

Это была мастерская Пери.

В мастерской вспыхнул свет. Было пыльно, но, глядя на уголок, где когда-то работали с глиной, Пери показалось, что совсем недавно здесь кто-то хозяйничал.

Но ее это не удивило. Как это здорово и таинственно – иметь комнатку, про которую никто не знает! Можно закрыться здесь и не выходить с утра до вечера, слушая музыку (она уже успела восхититься антикварным патефоном). Можно даже пошутить и включить пластинку среди бела дня, когда в читальном зале уйма народа.

Никто никогда и не догадается, откуда на самом деле звучит музыка!

Тут Пери испуганно замерла. Она вспомнила о слухах: когда погибла Пери, и вслед за ней хозяин библиотеки, все слы-

шали тоскливую музыку.

А что если она и в самом деле нимфа-Пери, погибшая под звуки тоскливой мелодии? Могло это как-то сказаться на ее настоящей жизни, ведь она всегда грустила.

Пери обхватила себя руками и почувствовала, что мёрзнет в этой уютной, но жутковатой мастерской.

Ей не хотелось уходить домой, где привычная тоска ждёт ее, так и норовит обнять ледяными ручищами, едва она ступит за порог библиотеки-замка. Но пора идти...

Пери направилась к выходу и только сейчас заметила в углу фортепиано!

Восторженно воскликнув, она подскочила к инструменту и трясущимися пальцами легонько коснулась пыльных клавиш.

Можно хоть до утра тренироваться, пока читатели не придут! Она уселась за инструмент. На пюпитре лежали ноты, но Пери не нуждалась в них. Выученные по памяти произведения сохранились в ее голове. И пальцы все помнят. Волнуясь и трепеща от радости, она осторожно надавила на клавиши.

Сначала неуверенно и даже с испугом она играла этюды, боясь, указки жестокого отца, но потом так разыгралась, что и счёт времени потеряла! Как было приятно слушать музыку, которую сам же и играешь! Пери даже прослезилась. Всю жизнь она заучивала ноты и лишь водила пальцами по клавишам, боясь выпустить мелодию, а сейчас в тайной комнатке с балкончиком-убийцей она нашла эту возможность! Это

как прочитать книгу, долго томиться в ожидании экранизации, а потом смотреть и восторгаться: твои фантазии совпали с видением режиссера!

Она так увлеклась, что и до утра бы играла, но неожиданно увидела, как из ниоткуда возникла призрачная рука и легонько дотронулась до обожженных пальцев Пери.

– Мне очень жаль... – сочувственно произнёс мужской голос прямо у нее над ухом.

Пери вскочила и опрометью бросилась из комнатки.

Уже дома, улёгшись в постель, она вдруг осознала, что тот, кто коснулся ее пальцев, и был тем, кто открыл ей дверь.

Он был добр. И он ждал ее.

* * *

– Пери...

Она проснулась от нежного прикосновения. Кто-то дотронулся до ее волос и губами легонько коснулся виска.

Остатки сна слетели в миг, она уселась в постели.

Пери?! Кто-то звал ее? А что ей снилось?

Пери закрыла глаза и вспоминала сновидение.

Там был мужчина в чёрных одеждах. Его длинные волосы цвета угля волнами падали на плечи, такого же цвета глаза выражали кроткую нежность с нотками заботы. Так смотрят на любимых, когда хотят их защитить. Хотя вид его говорил об обратном: лицо с четко очерченными высокими скулами и хмурая морщинка между густыми черными бровями навевали на мысль, что это злой человек. Может, так и было,

но этот злой человек любил. К его груди прижималась юная женщина. У нее были длинные волосы, прикрывающие обнаженное до талии тело. За спиной сложенные крылья. Ноги окутывала гирлянда из цветочных лепестков бледно-розового цвета. Она закрыла глаза и, прижавшись к груди мужчины, коснулась рукой его груди. Тихонько пальцем она отсчитывала стук его сердца. Он гладил ее по волосам и, временами, расчесывал их пальцами. Вот он наклонился к ее лицу, убрал прядь волос со щеки и поцеловал висок, произнеся «Пери».

На этом моменте и проснулась Пери. Это была она!

Лучше бы Пери не просыпалась: неутомимая тоска вновь овладела ее сердцем. Но она знала, где можно спастись от тоски – завтра ночью Пери посетит библиотеку и на этот раз постарается не испугаться внезапно нагрянувшего гостя...

... И вот Пери стояла перед дверями мрачной библиотеки. Дверь, как и в прошлый раз приоткрылась. Теплый ветерок подул в спину, мягко подталкивая внутрь.

Она вошла в библиотеку и остановилась на пороге. Ничего не изменилось со вчерашнего вечера. Пери решила сразу подняться на балкончик и попасть в потайную комнатку с фортепиано. Очень ей хотелось доиграть вчерашний полонез! Только бы внезапно не появилась рука, что так испугала её!

Пери сделала шаг и встрепенулась: зазвучала до боли знакомая музыка.

Она медленно подходила к лестнице, а музыка все не пре-

кращалась. Как тосклива она была! Теперь Пери вспомнила! Именно эта мелодия играла из потайной комнаты, когда она сбросилась с балкона в объятия горгульи!

– О, моя неповторимая и ненаглядная, ты всё-таки ко мне вернулась... – эхом прозвучало на всю библиотеку.

Пери в ужасе обернулась и огляделась по сторонам. Это звучало в её голове или всё-таки повсюду?!

– Что?! – пролепетала она. – Кто здесь?! Вы говорите со мной?!

Голос утих, будто его и не было. Пери даже почудилось, что он испугался сильнее, чем она.

Пери переборолла страх, она почувствовала себя победившей и уверенно зашагала к лестнице. Музыка же играла тише, но не умолкала.

И вот Пери стояла на балкончике и, нажав на пузатый томик, открыла книжную дверь. Музыка утихла, будто, предчувствовала, что сейчас Пери будет играть.

Она уселась за фортепиано и стала играть полонез, которым не успела насладиться ещё вчера. Ноты на пюпитре переворачивал кто-то невидимый.

«Без тебя я не живу...» – пронеслось у нее в голове.

Пери очень хотела обернуться, но страх оберегал от поспешных желаний. В комнате был кто-то ещё. Но страница вновь перевернулась, и она вдруг усмехнулась.

Некто ведь невидим! Его не разглядеть! Хотя она уже знала, кто переворачивал страницы. Это был хозяин библиоте-

ки. Тот человек, что обнимал мёртвую нимфу в ее снах.

Пери поглядела на ноты. Это та тоскливая мелодия, что неожиданно заиграла, едва она вошла в библиотеку!

– Без тебя я не живу... – пронеслось теперь уже по всей мастерской.

Вдруг подул лёгкий ветерок, коснулся нотных страниц, они на мгновение загорелись золотистым цветом.

– Освободи музыку... сыграй ее... – разнеслась по комнате просьба хозяина.

Пери положила руки на клавиши и начала играть.

Наконец, хозяин замка услышал мелодию, что играла для него только Пери! И сейчас она вернулась к нему, пусть в другом обличии и вновь пробудила его! Она настоящая, а не те наивные девушки, что слепо брели в лапы горгульи...

Пери играла, а голове стали мелькать картинки из прошлой жизни, где она была художницей, и как любила слушать музыку на старом патефоне. Под конец мелодии она увидела, как умирает, и невольные слезы закапали на клавиши. Ее смерть не совпадала со слухами в городе. Она не убивала себя...

И вот мелодия затихла. Пери почувствовала тепло возле щеки. Он, положив прозрачную руку на ее кисть, тихо произнес:

– Ты так и не научилась ставить пятый палец...

Пери четко увидела возле своего лица чёрные волнистые волосы и такого же цвета глаза.

Испуг так сильно охватил ее, что она не смогла дышать. Резко вскочив со стула, она бросилась к выходу ещё быстрее, чем вчера.

Она бежала опрометью до самого дома. И только заперевав все двери и окна, смогла отдышаться. Она понимала, что не спрячется от призрака. Но все-таки взяла себя в руки и успокоившись вспомнила, что услышала сдержанный смешок, когда вскочила, увидев лицо призрака! Он ещё и потешаться смел!

Завтра она вновь пойдет в замок. Ведь это и был ее настоящий дом! Только теперь хозяин не посмеет ее испугать!

На следующий день Пери пришла в библиотеку ещё задолго до закрытия, когда в читальном зале был народ.

В такой обстановке хозяин не посмеет ее пугать. Пери почему-то была в этом уверена.

Но как заговорить с призраком в толпе людей?! Пусть они и увлечены чтением, вряд ли хоть кто-то не заинтересуется девицей, что болтает сама с собой.

Взяв тяжелый том английского романа, она уселась подалеже ото всех. Раскрыв книгу примерно посередине, уставилась в мелкий текст.

Пери нахмурилась:

«Я не хотел пугать тебя. Извини...» – прочитала она.

И съежилась на стуле. Через секунду запись исчезла. В читальном зале было свежо, но ей вдруг сделалось жарко, не

хватало воздуха.

«Я могу уйти и не беспокоить тебя, если ты так тревожишься...» – появились новые строчки.

Наверное, призрак был где-то близко и, видя ее волнение, даже не настаивал на беседе. Но она выпрямилась на стуле и смело выдохнула. В третий раз она не сбежит.

«Вы хозяин библиотеки?» – уточнила на всякий случай.

Едва она успевала подумать, о чем хотела спросить, как мысль тут же вырисовывалась на бумаге.

«Да. А кто ты?»

«Меня зовут Пери».

«Кто ты такая, Пери? И почему разговариваешь со мной?»

«С вами нельзя разговаривать?»

«Можно, но... другие не делали этого...»

«Другие?»

«Нимфы...»

«А что они делали?»

«Слепо повиновались»

Пери замешкалась, не знала, что ответить.

«Откуда ты узнала о тайной двери? Я всегда сам заманивал туда девушек...»

«Я словно была там раньше...»

«Ты напоминаешь ее...»

«Пери?»

«Да. Признайся, ты – это она? В другом обличи?»

Сердце у Пери забило сильнее, ладони вспотели.

«Я не знаю... возможно...»

«Что ты знаешь о ней? О Пери? Зачем она убила себя?»

«Нет, сначала расскажи, зачем ты убивал тех девушек...»

«Я их не убивал, они не умерли... они обернулись нимфами. И пусть лишились тела, но души их обрели бессмертный покой. Все... кроме нее».

«Кроме Пери?»

«Да. Ее здесь нет...»

«Но девушки лишали себя жизни. Они мертвы. Значит, ты виновен в их гибели! Зачем?»

«Хорошо, я постараюсь объяснить. Но все же сперва расскажи о себе».

Пери пожалала плечами и подумала о том, что и рассказывать-то особо нечего:

«Мои родители математики. Люди науки. Я ненавидела математику, а родители ненавидели меня. Я люблю танцы, музыку и фортепиано. Недавно они погибли, а я и слезы не проронила. Вот собственно и все».

«Занимательно. Зачем ты сюда пришла?»

«Однажды ночью мне приснилась одинокая фигуристка, она каталась в бесконечном тёмном коридоре. Я вспомнила, что двадцатой жертвой горгульи была именно фигуристка, и решила, наконец, посетить легендарную библиотеку-замок...»

«Тебе снилось? Почему?»

«Не знаю. Наверное, потому что я имею отношение к это-

му...»

«Она каталась в тёмном коридоре?»

«Да, но помимо нее мне снились и другие девушки. Они были разными, но все бродили в каком-то тёмном беспросветном коридоре».

«Тебе это виделось коридором?»

«Да».

«На самом деле это переплёты книг!».

«Да... в сновидении о фигуристке, я поняла это...»

Он молчал.

«Почему ты не отпустишь их?»

«Боюсь, они погибнут окончательно. Статуэтки – обиталище их душ, нельзя извлекать их оттуда».

«Но ведь они мучаются! А что если разбить статуэтки?»

«Нет! Пока я здесь, они в моей власти».

«Значит, нужно изгнать тебя», – спокойно сообщила Пери.

«Никто не может меня выгнать из моего же дома. Я хозяин и уйду, когда вздумается – никогда. Я для тебя... то есть для нее сотворил этот сад...»

«Но ей, наверное, уже было все равно... Ты убивал для себя!»

«Да, – не стал спорить хозяин. – Когда они умирали, их души оставались здесь, меня это успокаивало. Ведь она сразу покинула дом после смерти... Моя тоска немного утихала, когда очередная душа нимфы бродила по тёмному коридору»

из переплёттов книг. Но это спокойствие длилось недолго, и тогда появлялась другая пери, что была не прочь отдать мне свою душу...»

«Неужели никто даже не видел, что после смерти очередной девушки, на полке появляется глиняная фигурка?» – недоумевала Пери.

«Нет. Скорее, никто не хотел замечать... Обыкновенное самоубийство. Чего тут странного?! Да, если бы и заметили, разве кто-то подумал, что это как-то связано с ужасными событиями?! Я наблюдал за людьми. Им даже стало нравиться, что раз в год библиотека-замок забирает по одной девушке! Всем пришлась по душе идея о горгулье-ведьме, что питалась телами юных нимф, и народ противился обменять ее на что-то другое...»

«Ты оправдываешь себя?!»

«Нет, виноват я. Я мерзавец. Но они все делали сами. Я не заставлял. В этом даже насилия не было! Они сами выбирали – слушать музыку или нет, идти в мастерскую или нет. Они бежали ко мне, как Алиса за кроликом! Я же всего лишь в своем доме слушал тоскливую мелодию и вспоминал любимую, звал ее... Я не верил, что это на самом деле происходит! И меня увлекла эта игра. Я стал коллекционировать маленьких пери. Я сотворил целый сад прекрасных нимф! Ты обвиняешь меня в их убийствах, но они сами себя убили, как и моя Пери... Очередная нимфа отзывалась на музыку, а я просто наблюдал... Они сами находили меня. Все

эти девушки были не от мира сего. Всем в огромной вселенной было тесно жить, и она казалась им неродной. Да, теперь они страдают, скитаясь между переплетами книг, но в этом и заключается их счастье. Спроси хоть одну, захочет ли обратно, она будет плакать и страдать, но останется здесь. Здесь в тёмном коридоре между переплетами пыльных томов она нашла свой дом. Зачем ей скитаться по чужой земле?! Ни у одной не мелькнула здравая мысль: стоп, а что я слышу, почему я это слышу, куда я иду, и кто говорит со мной... ни у одной кроме тебя, потому что они и не хотели слушать разум. Это были девушки лёгкие, мечтательные, воздушные перы – танцовщицы, пианистки, балерины – нимфы, которые очень любили музыку...»

«До смерти... – невесело добавила Пери. – Они и подумывать не могли, что для этого умереть придётся! Наверное, и не поняли, что умерли!»

«Но ты понимала, на что идешь?» – спросил хозяин.

«Я просто поскользнулась! – внезапно воскликнула Пери, – Всего лишь поскользнулась! Это была роковая случайность, а я не хотела умирать! Поэтому мой момент смерти связан с ужасом и невыносимой тоскливой мелодией, которая звучала в тот вечер! Поэтому моя душа не удержалась здесь: я не самоубийца!»

Он не спешил отвечать.

«Я умер, чтобы моя душа осталась с тобой, но не нашел тебя здесь, теперь понимаю почему... За двадцать один год мне

эта мысль не приходила в голову, пока ты не пришла сюда. Ты так просто обнаружила мастерскую... я не верил, но когда твои пальцы коснулись фортепиано, сомнений не оставалось. Ты родилась вновь и пришла через двадцать один год. Но зачем? Раз место твое на небесах?»

«Я думаю, что должна остановить тебя».

«Лучше приходи ко мне. Здесь твой дом».

«Отпусти нимф».

«Не могу...»

«Они не заслужили скитаний!»

«Послушай, разве сейчас ты не хочешь остаться здесь навсегда? В твоей мастерской с любимыми пластинками и фортепиано?»

«Освободи нимф!»

Пари с шумом захлопнула книгу и молниеносно убежала домой, пока тоска вновь не заиграла на всю библиотеку и не сманила в ее же мастерскую.

* * *

Сон снова привел ее в темный коридор, она долго блуждала по нему в тоске без надежды на спасение. Но что-то изменилось, она увидела тонкую нить, свисающую откуда-то сверху...

Пери вскочила с кровати посреди ночи, быстро оделась и отправилась в библиотеку.

Двери были открыты.

Она прошмыгнула внутрь и медленно, едва сдерживая

шумное дыхание, направилась к лестнице.

Музыка звучала громко и торжественно. Она обрушилась на Пери вместе с восторженными словами:

«О, моя родная, ненаглядная, ты все-таки ко мне вернулась...»

На балкончике спиной к ней стоял мужчина из ее снов. Пери поднялась по лестнице и очутилась рядом с ним. Он глядел на нее и протягивал руку.

Хозяин замка встал на кованые перила. Он распахнул руки и звал Пери в свои объятия.

Разве может быть страшна смерть, когда так любяще и заботливо манит в свои руки? Разве она умрет? Нет, Пери всего лишь прикоснется к нему и растворится, как нимфа из ее снов...

Она прильнула к любимому и тут же почувствовала, какой лёгкой и воздушной стала! Как настоящая пери! Он обнимал её и проводил рукой по длинным волосам.

– Пленницы свободны. – Услышала она.

– Я знаю. Тоненькая золотистая ниточка?

– Да. Это закладка от книги.

– Я так и подумала!

– Каждая забралась по ней и очутилась на страницах любимой книги... Они навеки останутся жить в волшебных мирах. Это ли не рай?

– Нет! Это даже лучше!

* * *

В библиотеке с самого утра началась суматоха.

– Что-то случилось? – спрашивала Пери, играя на фортепиано.

Он стоял сзади и, обнимая за плечи, наблюдал за ее руками.

– Да. Сегодня ночью девушка сбросилась с лестницы. Она умерла. Ищут ее родственников, а их и нет... Она сирота, что двадцать один год скиталась по свету, мечтая найти дом. Она видела его только во снах, но все же нашла. Тело ей теперь не нужно.

Пери улыбнулась и, закрыв глаза, прижалась щекой к его руке.

Ее душа на месте.

Майк и Бетси

Майк чистил руки металлической щеткой, тщетно пытаюсь придать им человеческий вид.

Теперь он критично осматривал ногти с забившимся под ними моторным маслом. Н-да, попытка не увенчалась успехом, и Майк вернулся в гараж. Уже целую неделю он практически не выходил оттуда, лишь изредка – стащить из дома еду.

Он сидел на сиденье разобранного "Минска". Старый мотоцикл, кожаная косуха да две потертые фотокарточки с бородатым, брутальным мужчиной – все, что досталось ему от покойного отца.

Мать не смогла принять потерю мужа, повредилась умом, большую часть времени она находилась в своем сумрачном мире, отравленная алкоголем. Ее мало волновали мечты (да и жизнь в целом) сына. Майк бросил школу и почти не покидал свой маленький мирок в гараже.

Он был талантливым механиком. В свои шестнадцать неплохо разбирался в двигателях, электронике и очень любил играть на гитаре. Когда ему надоедало ремонтировать без конца ломающийся мотоцикл, он вытирал руки о засаленные джинсы и брал электрогитару, подключенную у самопальному усилителю.

Иногда он садился за барабанную установку (собственно-

го гаражного производства) разучивал новые ритмы. Бывало, он слышал нервного соседа-старикана, который не мог уснуть, злобно пыхтел, будто самовар, который забыли выключить.

И Майк резко бросал играть, тоскливо-мечтательно поглядывая на мотоцикл.

Гаечный ключ в руки – он не привык отступать.

Сегодня он закончил грандиозную работу. Все стояло на месте, кроме глушителя. Его Майк ставить не торопился, ему нравился громкий треск – «рокот» двигателя.

Майк надел косуху отца и повязал бандану «Ария» на голову. И вот он выкатил мотоцикл из гаража. Двигатель чихнул, но не завелся.

Майк чертыхнулся, оттолкнулся ногами и покатился с пригорка. Он резко воткнул вторую передачу, Минск дернулся, притормозив, но уже через мгновение горячая струя выхлопных газов ударила в голень.

Двигатель завелся!

Радость охватила юного механика. Майк выехал на трассу и повернул ручку газа до упора. Двигатель работал на удивление ровно, без перебоев.

Майк поехал в сторону байкерского кафе. Это место его всегда притягивало, но он был слишком юн, и его туда не пускали. Майк старался обратить на себя внимание бородастых мужиков, что попивали пиво у входа.

Он с грустью вспомнил отца.

На всю громкость он включил колонку, встроенную в бардачке, и, выкрутив ручку газа, поднял мотоцикл на дыбы.

Дальше ничего не помнил. Белый цвет микроавтобуса, что внезапно выехал из-за поворота ослепил его. Он едва успел удивиться. Но не успел испугаться и поверить в смерть...

Бетси устало бродила по спящим коридорам странного помещения. Все здесь было какое-то холодное, белоснежное и, казалось, мёртвое. Она остановилась и прислушалась. Была ночь, других людей Бетси не обнаружила, но отовсюду слышались пищащие, искусственные звуки, издаваемые странными непонятными приборами.

Она вспомнила, что в одной из комнат, где она и проснулась, лежала девушка, до жути похожая на нее. Неизвестное оборудование в палате монотонно и навязчиво пищало и потрескивало. Бетси вдруг с отчетливой ясностью поняла: если приборы умолкнут, девушка умрет.

«Нет, пожалуй, все здесь не мёртвое, но умирающее», – размышляла Бетси.

Но сама-то она что здесь забыла?!

Как же выбраться?

Тут мимо прошла заспанная женщина в белом чепце и смешной рубаше сплошь разрисованной забавными фиоле-

товыми дракошами. В руках женщина держала пробирки с чем-то темно-красным – кровью? Бетси поморщилась. Женщина тем временем подошла к дверям и стала нажимать на циферки, что горели на настенной панели рядом. Раздался слабый писк, и дверь резко распахнулась, чуть не сбив дракониху в чепце. Та что-то забубнила себе под нос, с силой потянула на себя тяжеленную дверь и вышла.

Бетси юркнула вслед за ней.

Бетси брела по освещенной, но абсолютно пустой улице.

Пусть и ночь на дворе, но хоть бы одна машина проехала!

Бетси затосковала. Она дошла до моста, босыми ногами ступила на каменные перила и уверенно зашагала, не страшась высоты. Под мостом спал городской парк, а Бетси будто парила над ним. Она видела верхушки елей и больше не завидовала птицам: ей и крылья не понадобились, чтобы так высоко парить над деревьями...

Бетси встала на носочки и закружилась на перилах. Она все танцевала и танцевала, не чувствуя усталости. Казалось, ее тело не весило ни грамма, и будто пёрышко все летело и летело, только вот места ему здесь не было. Бетси резко остановилась от острой боли в груди.

Одиноко!

Как же здесь одиноко!

Незаметно наступил рассвет. Бетси уселась на перила чего моста и наблюдала за чудесами, что происходили на небе.

Рождалось новое утро, звёзды бледнели, свет от них лился словно светящийся ручеек. Свет рисовал линии невидимого чертежа, а когда он был завершен, последняя звезда потухла, но ее свечение разлилось на рисунок воздушного дворца! Вмиг он стал объёмным, и теперь все небо украсилось прелестным волшебным раем – сверкающими дворцами в дивных садах.

Бетси ахнула: звёзды – это оказывается навершия шпилей невидимых небесных замков! Днём звёзды засыпают, одаривая их светом, а ночью, когда почивают дворцы, вновь вспыхивают, чтобы согреть землю и указывать путь тем, кто заблудился.

А что же Бетси?! Ведь она заблудилась! Почему звёзды не осветили ей дорогу?

Бетси с грустью глядела на волшебный небесный мир. Вот бы попасть туда!

Она почувствовала, как в груди что-то дёрнулось, словно чем-то острым ударили, и одновременно в ушах зазвенел тот странный жутковатый писк из палаты с умирающей девушкой. Бетси зажмурилась, вцепилась в перила и умоляла вселенную прекратить этот ужасный писк и боль в сердце.

Мгновение – боль прошла, словно и не появлялась.

«Проклятый писк! Лучше бы он прекратился! Именно он препятствует моему полету в небесный волшебный мир!»

Бетси все грустила.

Наступил день, но в городе по-прежнему не было ни од-

ного человека. Так и просидела она полдня в одиночестве, бездумно болтая ногами над пустым шоссе внизу.

«Наверное, я умерла, иначе, почему вокруг так пустынно, а небо сплошь заполнено дворцами! Разве живой человек может это увидеть?!»

Вновь в груди тихонько кольнуло – сердце будто сопротивлялось ее мыслям, оно ещё живо, оно бьётся, но, наверное, ослабло...

«Я... умираю?» – спросила она его.

Бетси легонько коснулась груди рукой. Сердце не болело, но она почувствовала, как ее ладонь стала горячей. Да, она умирает. Сердце отвечало ей.

Выходит, ее заблудшая душа сейчас бродит по городу! Она сбежала из того жуткого помещения, то есть больницы, где и борется за жизнь ее ещё юное, но уставшее тело.

Куда же теперь попадет ее душа?!

Бетси поглядела на небо. Как оно волшебно! Вот бы обернуться звездой и жить во дворце!

В сердце больше не кололо. Неужели оно смирилось с неизбежностью смерти?

Тут Бетси замерла: прямо с неба что-то плавно опускалось. Неужели воздушный дворец решил приплыть за ней?! Но как это возможно, если каждый дворец – это звезда, то есть душа! Бетси была в этом уверена! Для нее умирающей, это было таким же логичным и правильным, как для живого человека то, что небо синего цвета, а трава зелёного! Сейчас

она видела вселенную душ, а не людей. Здесь свои правила и свой волшебный мир. Бетси видела глазами души, а не человека. И сейчас с неба прямо в ее руки летит нечто.

Через мгновение рядом с Бетси парило бело-розовое прямоугольное облако! Это оказался маленький кусочек небосвода! Углы его были мягкие и плавные, облако напоминало зефир или безе. Бетси тут же ухватилась за него, а оно мгновенно начало твердеть! В ее руках облачко будто лишилось воздушности и превращалось в нечто другое. Теперь оно представляло собой ярко-розовое пористое печенье! Бетси прижалась к нему и ощутила такое счастье, эйфорию и безопасность, которую, наверное, могут испытывать лишь малыши в животе у мамы. Бетси закрыла глаза и больше не чувствовала одиночества. Да, она хочет на небо! Ее душа готова обернуться звездой, вспорхнуть и занять свое место на небосводе! Но как ей долететь?! Неужели верхом на розовом печенье?! Но тут с неба вновь приплыло облако! А потом ещё и ещё! Бетси ловила их, а они в ее руках превращались в печенье! Конечно! Из них и получится воздушный дворец! Как мозаику Бетси соберёт себе пристанище из облаков-печений!

Несколько дней небо дарило Бетси кусочки облаков, а та собирала их и складывала горкой. Теперь облака-печенья напоминали кучку сладких ароматных коржей для чудесного торта!

Вскоре Бетси сможет его «испечь»! Из «коржей» получит-

ся прелестный дворец!

Через несколько дней он был готов. Облачный замок парил рядом с Бетси, но все же не спешил открывать заветные дверцы.

«Что же сделать для этого?» – с тоской спрашивала она.

«Умереть!» – буквально выскочил ответ, а в груди вновь больно кольнуло.

«Я ведь ещё не умерла! Тогда, зачем, вселенная, ты показываешь мне мир после смерти?! Зачем я здесь? Зачем мне строить замок из облаков, если я не могу уплыть на нём и стать звездой?»

С грустью глядела она на свое творение, но сейчас испытывала лишь горечь и даже злость. Сломать его мало!

Проходили дни, а Бетси так и не смогла обернуться звездой и уплыть на небо. Она бродила по пустынным улочкам города, не чувствуя ни холода, ни голода, ни жажды. Ведь душе чужды телесные переживания. Только печаль, одиночество и горечь все никак не отпускали Бетси. Иногда она ощущала мимолётную острую боль в груди, что напоминала о том, что тело ждёт ее, оно не умерло. Но Бетси не хотела возвращаться.

В очередную ночь она любовалась звёздами. Они глядели на неё, заблудшую, но не спешили осветить ей путь. Но тут одна звезда ярко вспыхнула и тут же погасла. Бетси показалось, что она таким чудным образом подмигнула ей! И,

правда, через миг от звёзды опустился тоненький луч света и нежно коснулся щеки Бетси. Вот он прошел сквозь нее и лег на землю.

Бетси расширила глаза от удивления: луч, ударившись о землю, разбился и растекся маленькой серебристой кляксой! Она стала преобразовываться и теперь походила на светящийся след от кошачьей лапки!

Бетси задорно прыгнула на него. Тут же с неба показался ещё один луч, он так же приземлился, и теперь рядом с Бетси появилась ещё одна лапка. Потом ещё и ещё, пока дорога не превратилась в светящуюся тропинку из кошачьих следов!

С неба сыпались серебристые лучи и, казалось, шел звездный дождь, но это души рисовали для Бетси тропинку, которая привела бы ее в покой.

Тропка вырисовывалась очень извилистая, то и дело сворачивала на стены, дома и даже деревья, а Бетси, гонимая восторгом, радостью и любопытством, легонько парила по чудесной дорожке. Бег ее напоминал волшебный танец, а душа ее парила пушинкой по городу! Куда же приведёт ее кошачья тропинка?!

Следы вывели ее из города в лес. Она все шла по кошачьим лапкам, но с тревогой обнаружила, что они бледнеют. Следы привели ее к высоким кованым воротам и исчезли. Свет погас, и сразу стало темно и неприятно.

Бетси обернулась и не заметила светящейся тропинки. Как теперь найти дорогу в город?

Ей ничего не оставалось, как снова вернуться к воротам.

Бетси пригляделась и содрогнулась от холода, пусть и не ощущала его. Она коснулась холодных красивых ворот, но почувствовала сопротивление: это были кладбищенские ворота, и они не пускали ее внутрь. Ведь Бетси еще жива. Но зачем звёзды привели ее сюда?

Свесив ноги, Майк сидел на заброшенной могиле. Родственники усопшего давно здесь не появлялись, а душа хозяина этого невзрачного холмика обрела покой и покинула пределы кладбища. С выцветшей фотографии на Майка смотрело красивое, хотя и суровое лицо мужчины лет пятидесяти. Он напоминал ему отца.

Майк любил здесь сидеть.

Отсюда была видна проезжая часть и живые люди. Живые, а не убитые горем, как те, которые сюда приходили.

Люди шли по своим делам, доносился лай собак, прогуливались смеющиеся молодые пары...

Майк с грустью смотрел им вслед. Он так и не успел в жизни главного, он не успел полюбить, и не был любим. Никем. Даже родная мать и та не обращала на него внимания, она была слишком занята своим горем и упивалась жалостью к себе и крепким алкоголем.

Майк заморгал часто-часто. Давно наступила ночь, а душа его будто застыла.

В этот момент он увидел девушку. Она не походила на

живую посетительницу, которой страсть как хотелось прийти на кладбище глубокой ночью.

Майк замер: она удивлённо смотрела ему в глаза.

«Она видит меня!» – Майк тут же отвёл взгляд.

Он почувствовал, как невесомая его душа наполнилась теплом. Новая душа!

Она стояла у ворот – одинокая и испуганная – и оглядывалась по сторонам.

Почему она не заходит?

Может, пригласить ее?

Майк все глядел на нее и не решался. Тело его давно сгнило под землёй, но прямо сейчас он ощущал, как ему неловко, стыдно. Он смущённо разглядывал новую Заблудшую. Теперь, когда звёзды уже привели ее сюда, она обретёт покой. На ней было голубое платье все в мелких цветочках, длинные до груди волосы были заплетены в две косички. Ее юной душе было лет шестнадцать.

Душам не бывает холодно, но Майку хотелось ее согреть. Он вдруг ощутил усталость и сонливость. Захотелось упасть на землю и растворившись в ней, уснуть навеки. Или, обернувшись небольшим озерцом, размыть свою могилу бесконечными слезами тех любивших его, которых никогда и не было...

Ведь Майк до сих пор так и не обрел покой. Его не оплакали, с ним не простились, не отпустили. И спустя двадцать пять лет после гибели, его душа до сих пор Заблудшая. И на

могилу его, превратившуюся в заросший сорняком бугорок, некому приходиться. Да и сам Майк не хотел уходить, хотя даже после смерти он был таким же неприкаянным и одиноким, как и при жизни. Ведь рядом с могилой Майка не было других могил.

Но прямо сейчас, глядя на новенькую, он пожелал разлиться настоящим озером вокруг своей могилы. Только бы она рядом была. Тогда он обретёт покой.

Майк вздрогнул и будто очнулся ото сна. Что это сейчас с ним было? Поборов внезапно нахлынувший стыд, он поднял глаза. Майк боялся, что видение исчезнет. Но девушка все глядела на него и словно просила о чем-то.

Майк, наконец, поверил, что она реальна, встал и пошел к воротам.

– Ты чего это тут стоишь? – улыбаясь, спросил Майк – заблудилась?

– Ага! – кивнула Бетси. – Кошачьи лапки исчезли прямо у ворот!

– Тебя вели кошачьи лапки?! Забавно! А меня следы от колес!

– Видимо, кому что нравится... – хохотнула Бетси, – а тыпустишь меня?

– Да, конечно! – Майк спохватился и подал руку новенькой.

Их руки соприкоснулись, и Бетси легко прошла через во-

рота на кладбище.

– Меня зовут Майк! А тебя?

– Я Бетси!

– Очень рад, Бетси! Давно у нас не появлялось моих ровесников! – он запнулся, – я хотел сказать, что наши тела, наверное, приблизительно в одном возрасте были погребены? Сколько тебе?

– Шестнадцать!

– Угадал!

– А что ты помнишь самое первое, когда умер? – полюбопытствовала Бетси.

– Угрюмые лица байкеров... – сразу ответил Майк, будто только вчера его душа покинула тело. – Бородатый мужик. Он зарыдал, когда моя мать, буквально вырывала на себе последние волосы и кинулась к гробу. Ну, это уже позднее было...

– Ужас! – Бетси обхватила себя руками.

– Я тогда приятно удивился! Мамаша меня не любила. А как помер, так вдруг сразу чувства у нее проснулись. Конечно, мертвых любить гораздо легче...

Майк задумался.

– Как же ты обнаружил, что... мертв?

– Гроб убедил. – вспоминал он. – Подошёл ближе, вернее, будто проплыл... Внутри лежал бледный парень с банданой на голове. Очень похожий на меня.

Майк вздохнул и подмигнул Бетси.

– С тех пор я здесь!

Вот так и состоялось знакомство Бетси с новым другом.

Проходили дни.

Бетси и при жизни так не веселилась, как с Майки на кладбище!

Они играли в догонялки всю ночь, потом по очереди прятались за памятниками и искали друг друга.

Заблудших душ на кладбище не было, лишь Майк и Бетси носились по спящим могилам. Бетси же и не задумывалась, почему Майк – единственная душа, кого она здесь встретила...

Нарезвившись, они усаживались на чью-нибудь могилу и болтали.

Но самое чудесное наступало во время грозы. Бетси удалось побывать на настоящем концерте, где музыкантом была сама природа!

Гром гремел словно тяжёлые аккорды на фортепиано. Двойным форте ревел небосвод, но разбивающиеся о землю капли будто трели жаворонка, сглаживали и умирляли пыл грозного неба.

– Это волшебство! – верещала Бетси. – Сама природа играет на фортепиано!

– Гром – басовый ключ! – прокричал Майк.

– Капли – скрипичный! – перебила Бетси. – Ха-ха-ха! Как чудесно!

– Давай, разбудим Бетховена?! – шутил Майк.

Бетси разрывалась от смеха.

– Что ты, пусть поживает великий маэстро!

Майк схватил ее за руку и закужил в танце...

– Выходит, звёзды – это души умерших людей, что освещают землю... – сказала Бетси.

Они с Майки сидели на воротах и глядели на Луну.

– Да, если небо тебя выбрало.

– Как это?!

– Чтобы попасть на небо нужно, как ты уже сама поняла, умереть (только в дневное время), построить замок из облаков и уплыть на небо. Там найти себе местечко и уютно устроиться. Днём свет от твоей души будет наполнять замок-дворец (его и видит на небе душа, что ищет пристанище), а ночью он переместится в шпиль – звезду, которая и будет вместе с другими ночью освещать путь заблудившимся.

– Ого!

– Что бы выбрала ты? – любопытно спросил Майк. – Дворцы или звёзды? Хотя ты на земле, значит, умерла ночью, звёзды привели тебя сюда.

– Я ничего не понимаю! – Бетси нахмурилась и с недоумением глядела на Майка.

– Смотри, – мягко улыбнулся он, объясняя, – если твоя душа ушла из тела ночью, тебя поведут звёзды, а если днём, сманят на небо воздушные дворцы...

– То есть я смогу попасть на небо, только если умерла днём?! А если ночью, попаду... сюда?!

– Да, но это распределение лишено предрассудков, мол, дневные души – райские, а ночные – кладбищенские! В смерти нет бесконечных земных споров о том, кто лучше, кто хуже. И звёзды, и небесные замки приведут тебя в покой, а он одинаков и на земле, и на небе. Несколько дней душа ищет себе пристанище, и лишь обретя его, уходит в покой.

– Если человек умер днём, понятно, что его душа примостится где-нибудь в центре Млечного Пути. А если ночью? Куда приведут его звёзды? Всегда ли на кладбище?

– Необязательно. Иногда она выбирает совсем уж диковинные места или даже предметы. Те, где она будучи в теле, была счастлива. – Майк нахмурил лоб, вспоминая что-то. – Например, я знал одного садовника, который так при жизни любил свой сад, что его душа предпочла остаться в нем навеки, прижилась маленьким сливовым деревцем. Дочь садовника однажды обнаружила новый саженец, стала ухаживать. Выросла высокая плодоносная слива, и долго радовала своих близких сладким урожаем. С годами дочь садовника вырастила целый сливовый сад из отцовского дерева!

– Но все же удивительно, как кому-то суждено освещать небо, а другим...

– Лишь Вселенной известно, что предначертано каждой душе, хотя нам кажется, что выбираем мы. – перебил Майк. – Мне все же приятнее быть полноправными хозяином своей

души, а не сваливать такую миссию на Вселенную! Никогда не узнаешь, кому из нас суждено поселиться на небосводе, а кому вырасти в плодовое дерево.

– Чтобы поселиться на небе, нужно столько условий! Сидеть и ждать, пока к тебе зефирные облака прилетят, потом дворец из них строить! Ночью умирать проще! Иди себе по светящейся тропке и придёшь куда-нибудь...

Пожалуй, мне и на кладбище хорошо! Или, например... я была бы не против обернуться плакучей ивой и нежить свои веточки в теплой воде пруда... – прошептала Бетси.

– Погоди-ка... Как ты сказала? Строить дворец из зефирных облаков?! Откуда ты знаешь? Ты... строила дворец?! Но как? Как это возможно, если ты здесь?! Неужели...

Майк замолк и не моргая глядел на Бетси. Теперь он стал по-новому ее рассматривать, и, видимо, нашёл-таки нечто диковинное. Он как будто все понял, но говорить страшился.

– Ты не заблудшая душа, Бетси. Ты Угасающая!

– Как?! – Бетси схватилась за грудь.

– Угасающая! Ты из тех, кто не желает наблюдать, как его тело умирает и впадает в агонию. Ты ведь сбежала от своего тела?

– Кажется, да... так и было! – воскликнула она.

– И оно (твое тело) ещё живёт, – почему-то с тоской сказал Майк.

Бетси заметила, как друг не рад, что она ещё живая, но даже не обиделась.

– Души, что не хотят смотреть за умиранием тела и сбегают, попадают на перепутье: где-то между миром живых и миром потусторонним. – продолжал Майк. – Свободная душа после смерти тела сразу видит небесные дворцы, а те замечают ее и сбрасывают кусочки облаков, чтобы душа сделала себе пристанище, а потом и летит на нем к небу (если покинула тело днём) или звёздную дорожку (если ночью) и идёт по ней, пока не найдет свой уголок...

– Да, я кажется, понимаю... Когда я выбежала из больницы, я оказалась в городе, но пустом и мертвом. На небе тогда горели звёзды (была ночь), но я уже догадывалась, что это души на меня глядели. Но тогда они не показали мне путь к тебе! Я дождалась дня, и звёзды уснули, обернувшись облачными дворцами! Они-то и дарили мне зефирные облака, из которых я построила дворец! Но улететь не смогла, ведь я живая ещё! Неужели вселенная не могла об этом предупредить!? Я бы не мучилась, а чувствовала себя полноценной гостьей, что просто решила поиграть! Я бы наслаждалась волшебными моментами, осознала, как не страшна смерть, вернулась в свое тело и жила бы в радости от предвкушения своей кончины, а не в диком страхе неизвестности!

– Но ты ведь ещё не ожила!

– Да... интересно, а я буду помнить все это? И тебя?

– А ты знаешь хоть одного человека, который пережил кому и сделал сенсацию и даже открытие относительно потустороннего мира?

– Нет!

– Я тоже. Поэтому... боюсь, ты все забудешь... но Вселенная проявила дружелюбие и показала тебе мир душ. Ты ее маленькая прелестная гостя!

– Ты такой мудрый, и не скажешь, что мы почти ровесники!

– Да ведь умер я мальчишкой двадцать пять лет назад, но уже столько всего здесь навидался, что превратился в ворчливого старикана! Но моя душа ещё не настолько стара, чтобы не помнить земные желания... Я, честно говоря, так скучаю по музыке... А сыграть не могу! И встретив тебя, так захотелось вновь обернуться мальчишкой! И только чувствовать, чувствовать, чувствовать...

Майки замолчал, погрузившись в раздумья.

– Майки, а кто ты? – спросила Бетси? – Где твой покой? И почему ты... единственная душа, которая меня встретила! Как так вышло?! Ведь ты умер много лет назад!

– Я не обрел его. – Тихо признался он. – До сих пор.

– Ты неуспокоенная душа! Как так? Разве такое возможно?! Неужели ты не нашёл его? Свой покой?

– Меня не оплакали, потому душа моя словно ничейная, Зablудшая, одним словом.

– Почему же так произошло?!

– Моя мать долго рыдала по мне, а потом, окончательно сойдя с ума от горя и водки, забыла, что у нее был сын. И это случилось в тот момент, когда моя душа была Зablудшей.

– Я не понимаю!

– Здесь, в мире душ, кажется, что душа находит покой быстро, но в мире людей проходит больше месяца! В эти дни живые и оплакивают умершего. Это важный этап. По прошествии этого времени, живые отпускают мёртвого, в мире душ он обретает покой. С того момента душа считается Упокоенной. Со мной так не случилось.

– И что же теперь? – с грустью спросила Бетси. – Неужели ты всегда останешься здесь?

Майки поглядел на Бетси, не в силах признаться в том, что так мучает его чуть ли не с самого их знакомства. И как он умудрился вновь полюбить то, что не могло ему принадлежать. Майки мучился этими странными чувствами, больше присущими живому юноше, но рядом с Бетси он таковым себя и ощущал.

Про себя, втайне от Бетси, он мечтал, чтобы тело ее скорее умерло.

Но тут же душу его будто что-то сковывало, он вспоминал ощущение человеческого стыда и все твердил себе, сам тому не веря:

«Радуйся каждому дню, а я буду ждать тебя сколько нужно... только бы звёзды привели тебя ко мне, только бы душа твоя лишилась тела ночью, а не днём. Только бы ты осталась здесь со мною, но не улетела звездой на небо».

Майк стыдился этих желаний. Ведь Бетси не чувствовала к нему той нежности и радости, которые он ощущал от ее

присутствия.

Майк ругался на себя, но мечты о Бетси не покидали его.

«Интересно, сколько уже времени прошло с моего появления?» – Бетси часто мысленно задавала себе этот вопрос.

Но с Майки они это не обсуждали, хотя и чувствовалась между ними недосказанность. Майк боялся говорить об этом, а Бетси стало тяготить кладбище. Она не понимала, как Майк вот уже четверть века здесь «жил».

Ей стало скучно. Она все здесь увидела, да и в гостях за-сиделась.

С этим осознанием проснулась кратковременная, но резкая боль в груди, что напоминала о себе чаще и чаще. Тело звало Бетси.

– Тебе пора? – как-то прямо, но не без сожаления, спросил Майк. – Я это замечаю.

Бетси глядела на него с грустью и ей самой становилось тоскливо. Мир Майки ужасен: не обрести покоя столько лет! И умереть ты не можешь, чтобы освободиться от этой неприкаянности, ведь ты уже мертв!

Бетси казалось, что прошло несколько недель, как они встретились, но радость и сказка закончились, уступили место серости и тоске, а Майки живёт в этом годами! Бетси хотелось скорее уйти...

Они с Майки разговаривали все меньше и меньше.

Как-то Бетси забралась на ворота кладбища и ходила по

ним туда-сюда, иногда пританцовывала.

Майки сидел там же и болтал ногами. Он глядел вниз и размышлял, если бы живой человек упал с такой высоты, это убило бы его?

Тут Бетси резко остановилась: в груди вновь укололо и сильнее обычного.

Ей стало страшно, и она подбежала к Майки, но споткнулась и сорвалась вниз. Майк ловко схватил ее за руку. Отпусти он ее, и Бетси упадет.

Она испуганно, но с благодарностью глядела на него и рассмеялась от волнения. Но Майк смотрел на нее печальными глазами. Он медленно перевел взгляд на сжатые кисти.

– Майк, ты ведь не...

– Бетси, – перебил он. – Наше время заканчивается.

– Нет, что ты говоришь?! – залепетала она.

Хотя Бетси и думала об этом последние деньки, но сейчас, когда она парила, словно над обрывом, ее охватил страх. Сейчас Майк решает ее дальнейшую судьбу. Их сжатые руки будто черта, разделяющая ее воскрешение от вечного скитания.

– Тебе здесь плохо? – спросил Майк. – Я вижу это. Ты не понимаешь, как можно так существовать годами? – говорил он вслух произнесенные слова Бетси. – А все потому, что твое тело до сих пор живёт, Бетси, только вот душа убежала...

– Майк, что ты хочешь сделать? – Бетси сильнее сжала

руку.

– Вернуть тебя домой, – признался он.

В груди у Бетси вновь заныло. Теперь не переставая, долго и мучительно.

– Как же больно! – зажмурилась она.

– Тело зовёт тебя...

– Я не могу терпеть! Как унять эту боль? – невидимые слезы катились по щекам Бетси.

– Я отпущу твою руку... – тихо и спокойно, будто убаюкивая, сказал Майк.

– Мне страшно. Будет больно падать?

– Нет, – прошептал Майк. – Будто приземлишься на облачко... Но этого удара будет достаточно, чтобы вернуться в тело...

– Хорошо, только можно, я закрою глаза?

– Конечно, – Майк часто-часто заморгал.

– Нет, нет, нет! – встрепенулась Бетси, чувствуя, как друг разжимает ладонь. – Я не хочу закрывать глаза, так становится темно, и ещё страшнее, лучше я буду смотреть на тебя...

– Хорошо, спасибо! – прошептал Майк.

Он опустил голову и примкнул губами к руке Бетси.

Неожиданно началась гроза.

Ноты басового ключа взревели: гром бушевал. Тут же присоединились нежные аккорды скрипичного: дождь полил тихо-тихо, будто зашелестел...

– Природа играет для тебя, – улыбнулся Майк.

– Да, – дрогнувшим голосом молвила Бетси. – Давай, споём гамму? На счёт «си», разожми руку?

– Хорошо, – тихо произнес Майк. – Это будет самая долгая и жестокая октава в моей жиз... – он нервно рассмеялся, – смерти!

– В моей тоже! – Бетси плакала.

– Начинай...

– До, – протянула она, – ... спасибо за все!

– Ре, – спел Майк, – приходи хоть изредка ко мне...

– Ми, – голос Бетси дрогнул, – только позови...

– Фа, – пропел Майк, – буду рад всегда...

– Соль, – протянула Бетси, – в груди не утихает боль...

– Ля, – спел Майк, – за все благодарю тебя...

– Си... – ее голос дрогнул.

– Бетси, живи!

Она приходила сюда каждые выходные. Даже охранник не препятствовал.

Она любила усесться около старой почти провалившейся могилы.

Она стелила плед, ложилась и читала книгу или долго-долго что-то писала в толстой тетрадке. Она будто отдельную жизнь в ней проживала.

«Ах, как же здесь хорошо!» – единственная фраза, которая слетала с ее губ в этом тихом месте.

Шли годы.

Теперь ее сюда привозила машина.

За рулём сидел ее муж, на заднем сиденье – малышка, ее дочь. Муж сдержанно улыбался, а девочка лепетала:

«Мама любит писать на кадбисе!»

Она целовала ее в макушку через открытое окно и уходила на любимое местечко. Она чувствовала – ее там ждали. Впереди несколько часов умиротворения, покоя и счастья.

Прошли десятилетия.

Теперь на ее любимом местечке разлилось небольшое озеро.

«Я буду счастлива здесь поживать!» – шептала она, уже будучи старушкой, и подолгу глядела на воду.

Теперь сюда приходят ее взрослые дети. Она же покоится около озера.

Через много лет ее внуки приносят цветы прекрасной плакучей иве, что выросла возле ее могилы.

Ее кудрявые веточки нежатся в чистой водице озера.

Здесь царит покой.

Плюшевый Габи

Жил-был на свете маленький чертеночек-уголек по имени Габриэль. Для друзей Габи.

Жил Габи в печке. Весной и летом Габи и его сороди-чи сладко спали, а чуть наступали первые холода, черята-угольки просыпались.

Они жили в самой глубине печки, куда не доставала кочерга. Местные называли ее чертедробилкой. Каждую ночь проходили похороны чертей-угольков – кочерга выгребала их прах, но утром во время растопки рождались новые демонята, поэтому чертиное царство угроза вымирания не пугала.

Жители могли спокойно менять место жительства, если печка им надоедала. Можно было осторожно выползти через поддувало и пробраться, например, в дровяник, найти уютное брёвнышко и впасть в спячку, ведь без огня черята засыпали. А потом вместе с этим брёвнышком найти новое пристанище. Но если несчастный попадет в лапы кочерги-убийцы, живым ему из печки не выбраться. Кочерга бьёт по углям и лишает способности гореть, жизненные искры из чертенка выбивает!

Габи был хитренький и пронюхал, как можно уберечь себя от безжалостной кочерги: он успевал погреться и побеситься в огне, пока горели дрова. А больше всего ему нравилось,

когда открывали поддувало, и под порывом ветра искры на горящих дровах вспыхивали как фейерверк! Адское зрелище!

Габи не один год удавалось удирать от кочерги-убийцы, и до сих пор его смекалистость спасала ему жизнь. Когда ему надоедало играть с огнём, он подслушивал разговоры людей снаружи. Правда, иногда треск дров мешал. А больше всего ему нравилось купаться в остывшей золе, пока кочерга-убийца не забирала ее. Габи в эти моменты улетал в иные миры, он словно смотрел мультфильм о прежней жизни тех, кто погребён в золе. Он слышал шелест ветвей и видел густые зелёные леса из пушистых елей или стройных берёзок. Он видел чудесные истории, волшебные сказки, и даже иногда сводки новостей!

Так на протяжении многих лет Габи купался в золе и многое повидал! Печка была настоящим порталом в иные миры! В этом темном горячем месте можно было отправиться в настоящее путешествие!

Габи походил на крохотного человечка (как и все чертята) – крепкого и коренастого – с чёрными-черными волосами на самой макушке, но выбритыми у висков. Габи очень нравилась такая прическа. Голос у него был низкий и немного хриплый. Зелено-карие глаза походили на орешки-миндалинки. Ногти Габи были всегда в золе – черные – небрежное напоминание о темной стороне души.

Будь Габи человеком его бы сравнивали с греческим бо-

гом – Марсом или Аполлоном. Нос у него был прямой, а губы четко очерченные и такие красивые, что Габи мечтал, как однажды какая-нибудь очаровательная чертиха захотела бы прикоснуться к ним. Габи был убежден, если это случится – угольки в ее и в его сердце горели бы даже в самую летнюю жару!

И тогда он узнает, что такое любовь...

Сколько историй узнал он про эту таинственную и непонятную любовь, но так и не понял, что же она такое?! Но непонимание не мешало ему мечтать о любви, сидя на горячих кирпичках внутри печки.

Он никому не рассказывал о своих тайных желаниях – засмеют. Где это видано, чтобы демон о любви человеческой мечтал?!

Габи изо всех сил притворялся злым демоном, нарочито шутил про ад и чудовищные пытки. У него хорошо получалось, ведь он был очень харизматичный и умел красочно изъясняться. Но ему не верили, потому что глаза светились не адским пламенем, а добротой хоть он и родился чертом. Соседи это быстро поняли и называли его Плюшевым Габи – вроде бы демон, но мягонький...

... В самой глубине печки, в щелях между кирпичками жили черти-старцы. Много они повидали в горящем пламени, поэтому и мнили себя настоящими мудрецами и темными философами. Был среди них самый болтливый – Игор.

Однажды Габи окончательно устал корчить из себя хозяина ада и решил обратиться к темному мудрецу. Габи знал, что тот не станет над ним потешаться или позорить. Пробрался он в самый конец печки и еле протиснулся в кирпичную щель – чуть не задохнулся, пока полз через нее! И вот дышать стало легче: он очутился в небольшой круглой пещерке. Весь пол был усыпан сухими костями. Габи сделал шаг и почувствовал, как они звонко хрустнули под ногами, словно попкорн! Видимо, от жары так высохли!

Посередине лежал рогатый коровий череп. На его рогах висели украшения – позвонки и бусы из чьих-то зубов. А на самом черепе сладко спал Игор.

Габи стал нервничать: как бы повежливее разбудить мудреца? Он помялся несколько минут, потом вдруг разозлился и рыкнул: демон он или нет, в конце концов! Игор громко икнул и скатился с черепа.

– Черти мои адские, я чуть было в раю не испил пригоршню святой воды! Ужас какой! – бормотал он спросонья.

Игор протер глаза и поглядел на гостя.

– А это ты, Плюшевый, порази тебя чума! – он улыбнулся и пошёл обниматься к гостю.

– И вам того же, учитель! – нежно приветствовал Габи. – И пусть все адские псы служат вам!

– Спасибо, чертёнок, спасибо! Ну, зачем пожаловал? Да ты садись, располагайся!

Игор показал на небольшую треугольную лодочку – высу-

шенную человеческую лопатку. Габи улёгся в ней и с грустью поглядел в кирпичный потолок.

– Ну, уголочек мой, с чем пожаловал? – ласково повторил Игор.

– Знаете, учитель, я, кажется, устал притворяться...

– Притворяться? А кем? Неужели ты не Плюшевый Габи?

– В том-то и дело! – с грустью вздохнул Габи. – Кто я?! Плюшевый Габи! Я так стараюсь, чтобы не быть им, но у меня скверно получается...

Старый черт покачал кудлатой головой:

– Чего же ты хочешь, Габи?

– Да вот, я в последнее время и задумываюсь над этим вопросом, учитель! И устал уже сам себе врать, что не хочу быть хозяином ада! Не хочу! – звонкий крик Габи разнёсся по всей пещерке. – Стыдно признаться, учитель. Боюсь, станете меня стыдить и вовсе из чертей вычеркнете!

– Ну, говори уже, уголёк, и проверим, оправданы твои страхи, иль напрасны.

– Любви я хочу, учитель! – выпалил Габи и зажмурился от ужаса.

– Вполне себе чертиное желание!

– Неужели?!

– Ну да! А что ты знаешь о любви, Габи?

– Ну, повидал я много, пока купался в золе...

– Да, но это чужие истории любви, а ведь, сколько чертей или людей, столько и любовей!

– Как так?! – встrepенулся Габи. – Неужели нет единого образца?

– Образец есть, но как можно по нему любовь сверять, если все мы такие разные?! Одному подойдёт образец, а другой все сделает по нему и несчастным останется на всю жизнь, потому что не подошёл ему образец.

– Ничего не понимаю! – расстроился Габи.

Старый черт расположился поудобнее и начал рассказывать:

– Есть одна история... Расскажу тебе, может ты и поймёшь меня...

Давным-давно, когда на земле повсюду был ад, ревели вулканы, да разливалась лава, правил ночным небом царь грома и молнии. Все звёзды и боги подчинялись ему. Жила в то время на небе прелестная богиня-певунья. Дивный голос её звучал по всему небосводу, а облака расплывались в разные стороны, когда кружилась она в нежном танце. Царь чем дольше наблюдал за красавицей-певуньей, тем рассеяней становился, а потом и вовсе стал отвлекаться от привычных небесных дел. Звёзды зачахли, и стало как-то совсем темно на ночном небе. Царь уже было подумал, что захворал, а потом вдруг признался себе, что влюбился в проклятую певунью! Чувство это утомляло его, он как будто захворал, презирал себя и стыдился за безволие и слабость души: как это – царь вздумал влюбиться!? Он ощущал себя уязвленным! Долго он боролся с собой, но все же сдался и решил

признаться в чувствах певунье и сделать её своей царицею. Вместе они властвовали бы ночным небом. Он – суровый повелитель, она – прекрасная муза. Царь уже все решил, но беда несказанная свершилась: певунья отвергла его пламенную привязанность!

– Что же с царем случилось?! – вскрикнул, не сдержавшись Габи.

– Это был удар, ведь прежде никто не смел отказывать ему. Поэтому любовь его тут же в ненависть обернулась. Чуть было не изгнал он певунью с небес на землю! Та рыдала и пела о том, как страдает. Умоляла несчастная бездушного царя не изгонять ее на адскую землю, но тот возгордился пуще прежнего, взревел грозой и громом. Такой гул разносился, что звёзды тотчас за облака попрятались! Но царь не успокоился. Начал молнии метать, и одна из них ударила в прекрасную певунью... Замерла она навеки. И лик ее прекрасный отныне и по сей день живёт на ночном небе. Иногда она исчезает, иногда видно только ее краешек, а бывает, всем лицом своим печально глядит она куда-то вверх... И что-то поёт грустное... Она – как оперная певица, что взяла минорную ноту и застыла, так и не спев ее...

– Что же царь? – замороженный рассказом, немного погодя спросил Габи.

– А что царь? Пожалел, да поздно было... Плакал, рыдал, а толку. Мечта его сбылась: певунья отныне в его власти, да только вот застыла – считай – умерла! Так вот к чему это я

все веду! Скажи мне, Габи, любил ли царь певунью?

– Да, – не задумываясь, промолвил он.

– Я тоже так считаю. Но кто-то другой скажет, что он самовлюблённый болван и никогда не любил ее! И тоже будет прав! Поэтому, Габи, что для одного любовь, для другого пытка. Но я убежден, что царь по-другому и не мог любить! Его любовь такая – эгоистичная, властная, царская, одним словом. А вот, что ты подразумеваешь под словом любовь?

– Я пока воздержусь, учитель! – смутился Габи.

– Ну, хорошо, Плюшевый, раз так, я тебе ещё кое-что расскажу... Вот только не хотелось, чтобы мои слова прозвучали властно или назидательно, ведь ты хозяин своей жизни... Ну да, черт с ним, как получится! Прими свою плюшевость, Габи, и будешь счастлив! Может и так случиться, что какая-нибудь чертиха и влюбится в твою плюшевость! Понимаешь?!

– Кажется, да...

– Пока не примешь свою светлую сторону, ты и полюбить по-настоящему не сможешь! Так и будешь искать образцы.

– Ох, Игор, как мне не хочется!

– Понимаю, уголёк, понимаю... И на самом деле, даже немного завидую тебе!

– Что?! – Габи подскочил на лопатке-софе. – Мне? Завидуете?!

– Угу, – улыбнулся Игор. – Ты ведь такой необычный, что тебе даже имя придумали! Я бы гордился!

– Ох, спасибо, учитель! Мне приятно это слышать!

Не успел он договорить, как из кирпичной щели послышался ворчливый голос:

– Фу, меня сейчас просто разорвет на угли от ваших розовых соплей!

Игор и Габи замерли. Через мгновение из щели вылез маленький пузатый чертёнок.

– А это ты, Люся! – подмигнул Игор.

– Люцифер! – яро возмутился чертёнок.

– Как пожелаешь! Зачем пожаловал?

– Разбудили вы меня, – заворчал Люся.

Он уселся по-турецки в самом углу пещерки и злобно уставился на Игора и Габи. На его маленьких рожках лежала нижняя челюсть какого-то зверька. Словно тиара она украшала голову Люси, но наверняка, служила не для красоты, а как предупреждение о том, что перед смотрящими настоящий король ужаса!

Габи едва сдерживался от смеха: Люцифер и в самом деле Люся! Очаровательный, немного грубый, и такой потешный! Но вдруг неприятное и грустное чувство кольнуло в животе: Люся тоже себя выдаёт не за того, кто он есть!

– Итак, о чем беседа? – поинтересовался Люцифер.

– О любви!

Люцифер продемонстрировал рвотные позывы, и, казалось, даже позеленел!

– Поэтому я и проснулся! Такой кошмар! Хуже только

рай!

– Тогда не мешай нам с Плюшевым Габи предаваться греховным мечтам о светлом! – нахмурился Игор.

– Да, пожалуйста!

– И сиди тихо! Это моя пещера!

Люся покраснел от злости, но промолчал.

– Ну, что, Габи, о чем тебе рассказать? – благодушно спросил Игор.

– А поведайте... о женщинах! Что вы знаете о них?

– Эх, уголёк мой, сколько я их повидал за всю свою чертиную жизнь: и больших и маленьких, и черноволосых, и рыжих и даже лысых, и всех этих красавиц я мог бы разделить на три царства.

– Ого! Тысяча дам, и всего три царства?!

– Да, так и есть!

– И что это за царства такие?

– Курочка, ведьмочка и...

Люся взвизгнул возмущённо:

– Отец наш тёмный, забери меня в свой адский котёл, я буду лучшим душегубом, только избавь от этих райских изменников! – он театрально припал к сухим костям на полу.

– Поясни же скорее, мудрый Игор! – нетерпеливо заерзал Габи, игнорируя Люсю.

– Начну, пожалуй, с курочки. Больше половины века назад была у нас хозяйкой милейшая женщина. Бывало, заглядывала она в печку, когда дрова подкидывала или растапли-

вала, я так любовался ею, так любовался, что адская сущность моя таяла под ее нежным взглядом. Диковинное что-то происходило со мной в эти моменты, я чувствовал безопасность и спокойствие. Но уже тогда эти переживания не пугали меня, я не боялся растратить адскую сущность, а просто наблюдал за своими ощущениями. Я слышал ее тихий голос, такой успокаивающий даже гипнотизирующий, что бывало действовал на меня как колыбельная. Мне хотелось обниматься с ней, да и весь ее образ представлялся мне таким тёплым и мягким. Она вся словно мамочкина грудь, к которой хотелось прижаться и раствориться. Я ощущал доселе неизведанные человеческие чувства – любовь, нежность и негу. Фантазии были настолько яркими, что я чуял запах сладкого теплого молока и меда. Я даже представлял ее склонившуюся над младенцем, ее волосы распущены, и ребенок смотрит на нее. Это могло длиться вечно, в этом соприкосновении взглядов хотелось раствориться. Я видел, как младенец дергает ручками и ножками, и я так ярко представлял это, даже самому хотелось быть этим младенцем.

– Ещё поагукай! – проворчал Люся.

– И весь ее облик у меня ассоциировался с теплой пушистой курочкой с широкими крыльями, под которыми хватит места для всех птенцов. Я видел много женщин после нее: некоторые представлялись мне крупными морскими животными – касаткой или китом, а я словно маленькая крохотная рыбка примостился к ней – и так спокойно, тепло, безопас-

но, как в домике, – но все же все они – курочки-наседки – теплые, нежные и заботливые.

– А что же ведьмочки? – Габи слушал, открыв рот. – И разве могут быть среди наших чертих курочки? Они ведь по определению ко второму царству принадлежат.

– Бывают, и ещё как!

Люся снова подал голос:

– Да, просто ведьмочка в аду жарит грешников хладнокровно, а курочка периодически масла подливает, чтобы не подгорали!

Габи содрогнулся от его совсем уж жутких сравнений.

– Ну, Люся, ну, маньячело! Говоришь, с ведьмочками куда веселее? – тон у Игоря сменился, в глазах вспыхнул огонь, и Габи увидел перед собой настоящего демона. – Пожалуй, про них лучше расскажет наш незванный гость! Да, Люся? Я хотел сказать, Люцифер!

Люся нервно хохотнул.

– Почему это я?! – проворчал он.

– Боюсь, тебя вырвет от моих уж слишком нежных описаний! К тому же я чувую, что ты про это царство женщин знаешь поболее меня!

Люся прямо-таки возгордился и даже задрал подбородок выше:

– Еще бы! – самовлюблённо молвил он. – Слушай внимательно, Плюшевый, сейчас я тебе расскажу о настоящих женщинах!

Габи с лёгким недоверием, но острым любопытством исподлобья поглядел на Люсю. О чем же поведает антагонист Игоря? Габи признался себе, что Люся его раздражает своим нарочито грозным поведением. И младенец-уголеньш поймет, что Люся обычный рядовой чертенок, а не кровожадный демон, но зачем-то строил из себя отца тьмы! Габи вдруг вздрогнул и прикусил губу. Солоноватый привкус крови ущипнул кончик языка: он сам такой же! И увидел в грозном Люсе свое отражение! Поэтому Люцифер так взбесил его! Не принимаешь себя истинного глубоко внутри, найдешь такого же снаружи и будешь ненавидеть! Хорошо, что Габи прямо сейчас понял, что дело в нем, а не в Люсе! Так ведь можно весь мир возненавидеть, не понимая, что сам отвергнул его изначально!

– Ведьмочка – идеал женщины! – болтал Люцифер.

Габи встрепенулся, и стал слушать.

– Повидал я в свое время и курочек противных, – Люся поморщился, – но это, скорее, мамки-наседки, а не женщины! С такими скукота райская! Взвять охота от тоски, только агукать и остаётся, да в сиську уткнуться и ещё обмочиться для полного счастья!

– Друг мой, ты слишком утрируешь! – улыбнулся Игор.

– А ты, Игореша, не перебивай, пожалуйста!

– Молчу, брат мой темный!

– Курочки только мамками быть и могут! И любить ее можно только как мамку! Никакой дьявольщины! Может,

кому такое и подходит, но уж точно не детям ада! Ах, и помню я одну ведьмочку... Красивая чертовка была, а в груди ее горели угли: сумасшедшая, веселая, подвижная. Казалось, она, как родилась на адской сковороде, так и осталась на ней – плясать и танцевать. Она жила. Она горела. Я глядел на нее, слушал ее бесконечную болтовню, а в голове летали картинки: мне хотелось вместе с ней укокошить кого-нибудь, а потом мы бы долго спорили, как избавляться от трупа. Может, кисель из него сварили бы или холодец, а потом в унитаз спустили... потом, может, мы бы разругались, но ненадолго. Потом мы бы решили дожидаться ночи, чтоб тащить труп на кладбище. Там мы бы опять спорили, кто будет копать яму, в итоге решили копать по очереди. И обязательно под классическую музыку – орган Баха или фортепиано Бетховена, или тоскливую скрипку Паганини... И мы бы говорили, говорили, говорили... О великом искусстве, о классической литературе, я бы читал наизусть ей стихи...

Габи глядел на Люсю и раскрыл рот от удивления: оказывается, и этот ворчун умеет чувствовать! Вон как изъясняется! Только ему сорвиголову подавай. Удивительно, как преобразила его такая странная и сумасшедшая любовь.

– Мы с ней были бы непревзойденными маньячелами, талантливыми и одаренными, и совершали бы идеальные преступления, что никогда, ни один Шерлок не вычислил бы нас! А когда мы вернемся в ад, будем самыми главными демонами! Представьте только: огромная сковорода, на ней го-

ра людишек, и мы бы помешивали их периодически, чтобы не подгорали, и, конечно бы говорили, говорили, говорили... и музыка Баха повсюду, а мы все философствуем и рассуждаем о бытие...

– Под шкварчание грешников... – буркнул Игор.

Габи сдержанно хохотнул и умилительно поглядел на Люсю. Как всё-таки странно и очень интересно выражают нежные чувства злодеи и циники!

– Все это хотелось бы мне делать вместе с ней! – мечтательно произнес Люцифер.

– Какое счастье, что это невозможно! – пробубнил Игор.

– Эти фантазии очень отдают грустью и одиночеством... – не слушая, продолжал Люцифер. – И острой тоской слезливой, потому что у меня нет такой ведьмочки...

– Так в чем проблема, друг мой?! – оживился Игор. – Найти – не беда! У нас здесь и не такие сумасшедшие водятся! – совершенно искренне и сочувствующе уверял он.

– Я очень боюсь, если встречу такую, я буду так сильно ее любить, но вдруг она уйдет, исчезнет или сдохнет, в конце концов!? Что будет со мной?! Так долго ждать ее, обрести и потерять... Я не переживу этого. Поэтому пусть она живёт в моей голове...

Габи глядел на Люсю и плакал. Игор молчал и с грустью, но и с восхищением смотрел на Люцифера: открылся-таки! Но тут Люся будто очнулся от зимней спячки, встрепенулся и поучительно выдал:

– Ты же демон Габи! Где твоя жестокость! На девчонке нельзя жениться, если ты с ней не прибил людишку и полночи не поспорил что делать с трупом! Отсюда и показатель любви дьявольской – женись на той, с которой хочется это все делать! Вот мой вердикт! Ведьмочка – лучшая женщина!

– Да, вот только с ней быстрее в ад отправишься! С ней же невыносимо! Можно повеселиться, конечно, но жить? Хотя для чертей это забава и обычное дело, но, будь мы людьми, лучше уж нежную и спокойную курочку! Габи, выбирай курочку! – спорил Игор.

– Фу! Звучит противно! Ты ещё ему предложи курицу подпалить и переспать с ней! Вон здесь наверняка найдется костяшка какой-нибудь пузатенькой хохлатки! Я на нее дыкну, и будет тебе, Плюшевый, любовь всей жизни!

– Вот чертина, только о похоти и думаешь! Нет в тебе ни капли морали, только плотские утехы на уме!

– Завидуй молча, Игореша!

– Не слушай его, Габи! Повторюсь, женщины разные бывают – курочки и ведьмочки. Так вот, я убежден, надо, чтобы в твоей избраннице и та и другая были! Понимаешь?! Это и есть третье царство, только я пока название не придумал! Хотя опять же, кому надо?! Если тебе хорошо с курочкой, живи на здоровье! А если хочется сходить с ума с ведьмочкой, я благословляю тебя! Главное, с кем тебе хорошо! Соглашусь с Люсей, с курочкой бывает приторно и скучно до тошноты, а с ведьмочкой выдохнешься быстро и раньше вре-

мени в ад отправишься грешников на сковороде жарить! Но если все, что мы описали – одна женщина – тебе повезло!

– Разве может в одной женщине столько уместиться? – опешил Габи.

– Габи там и не столько уместится! – усмехнулся Люцифер. – За всю жизнь не узнаешь! Кажется, что все об ней пронюхал за тридцать лет, ан нет, ещё чего-нибудь сотворит чудесатое!

Как говорится, захочешь чего-нибудь, вселенная даст, только правильно попроси. Так и случилось с Плюшевым Габи. Через пару деньков после его беседы с чертями, умудренными опытом, в печке появилась новенькая. Никто и не понял сначала, что явилась гостя на постоянное место жительства, ведь она упала вместе с поленцем, что бросили в горящую печку! Оказывается, внутри деревяшки была дырочка, из которой и вылезла новенькая! До этого она жила в камине. Чертихе приелся камин и она сбежала. Долго плутала, пока не попала к дровосеку, залезла в дровяник и уютно примостилась в полене. В дровянике было очень холодно, и путешественница уснула крепким сном. Ведь если долго нет огня, чертята засыпают. Полено кочевало, кочевало и очутилось, наконец, в горящем пламени.

Тут чертиха и проснулась от долгого сна!

Черти-угольки замерли.

Прямо из пламени, эффектно и торжественно, словно

главная демоница ада, выходила прехорошенькая девчушка. Только тропинки из костей грешников не хватало и забора из черепов.

Волосы у чертихи были длинные, черные на макушке, они постепенно светлели до каштанового, а на концах отливал яркой бронзой. Глаза у нее были огромные, слегка вытянутые, как у кошки, они с любопытством разглядывали новое пристанище. Все местные черти мигом окружили красавицу и стали наперебой знакомиться.

Только Плюшевый Габи стоял поодаль и с любопытством и небольшой завистью лицезрел жаркую сцену. Габи в своем воображении дошел до того, как они уже целуются в адском пламени, и так разозлился на собственные фантазии, что громко рыкнул и стукнул кулаком по кирпичной стене и уткнулся в нее лбом.

– Странно ты меня приветствуешь! – услышал он девичий голосок.

Габи медленно повернулся. Рядом стояла новенькая и приветливо улыбалась. Он оглянулся и заметил, что все занялись привычными делами, будто и не было пару минут назад торжественного вторжения очаровательной гостьи.

«Ничего себе у нее самооценка! Чересчур тщеславна, все как у чертей!» – одобрительно подумал Габи, а вслух произнёс:

- К тебе толпа братьев ломанулась, я решил подождать.
- А ты мне сразу понравился, вот я и решила первая по-

дойти! – смело, но не без смущения призналась она.

Габи почувствовал, как его спина выравнивается, речь звучит увереннее.

– Очень приятно! – улыбнулся он. – Так, кто ты у нас такая?

– Я не знаю, кто я, – пожала она плечами.

– Наверняка, чертиха-уголек? – подсказал Габи.

– Скорее всего, раз уж я здесь!

– А имя есть у чертихи-уголька? – игриво спросил Габи.

– Роберта! – представилась она, – можешь звать меня Бобби!

– Габриэль! Ты можешь звать меня Габи!

– Рада знакомству, Габи! – улыбнулась Бобби.

Она стояла не очень близко к Габи, но он заметил, что она пристально разглядывала его и, кажется, даже принюхивалась. На миг ему показалось, что новая знакомая проявляет к нему очень странный интерес, граничащий с помешательством. Габи обомлел: какие чудесные мысли летали в голове!

– А какие твои любимые чертиные забавы? – Габи решил ненавязчиво узнать о Бобби самые обычные вещи, что знают друг о друге все чертята: кем хочет стать в аду, собирает ли какие интересные костяшки или черепа...

Бобби тут же оживилась, в глазах вспыхнули огоньки:

– Помню, меня бесил один уголёк, а я так долго терпела, но однажды не выдержала и свернула ему шею, – она выразительно прищелкнула пальцами, – как птичке. Почувство-

вала, как его позвонки рассыпались в ладонях, – ее черты лица заострились, глаза налились алым цветом, а волосах – черно-красном покрывале – заплясал ветер.

Она так страстно и живо рассказывала о своих демонических шалостях, что Габи в тот же миг безнадежно втюрился в нее!

– А что же дальше? – спросил он, не отрываясь от ее глаз.

– А дальше, будь я человеком, развеяла бы по всему небу прах этого гада, чтобы следа на земле от этой твари не осталось! Хотя такие гады не улетают на небо, их пепел падает на землю, а потом на ней ничего не растет! Вседохнет, сколько ни удобряй, ибо мёртвая эта земля отныне. Но я жила тогда в камине, поэтому просто вышвырнула наружу его прах и испачкала хозяйский ковёр! Ха-ха-ха!

Она замолчала и задумалась.

«А я притворяюсь адским сорванцом, но на самом деле слушаю Шопена...» – подумал Габи.

– На самом деле, я только один раз прибила себе подобного, обычно я их ем.

– Как?! – встрепенулся Габи. – Ты ведь не каннибалка?!

Габи совсем поник. Влюбиться в маленькое исчадие ада! В его печке таких никогда не было! Хотя Люся его похвалил бы за такой выбор и даже позавидовал...

– Ты когда-нибудь любил, Габи? – спросила Бобби тихо-тихо.

– Да. Нет. Да... Не знаю! – Габи закрыл ладонями рот и

весь сжался, опустив голову.

– Понятно... Ну, ты знаешь, как чертям суждено любить?

– Да, разговаривал с нашим местным мудрецом, он мне поведал, что у каждого своя любовь, – Габи выпрямился и с любопытством и грустью взглянул на подружку, – а какая твоя?

– Ты слышал историю о безответной любви бога грома и молнии к прекрасной певунье?

– Да! Почему ты спрашиваешь?

– Я почти так же люблю! Только мне взаимностью отвечают.

– Ещё бы! Ты такая красивая! – не думая пролепетал Габи и покраснел.

– Спасибо! – она печально опустила глаза.

– И где же ты прячешь своих несчастных влюбленных?

– Есть у меня заветный мешочек с черными камешками – сердцами моих жертв!

– Ого! Ты их и в самом деле ешь?

– Ну да, – она пожала плечами, – но это не совсем буквально... Я не поджариваю их в углях и не глотаю! – она расхохоталась.

– Это радует! – с облегчением выдохнул Габи. – Что же с ними происходит?

– Они будто потихоньку исчезают рядом со мной. Растворяются, оставляя свое крохотное чёрное сердечко-камешек.

– Ого! И ты так всех э-э-э ешь?!

– Нет, конечно! Только тех, кто мне нравится!

– А какие тебе нравятся? – с волнением спросил Габи.

– Мне нравятся тёплые и тонкокожие... – она вдруг всмотрелась в глаза Габи и, остановив взгляд на его губах, замолчала.

– Тонкокожие? – тихо-тихо с тревогой спросил Габи.

– Да, – она вновь ожила, – они отличаются внешней взбалмошностью и нарочито странным поведением, но я вижу, что это от внутренней ранимости и робости. Им сложно живётся в нашем чертином мире, и поэтому они надевают на себя маску. Вот такие мне нравятся. Они нежные и ласковые, как дети.

Габи молчал. Восторгом налилось его сердце, ведь она описала его самого, но присоединиться к другим черным камешкам он не желал.

– А почему ты называешь это любовью? – спросил он. – Может, это просто э-э-э здоровый аппетит?!

– Потому что я так чувствую! Если я не хочу сожрать чертенка, значит, я его не люблю!

– Но, погоди, если ты его сожрешь, любить-то некого будет!

– Так в этом и заключается моя любовь!

– Сожрать с потрохами?! – нервно икнул Габи.

– Да, именно так. Я по-другому не умею. Если на хорошенького чертенка у меня поднимается аппетит, я вокруг себя ничего не вижу! Только он один впереди! Я хочу разгля-

дывать его, следить за ним, глядеть, как он ест, спит, жарит грешников, в конце концов! А когда я приближаюсь к нему, мне хочется касаться его лица, скул, щек. Проводить пальцами по губам, примкнуть своей щекою к его носу и нюхать, как пахнет его кожа. Трогать его шею, плечи и руки, говорить какой он красивый!

Она закрыла глаза и чуть не со слезами на глазах и растущим вожделением описывала свои переживания. Габи любовался ею и подумал, что из нее вышла бы талантливая актриса.

– А потом сожрать?!

– Да! – воскликнула Бобби. – Образно говоря, поместить к себе в животик, поглотить, переварить и оставить в своей коллекции! Мое! Мое! Только мое! Вот как я люблю!

– И тебе его не жалко?!

– Жалко?! С чего это?! Да он счастлив должен быть, что удостоился такой чести!

– Быть сожранным?!

– И попасть в мою коллекцию! Неужели ты не понимаешь?! Это значит, что я его люблю, люблю, люблю! И никому не отдам! Пусть они пострадают немного, но я ведь так нежна с ними! Они словно мои музейные образцы! Я их обожаю, холю и лелею! И вообще я на чертях смотрю как на картины, на произведения искусства!

– ... как на живые куски мяса! – хмуро добавил Габи.

– Да! Но это грубо звучит! Мне все же важно любить кра-

сивого, чтобы хотелось его трогать! Честно говоря, я такого не испытывала никогда...

Она вдруг покраснелась и посмотрела в пол, пряча лицо. Габи увидел перед собой, скорее скромного ангелочка, но не кровожадную чертиху.

– В смысле?! – опешил он, – а все, что ты сейчас рассказывала, ложь?!

– Мои фантазии, – тихо-тихо призналась Бобби.

– Ничего не понимаю! А кто же в твоём мешочке?!

– Я так красочно рассказывала, лишь потому что сильно мечтаю об этом... – она виновато подняла глаза. – Тех, что в мешочке я, наверное, все же не любила. Только сейчас это осмыслила... – она пристально глядела на Габи: что это было для тебя.

Бобби замолчала. Речь зашла о сокровенном, и она опять опустила голову, лишь бы не глядеть на Габи.

– Мне нравилось, как они меня любят и теряют себя ради меня. Я любовалась собой рядом с ними. А потом, когда насыщалась, живо избавлялась, забирая их сердца... Под конец я даже чувствовала к ним отвращение, хотелось поскорее избавиться, что я и делала...

«Жестоко даже для демонов!» – подумал Габи.

– Получается, они изначально тебя выбирали, но не ты?

– Да...

– Обалдеть! Но зачем ты делала это?!

– Говорю же, нравилось издеваться, наверное... Но меня

это так мучило!

– Причинять страдания? – Габи совсем растерялся.

– Да нет, – Бобби поморщилась, – меня мучило, что я с теми, кого не люблю...

– Неужели не могла сказать?!

– Нет! Я думала, что привыкну, но этого не происходило, и мое отвращение к ним росло и росло, а я принимала его за вожеление! – выдала Бобби.

– И под конец ты ими полдничала... – перебил Габи. – Накопила столько негативных чувств, чтобы убить в конце.

– Да... Неужели это правда!? – воскликнула она. – Ты настоящий мудрец, Габи! Я бы не разобралась без тебя! Думаешь, я всё-таки умею любить по-настоящему?

– Конечно, умеешь, – он старался быть убедительным, – просто выбирай, кто тебе нравится, а не того, кто выбирает тебя. Ну, это вообще-то взаимно должно быть! Я имею в виду, не надо дружить с тем, кому ты приглянулась, если не чувствуешь того же! Они изначально тебе неприятны, а ты игнорируешь себя истинную, и продолжаешь с ними дружить, но неприязнь увеличивается, а потом, накапливается настолько, что ты готова их уничтожить...

– А я думала, что это страсть такая, но на самом деле это действительно ненависть!

Бобби села на корточки и схватилась за голову.

– Придумала себе какую-то дьявольскую игру...

Ещё и философию красивую подвела, мол, я настоящая

демоница и люблю как бес, но на самом деле просто не умею по-другому... Габи, – тихо позвала она, – про нарочито взбалмошных снаружи, но ранимых и робких внутри, это про меня на самом деле...

«И про меня...» – у Габи ёкнуло в груди.

– ... я, наверное, хочу найти родственную душу... поэтому и мечтаю о таком – снаружи взбалмошным – внутри ранимым...

– Удивительно, а ведь если не разобраться, можно действительно подумать, что ты испытываешь к своим экспонатам прямо-таки огнедышащую страсть и вожделение!

– Это не так, и меня это не устраивает! Я другого хочу! Другого, понимаешь?! Все жру и жру (именно жру, другое слово не подходит!), но наестся не могу, хоть и страдаю! Все как в тумане! Уже и не помню, сколько их там в моей коллекции!

– Скажи-ка... – задумчиво прищурился Габи. – Почему тебе стало скучно в камине?

Габи уже знал ответ, но хотел услышать его от Бобби.

– Сожрала всех хорошеньких, точнее всех, кто ко мне лип! – невинно пожалала она плечами.

– Понятно, – вздохнул Габи, – а почему ты при знакомстве не ответила на мой вопрос?

– Какой? – нахмурилась Бобби.

– Точнее, не так. Ты сказала, что не знаешь кто ты. Разве так бывает?

– Ах, это... – вздохнула она. – Я имею ввиду, что эта коллекция угольков-камешков больше не радует меня, а пугает. Я сбежала из камина, но на самом деле, от себя. А благодаря тебе, остановилась и поняла, что со мной! Но я ведь чертиха и должна мучить всех подряд! А теперь я словно на перепутье! Надоело так «любить», но по-другому не пробовала, а только мечтаю...

– Понятно...

– Ты извини, я тебя загрузила своими таракашками! Может, покажешь мне местные достопримечательности?

Проходили дни. Бобби узнала прозвище Габи, но они никогда это не обсуждали. А Габи за глаза называл Бобби «чертихой-ангелихой» ведь только он знал, что она выдает себя за другую.

Оба притворялись адскими бесами, коими на самом деле не являлись.

Но для окружения было очевидно, что Габи очередной вкусный уголёк для чертихи с чудесатыми наклонностями, и сплетни летали по всей печке, но ни Габи, ни Бобби не осмеливались об этом заговорить.

Все же Габи, как и прежде вел себя странно, хотя и принял свою плюшевость, но теперь, когда появилась Роберта, поведение его становилось совсем уж неприличным для чёрта. По несколько раз на дню он менял прическу: то плел косичку, то распускал свои иссиня-черные волосы. Переодевался

на завтрак, обед и ужин. И всем своим видом показывал, что он кровожадный и злоущий демон. Бобби же забавляло поведение нового друга, она подолгу задерживала на нем взгляды и, бывало, так долго смотрела в его глаза, что Габи чудилось, будто она увидела, как за вычурным и адским образом прячется его трепыхающееся и робкое сердечко-уголек...

... В глубине печки было небольшое отверстие – случайно вывалившийся во время топки кирпич – чертята закрыли его чьей-то высушенной грудной клеткой – импровизированным окошком.

Габи и Бобби любили усесться на ребра и, свесив ноги, наблюдать, как горели дрова. Отсюда был очень красивый вид! Габи нервно расчёсывал пальцами свои волосы, а Бобби хохотала над чертенком, который хвостиком собирал из пламени крохотные угольки и жонглировал ими.

– Тебе больше идут собранные волосы! – неожиданно сказала она, не отрывая глаз от чертенка-циркача.

Габи замер.

– Ты такой мужественный, когда у тебя открыто лицо и скулы! Такие красивые зелено-карие глаза, как у тебя, нельзя прятать!

Габи весь съежился, и сильнее вцепился руками в скользкие ребра. Надо сменить тему, и как можно быстрее!

Но тут совсем близко послышался шорох, и через мгновение, к ним кубарем скатился упитанный чертёнок.

– Люся?! – едва сдерживая смехок, опешил Габи, но

вдруг признался себе, что рад его внезапному появлению.

– Попрошу не называть меня так при даме! – важно молвил он, поправляя корону.

– Эх, Люс... – Габи запнулся, – Люцифер, Люцифер, ты когда-нибудь перестанешь паясничать?!

– Сдурел?! Как это я откажусь от того, что люблю?! Разве это возможно!? Роберта, вы бы, например, отказались от своего драгоценного мешочка?

Бобби устало заглянула в глаза Габи, и, не отрывая взгляда, ответила Люсе:

– Не могу и не хочу, – она театрально пожала плечами. – Я умру, если откажусь, как я могу отказаться от того, что люблю?

Она все глядела в глаза Габи, а он не понимал, о чем она говорила или о мешочке?! Она привычно притворялась жестокой, демонстрируя Люсе маску, или так витиевато признавалась Габи в чувствах?!

– Понимаешь, Люцифер, – говорила она, уставившись в глаза Габи, будто что-то ища в них, – я нахожу вторую себя в моих съеденных чертятах. Я не чувствую одиночества, я словно обретаю родственную душу! – Бобби замолчала и теперь только глядела на Габи со слезливой нежностью.

«Обрела? Прямо сейчас?» – мелькнула невысказанная мысль у Габи.

– А бывает, если чертёнок, зная, что ты его сожрешь, выбирает уйти? – спросил Люся.

Бобби задумалась.

– Да, было как-то...

– А ты не хочешь, ну, например, очаровать его, дабы он всё-таки отдал именно тебе своё сердце-уголек? – ехидно спросил Люся.

– Ещё чего! – встрепенулась она и дотронулась до руки Габи. – Если он изначально не очаровался, я никогда не стану выпрашивать любовь! Это унижение для меня! Корона только у меня! Ежели не так, интерес пропадает! Я чувствую страстное желание, чтобы по мне страдали, убивались, с ума сходили, душу в рай отправляли, и никогда не забывали, меня можно ненавидеть, но забыть – никогда! Я хочу оставлять след в душе, я хочу, чтобы обо мне помнили.

– А иначе?

– А иначе меня нет. Я мёртвая, будучи не в аду.

Бобби вдруг вся сжалась, обхватила себя руками, уставилась в одну точку и даже не моргала.

– Настоящая ведьмочка! – восхищённо молвил Люся.

– Бобби, ты живая, – осторожно Габи коснулся ее плеча.

– Да, живая, – встрепенулась она. Прикосновение Габи будто вернуло ее душу в тело, – спасибо! Как я устала от этого притворства... – прошептала она, – но концерт не закончен.

Бобби посмотрела на Люсю.

– А, знаешь, что самое прискорбное? – спросила она. – Я с самого начала говорю об этом...

– О своем... э-э-э чудесатом способе любить?

– Да. Я будто предупреждаю их...

– А Плюшевого уже предупредила? – перебил Люся.

Габи вздрогнул. Бобби опустила голову.

– Да, – упавшим голосом сказала она.

– И что же?

– ... но в конце, перед тем как отдать мне свое сердце-уголек, они меня в этом обвиняют! Представляешь?! – Бобби кокетливо и надменно фыркнула, вновь вживаясь в роль.

– Ха-ха-ха! Их можно понять... Но все по-честному! Вот она любовь чертенки-уголька! Повезло тебе, Плюшевый! Эх, где мои восемнадцать!

Какими чудесатыми были посиделки на рёбрах, пока не приперся Люся и не испортил волшебство! Зато Габи забыл, что такое распушенные волосы, но и совсем запутался: когда же Бобби была искренна?

Но со временем она стала отдаляться от Габи, или подолгу молчала, когда они гуляли или лазали по кирпичным щелям. Габи чувствовал ее отрешённость и холодность, и думал, что Бобби потеряла к нему интерес.

И аппетит (если он был).

Может, он что-то делал не так? Обидел или ляпнул что-нибудь глупое? Сомнения заполонили голову Габи, но Бобби, как и прежде, была равнодушна и даже надменна.

Однажды они лежали на горящих дровах, глядели в пото-

лок и болтали о всяком. Точнее Габи болтал, а Бобби привычно молчала и иногда тяжело вздыхала.

Габи устал говорить в пустоту, не выдержал, подвинулся к Бобби близко-близко и уткнулся носом в ее волосы. Он ожидал, что подружка треснет ему по носу или закрутит хвост в узел, ведь она была так безразлична к нему последние деньки! Но Бобби даже не пошевелилась.

«Пахнут сахарной ванилью!» – подумал он.

Для Габи с самого начала было понятно, что Бобби, скорее всего, женщина-ведьмочка, которой так обрадовался Люся, но сейчас, уткнувшись в ее волосы, Габи засомневался. Он почувствовал спокойствие и теплую радость. А, может, просто дрова сильнее разгорелись?!

Но в голове нарисовалась картинка: они с Бобби залезли к кратеру извергающегося вулкана, и ждали, когда покажется лава. Потом с бешеным восторгом ныряли в нее и скатывались к подножию! Так они бесились до изнеможения! А когда устали, свалились на землю и глядели в небо. Там бушевал фейерверк из горящих камней. Красота!

Теперь Габи чувствовал безмятежность и негу. А потом Бобби бы уснула, а Габи наблюдал, как красиво на нее падает вулканический пепел. И она бы крепко спала в этом черном пушистом снегу, а он защищал ее сон...

Но неожиданно, извергающийся вулкан потух, а застывшая лава больно сдавила грудь: настоящая Бобби повернулась к нему.

Габи зажмурился – сейчас подружка ему треснет по носу. Но Бобби неожиданно коснулась пальцами его щек. Подушечками она легонько дотрагивалась до кожи, и Габи почувствовал, как под ней вспыхнула кровь!

Бобби касалась его шеи и глядела на него влюблёнными глазами, будто в первый раз испытывала такое сильное чувство.

– Ты такой красивый!

Габи увидел, что она плакала. Бобби закрыла глаза и уткнулась в его щеку.

– Из тебя бы вышел вкусный глнтвейн, – шептала она, – краски пламенной осени: ярко-оранжевый, золотисто-коричневый, насыщенный ещё не тронутый поздним сентябрем зелёный, лучистый жёлтый... – бормотала она, прикасаясь подушечками пальцев до его губ. – Так бы и съела...

Она сильнее расплакалась.

– Ты навеваешь на пёструю осень, – повторяла она, – и она живая, словно в огне. Наверное, ты родился в сентябре? И ты живой Габи. Внутри твоего сердца горят угольки. – Она коснулась его груди. – И я тебя, кажется, люблю. А пахнешь ты сладостью, но с ноткой горечи, как булочка, в которую пересыпали корицу, бросили звёздочку гвоздики, и ещё... что-то ещё... – она уткнулась носом в уголки его губ и глубоко вдохнула, – да, это он – мускатный орех...

Прошло мгновение, и Бобби резко вскочила и убежала. Габи лежал на дровах и чувствовал на своих щеках ее сле-

ЗЫ...

– Поздравляю, Плюшевый, мечты сбываются! Только вот любовь ее долго не продлится, сожрет тебя и забудет!

Наступил следующий день. Габи решил отправиться к философам и поделиться своим горем, но вроде как счастливым.

– Ну, спасибо, Люся, утешил бедолагу, – с укором молвил Игор.

– А что?! Правда-матка!

– Класс! – засунул руки в бока Габи. – Если твоя любовь не хочет тебя сожрать, значит, она к тебе равнодушна! Проблема в том, что моя неравнодушна, но мне от этого не легче! Жизнь в печке меня к такому не готовила!

Габи так запутался в чертиных играх, что сам не понимал, любит ли его Бобби или привычно хочет сожрать, как других бедолаг?

– Сочувствую тебе, Плюшевый мой! – печально молвил Игор. – Но ведь, выходит, она тебя за плюшевость твою и полюбила!

– Да, так и есть... Но это словно и козырь для меня, и билет в ад...

– Не понял, поясни!

– Люся прав, – Габи исподлобья взглянул на товарища, – моя любовь – похороны, на которых смеются.

– И сказать мне нечего, дорогой мой... – Игор сочувству-

юще погладил Габи по плечу.

– А я круче определение придумал! – с азартом верещал Люся. – «Любовь – это когда она хочет тебя сожрать, а ты не против», или вот это: «любовь – это когда она сыплет на тебя панировочные сухари и точит когти, а ты безмерно счастлив, потому что она так любит».

– Ну хватит паясничать! – шикнул на него рассерженный Игор. – Не видишь, плохо ему?!

Люцифер замолчал.

– Любовь – это когда она касается пальцами моих губ, а я чувствую на своих скулах ее слезы...

Габи ушел.

– Сейчас заплачу! – театрально вздохнул Люся и смахнул несуществующую слезу.

У Габи голова шла кругом: любила ли его Бобби? Спросить у него духу не хватало, поэтому Габи все свои тревожные держал в себе. Правда, снаружи поведение его совсем испортилось. Он бесконечно заигрывал с Бобби, причем странными чудесатыми методами. Габи проявлял свою любовь издевками и кривляньями. Он злился, потому что любимая то игнорировала его, то обещала сварить глинтвейн!

От этой неразберихи Габи и вел себя отвратительно: дёргал Бобби за волосы, буквально проходу не давал и внезапно выскакивал прямо перед ее носом!

А однажды они стукнулись лбами и тут же отскочили друг

от друга, ударившись о кирпичные стены.

«Вот это объятия!» – орали черти.

От их «объятий» даже молния ударила в горячем воздухе!

«Вот она – настоящая любоффф!» – хохотали чертята.

Габи приподнялся и поглядел на Бобби. Не успел он и опомниться, как она подошла к нему, схватила за плечи и приперла к стенке. Ее волосы пылали, а глаза налились огнём.

– Плюшевый Габи, ты меня окончательно достал!

– Что я сделал?! – пропищал он. – Я не понимаю, ты же говорила, что я самый лучший в мире глнтвейн!

Фоном заржали черти.

– Нет! – рявкнула Бобби. – Ты из глнтвейна превратился в терпкое эфирное масло мациса! – отчеканила она. – Ты вытяжка взбалмошности и сумасбродства! У меня от тебя голова раскалывается и лишь горечь во рту! Тебя слишком много! Слишком!!! Мацис чертов!!! Оставь меня в покое!!!

Она изо всех сил треснула кулаком в стену в миллиметре от головы Габи. На его плечи посыпалась кирпичная пыль.

Бобби ушла, вернее улетела адским вихрем, а ошарашенный Габи медленно опустился по стенке.

Наступили тихие дни.

Габи и Бобби не общались друг с другом, а потом Габи и вовсе почти поселился у Игоря! На глаза Бобби он попадался редко-редко, хоть и скучал страшно.

Бобби же поначалу отдыхала от чертиных выходов Плюшевого, но потом стала тревожиться: друг исчез.

«Мацис чертов! Куда же он запропастился?!»

Бобби мучилась кошмарами.

После стычки Габи ей представлялся флаконом ядовитого эфирного масла мациса, и по мере исчезновения Габи, флакон в ее снах пустел и пустел.

И вот ей приснилось, как она держит в руках почти пустой флакон.

В нем осталась лишь капелюшечка, и Бобби желала в последний раз насладиться этой ядовитой каплей. Но Бобби уронила ее на пол. Флакон упал следом и разбился вдребезги.

Бобби, не моргая, глядела на осколки, в которых лежала самая ценная последняя капля Габи – частичка его души. Ее теперь ни за что не собрать.

Бобби проснулась в слезах.

– Габи ускользает от меня... – шептала она.

Габи вышел из покоев Игора и решил признаться Бобби в любви.

И будь, что будет! Дальше так продолжаться не может! Эта недосказанность, наверное, ещё хуже, чем тот момент, когда Габи решится отдать любимой свое сердечко-уголёк!

Габи уже сформулировал речь, пока искал Бобби, но все не мог её найти. Он уже стал беспокоиться. Куда же она по-

девалась?! Неужели сбежала?

Габи вышел к самому центру печки – дрова почти сгорели, очень скоро явится кочерга-убийца, чтобы лишить искр тех, кто не успел уйти на камни.

Неприятный холодок наполнил его сердце: Бобби где-то здесь!

И правда, она сидела на отдельном куске кирпича, что стоял в центре углей! Именно этот кусок и отвалился от кирпичной стены, где вместо него сейчас красуется окошко из рёбер! Хозяевам печки давно надо было бы его вытащить, но, видимо, ленились, и кирпич так и стоял посередине – каменная гора, кочующая в лаве-убийце.

Габи тотчас забрался на кирпич.

– Бобби, – испуганно позвал он, – что ты здесь делаешь?

– Ты?! – она вздрогнула и поднялась на ноги. – Ты зачем пришёл?

Она вытерла щеки и опустила голову.

«Плакала» – подумал Габи.

– Тебя отсюда забрать. Скоро чертедробилка явится.

– И пусть... – она отрешённо глядела куда-то вдаль. – Уходи, Габи, мне тяжело находится с тобой рядом.

– Почему? Я не нравлюсь тебе?

– Нравишься... поэтому уходи.

– Я не понимаю! – его голос стал громче, – я отдам тебе своё сердце-уголек, только не отвергай меня!

– Будь целостным, Габи! Оно мне не нужно! – заплакала

она. – Тогда ты исчезнешь!

– Я так устал от этих игр в кровожадных демонов, что, честно говоря, не понимаю, что происходит! Разве ты этого не хочешь? Забрать мое сердце?

– Нет! – она закрыла ладонями лицо и разрыдалась как пятилетняя малышка.

Тут вспыхнули догорающие угли, и одна искорка взлетела и ударила Бобби в лодыжку. Вряд ли ей было больно – будто пёрышком пощекотали – но она громко ойкнула, скорее от неожиданности, и горше разрыдалась. Габи тут же ощутил порыв обнять и пожалеть Бобби, но, испугавшись, что она всё-таки отвергнет его, ехидно сморозил:

– «Ой» говорят, когда больно! – он тут же прикусил язык и жутко разозлился на себя. Обычно подобные надменные шуточки он пускал на чертят, дабы показать, какой он зловредный, но Бобби он никогда такого не говорил.

Вернее, как это не говорил?!

А из-за чего она к стене его приперла, а его душа в ее воображении сгустилась до ядовитого эфирного масла?!

Габи опешил. Он никогда не хотел причинять ей боль. Но прямо сейчас признался себе, что злился на Бобби, ведь она водила его за нос! Как ее понимать?! Но философский внутренний монолог прервала теперь уже разозлившаяся Бобби:

– Да потому что мне больно, черт побери!

Она подошла к Габи и, казалось, была готова скинуть его в лапы чертедробилки, но тут же охмелела от его взгляда.

– Я вижу внутри тебя кусочек самой себя, и я не хочу расставаться с тобой! – тихо-тихо признавалась она не в силах оторвать от него глаз. – Ты как будто родной мне, мое отражение, и ни к одному из других угольков я не ощущала такого. Я лишь хотела их присвоить, а с тобой я хочу быть. Габи, я хочу, чтобы ты жил! Я хочу видеть тебя, слышать, чувствовать... и беречь! Я не хочу, чтобы тебе было больно, не хочу, чтобы ты страдал, я устала от этого! Любовь никак не связана с болью, благодаря тебе я узнала это. Я хочу... как будто слиться с тобой! Не есть тебя, а слиться, – повторяла она. – Я не хочу, чтобы ты исчезал, я желаю вечно обниматься с тобой! А когда надоест, шалить и пакостить местным чертятам, гулять везде, бегать, прыгать, словом, жить! И я мечтаю, чтобы ты мечтал о том же...

– А как же твои экспонаты?! – едва скрывая ликующую радость, спросил Габи.

– К чертям собачьим!

Габи подошёл к Бобби близко-близко и сказал:

– Я очень злился на тебя, поэтому и вел себя по-дурацки... Ты то подпускала к себе, то избегала... Я мечтаю о том же, что и ты. Я люблю тебя, Роберта.

Она, наконец, взглянула на него. Уголки ее губ поползли вверх, а глаза налились лучезарной радостью. Из них побежали нежные слёзы – свидетели счастья, а не горя. Бобби прижалась к его щеке и глубоко вдохнула.

– Я люблю тебя, Плюшевый Габи. Если бы мы были

людьми, я бы заботилась о тебе! Я бы гладила тебе рубашки!

«Курочка?! Разве?! А я бы устроил для тебя путешествие на небо к Оперной Певице!» – подумал Габи.

– ... а потом мы бы сходили на концерт симфонической музыки!

«Точно курочка...» – думал он.

– ... а потом, как побежали бы гулять по заброшкам до утра, и по пути напакостили кому-нибудь. Только по-доброму, мы ведь были бы людьми! Например, стащили бы уточку у местного фермера, поджарили бы ее на костре и сытно объелись!

«Ведьмочка?» – сомневался Габи.

– ... я желаю все это делать с тобой, и мечтаю прожить земную жизнь с тобой вместе!

«Неужели!? Я знаю, как называется третье царство – Бобби! Бобби!! Бобби!!!»

– Габи, мне надоело играть в чертей! Я жить хочу!

– Но здесь не те правила! Здесь нужно соответствовать! Давай сбежим?

– Да, давай!

– И я, кажется, знаю, как попасть в другую вселенную! – восторженно прокричал Габи.

– Как же?!

– План безумный, но поверь мне!

Тут раздался грохот – явилась кочерга-убийца. Габи схватил Бобби за руку, прижал к себе и упал вместе с ней в чер-

тедробилку...

Хозяин печи мешал угли и все ворчал – два уголька все никак не догорали! Он решил поместить их на совок и выбросить в сугроб. Снег погасит их жар.

Два уголька лежали в сугробе, но тепло их все не угасало. Что за чудесатые угли!

На снегу они все горели и горели, а с неба на них печально-одиноким взглядом Оперная Певица и привычно роняла слёзы на мраморные щёки...

Вскоре вокруг горящих угольков разлилось настоящее наводнение! Снег все таял от их жара, а вода текла и текла, пока не пропитала землю... И вылилась она дождем в царство тьмы прямо на макушку самого главного демоненка!

– Вот бесы-балбесы! – ворчал он. – Устроили тут потоп! Бумаги залили! Не нужны мне такие черти! На земле оставайтесь! Вот вам наказание! Ходить в мешке из костей целый век! А как помрете, я вас и поджарю хорошенько на адской сковороде!

Он зловеще расхохотался.

– Кхе-кхе, – рядом кашлянул хилый старенький чертёнок-секретарь.

Он сидел в отверстии поясничного позвонка – импровизированного стола – и разглядывал какие-то бумаги. У него была длиннющая тоненькая борода, конец которой он использовал как писчее перо, макал его в густую темно-бордо-

вую жидкость и что-то писал на пергаменте.

– Габриэль и Роберта... Эх, столько планов на них было... – бубнил он. – Ваше темнейшество, а ежели эти чертята наверх попадут, как жизнь отживут?! Минуют адскую сковороду!

– Ещё большее наказание! Ха-ха-ха! – взревел он. – Где это видано, чтобы бывшие черти наверх отправились!

– Как жизнь земную отживут, туда и попадут... – пробормотал чертёнок-секретарь. – Так что с ними, хозяин? Куда распределять-то? Какую печать ставить? Я-то думал, мы их предводителями в жаровню поставим! Особенно Роберта надежды подавала...

– Никаких жаровен! Никаких печатей! Раз вляпались в это омерзительное совсем нечертиное чувство, вот пусть и расплачиваются изгнанием на землю! Так и пиши: изгнаны на землю! А я подпись поставлю!

– Как скажете, ваше темнейшество!

Люся рыдал как младенец. Только он замолкал, дабы сделать передышку, Игор начинал рыдать ещё горше. И так они по очереди предавались горю – оплакивали Габи и Бобби. Тут по всей печке раздался голос, словно из рупора. Игор и Люся резко замолчали, прислушиваясь.

– Два изменника изгнаны на землю. Роберта и Габриэль...

Голос ещё что-то сказал, но Игор и Люся не слушали. Расхохотавшись, они крепко обняли друг друга. Дети спасены!

Много лет прошло с тех пор. Игор и Люся место жительства не меняли: не в их годах нестись стремглав навстречу приключениям.

Хозяином их был молодой человек, а вскоре он привел в дом свою возлюбленную.

Вместе им нравилось улечься на траве в саду и, обнявшись, глядеть на небо.

– Знаешь, мне пришла в голову забавная мысль! Посмотри на луну внимательно. Что ты видишь? – спросила она.

– Э-э-э... Женский лик?

– Серьёзно? Я тоже!

– Да. Она похожа...

– ... Э-э-э... Оперная...

– Певица! Ха-ха-ха!

– В самом деле! Глянь, она, словно взяла минорную ноту, но не успела ее спеть и застыла навеки! И невидимые слёзы катятся по мраморным ланитам... Забавно!

– Удивительно, я тоже об этом думал!

– Просто мы с тобой прилетели с одной чудесатой планеты!

– Согласен! Может, напишешь об этом?

– Обязательно!

Мать Несчастливых

Я лежала неподвижно. Передо мной висели часы, и я весь вечер не отрывала взгляд от секундной стрелки. Она двигалась синхронно с моим сердцебиением. Вот бы уже остановилась, и я умерла: утомила эта жестокая пытка...

Я ждала... Послышалось шуршание у двери: казалось, кто-то крался снаружи. Мимолётно в нос ударил запах мокрой земли, дождя, чайной розы и... смерти. Я закрыла глаза, окунулась в этот манящий аромат и четко ощутила, что кто-то умер. Так пахла моя мёртвая (вот уже лет пятнадцать) радость. Она представляла собой чайную розу, ее нежные бутоны ещё не сгнили, и источали лёгкий немного терпкий сладковатый аромат. Застарелый. Она похоронена глубоко под землёй, но она словно ещё живёт, словно надеется на спасение и ждёт, когда тяжёлые комья земли исчезнут, и вновь ее лепестки понежатся на солнце.

Но пока она томится под землёй, а та, что похоронила ее, спешит ко мне – моя названная мама.

И вот тонкие ароматы розы притупились, а от двери сильнее потянуло запахами сырой земли, дождя, скошенной травы и похорон. Последний усилился и почти затмил другие ароматы.

Слезы брызнули из глаз: я наконец-то дождалась ее. Мой тайный друг, моя смерть, моя названная мама снова пришла

ко мне. Я чую ее запах – нежный запах трупной застарелой грусти. Так пахнет воздух в доме, который покинули на несколько недель, оставив в нем срезанные розы в хрустальной вазе. В ней налита вода, чтобы цветы медленнее и мучительнее умирали. И свет там не горит, и ни одной души... Этот запах немного пугающий, но такой родной и любимый.

Секундная стрелка и не думала останавливаться, как и мое сердце. Пусть – явилась темная гостья, но я пока не хочу умирать.

Вот она тихонько почти на цыпочках подкралась к двери. Я услышала громкий шорох, будто что-то скрепки по потолку – она слишком высокая, задевает потолок макушкой. И вот она осторожно постучалась костлявой рукой.

– Эй, есть кто?! – спросила тихонько.

– Ты пришла? – я, плача на ходу от радости, бегу к ней, спотыкаясь о разбросанные вещи.

– Пришла, пришла... – она кряхтит, – к тебе, родненькая, как по расписанию...

И вот она встала передо мной: высокая – метра два с половиной, но вся скрюченная, в чёрных рваных одеждах. Ветхая ткань просвечивала, и я увидела, что под ней одни кости. Она – сплошной скелет, и вид ее ужасающий, жуткий. Но я знаю, как мягок ее голос, как может улыбаться ее безжизненный череп, как она прихрамывает на одну ногу и иногда так нелепо трогает себя за крестец, будто он разболелся. Вид ее ужасен, её предназначение – пугать тоской, вгонять в дикую

печаль и панику, но только я знаю, какая она добрая и ласковая. Вот она взглянула на меня пустыми чёрными глазницами, и из них светящимися тоненькими струйками опустились слезы на скулы.

– Мое ты сердце несчастное, печалинка моя, опять тебе одиноко?

– Одиноко, одиноко! – я, рыдая, крепко обняла ее похрустывающий скелет.

– Как это мы с тобой похожие такие вышли, – бормотала она, глядя костлявой кистью мои волосы. – Я предназначена пугать, но только лишь притворяюсь страшной, мне так неохота людей в страх вводить... Вот и болею периодически от того, что притворяться приходится постоянно. И ты такая же: все засмеивать научилась, обо всем хохочешь как ненормальная, а внутри реवेशь белугой. Хохотушкой прослыла, а на самом деле – вот она я – твоя печаль вселенская пришла... Звала меня, да?

– Звала, звала... – плакала я. – Спасибо тебе, Мама несчастных, спасибо, что хоть ты у меня есть, хоть тебе я могу поплакаться и не притворяться, что мне радостно на радость другим. Ведь эти другие не хотят меня знать грустной и печальной. Им не нужна я такая...

– А мы будем пить чай?

– Конечно, хочешь, я даже помою кружки?

Я усадила любимую и единственную гостью за стол. Он был сплошь заставлен грязными стаканами, липкими от са-

хара ложками да крошками от сушек и хлебцев. Сама быстро вымыла посуду, что стояла в мойке уже много дней.

– Ну, рассказывай, как самочувствие твое, доченька? – участливо спрашивала гостя.

– Ах, мамочка моя, тело мое такое тяжёлое сделалось, я ощущаю его как нечто пластилиновое и чуждое мне, и нужно набраться сил, чтобы дотащить его до ванной и умыться... А так не хочется, такая непосильная ноша это для меня! Но я заставляю себя, боюсь, что если не заставлю, совсем слягу... – болтала я, – но вот ты пришла, и я словно ожила немного!

– А ты хоть ешь что-нибудь, сердечко мое? – заботливо поинтересовалась она.

– Да, только это радость и несёт... Хотя иногда еда как пепел или пенопласт... Я всё жую да жую и плачу, потому что вкуса не чувствую...

– Ох, ты моя печалинка, все, как и у остальных моих детишек... А что это у тебя тут лежит?! – она приблизила череп к краю стола. – О! Глянь-ка! Муха! – гостя осторожно поместила ее на костлявую ладонь. – Да жирная такая! И давненько она у тебя тут лежит мёртвая?!

– Да недели две... – печально сказала я, опуская голову. – Я ее специально не выбрасываю. Пусть, думаю, лежит – греется. Она немного сглаживает мою печаль, с ней не так одиноко...

– Понятно... – только и сказала гостя. – А кот твой где?

– Да залез куда-то и не выходит. Он, наверное, хандрой

тоскливой от меня заразился.

– Заразился?!

– Ага. Недельку на подоконнике спал, даже есть не просил.

– Беда...

– А сейчас под кровать залез и не выходит... Я его оттуда пыталась вытащить, а он будто не узнаёт меня, зашуганный какой-то. Мне даже показалось, что он телом здесь остался, а душой куда-то переместился... Туда, где есть радость.

– Да, выходит, я не к тебе одной пришла! Интересно, в каком образе он пожелал бы меня увидеть?!

– Гигантской собаки! – я нервно хохотнула.

– Ага, и с включенным пылесосом! – гостя расхохоталась, да так громко и от души, что одно из ребер отскочило от грудины и шлёпнулось прямо в чашку с чаем. Матерь несчастных с громким хрустом вставила его обратно, словно деталь от конструктора.

– Что там нафантазировал твой котик, мы никогда не узнаем, ты лучше скажи, не болит у тебя чего? Мне надо знать, как сильно моя грусть твою душу отравила?

– Болит... – я опустила глаза. – У меня бывает живот болит – так странно, как никогда не болел, в середине болит и внизу, словно он чувствует мою тоску и так переживает ее. А бывает, внутри все содрогнется, и начинает колоть в груди.

– Понятно... А спишь ты как, печалинка моя ненаглядная?

– Плохо сплю! Заснуть не могу, все мерещится что-то, то

к шорохам прислушиваюсь, то боюсь, что бабай выскочит и задушит меня... Ворочаюсь, ворочаюсь, а засыпать страшно... А потом, когда совсем измучаюсь, встаю, быстро бегу к выключателю и нажимаю...

– Чтобы бабай не успел сцапать? – перебила она.

– Да! А потом я хожу по комнате, в кухню заглядываю, в зал тоже... Смотрю, что все в порядке и никаких чертей нет. Уговариваю себя и успокаиваю, что все безопасно. Потом почему-то плачу и вновь ложусь спать...

– Засыпаешь?

– Да... Но среди ночи просыпаюсь... Сны странные снятся: то страшно в них, то смешно... Смеюсь иногда во сне, но как-то жутко, будто ведьма какая-то...

– А чем же ты днём занимаешься? Когда дома остаёшься?

– Это хуже всего! Тяжко совсем! Ничего не интересно, и читать не получается, все время я будто не в себе, будто далеко моя душа от тела, и возвращаться в него не хочет, и тело ей не нужно, но приходится ей жить в нем, и я заставляю себя жить... Я просыпаюсь и с тоской гляжу на часы. Там восемь утра, и я с грустью понимаю, что наступил новый день и нужно мне опять чем-то себя занять, чтобы он быстрее прошёл, и наступила ночь...

– Чем же ты себя занимаешь?

– Я бывает просто лежу и гляжу в одну точку, бывает плачу не пойми отчего... Заставляю себя читать, но не получается: буквы расплываются, а я улетаю куда-то... И с фильма-

ми точно так же! Мне ничего не интересно, я даже не могу посмотреть кино!

– А на улицу выходишь, несчастная ты моя?

– Да. Заставляю себя выходить. Я гуляю подолгу, возвращаться домой не хочется, но все же я иду. Заставляю себя улыбаться и жить. А иногда, мне такие мысли страшные в голову лезут: и жутко от них и стыдно...

– Что за мысли? Печалинка, меня-то нечего стыдиться! Расскажи мне!

Я поглядела на нее виновато и тут же опустила взгляд, разглядывая пыльный грязный линолеум, на котором клочьями валялась кошачья шерсть.

– Иногда, – тихо начала я, – когда иду домой, я думаю, а вдруг котик умер?

– И что тогда? – с любопытством спросила гостья.

– Тогда я почувствую, что могу испытать хоть что-то... Хоть какую-то эмоцию... Но такое бывает редко. Когда я вообще не понимаю, жива или мертва...

– Надеешься, что смерть любимца разбудит тебя? И ты заплачешь и вновь оживёшь?

– Да, наверное...

– А про свою смерть не думаешь?

– Думаю, конечно! Эти мысли уже привычные и родные. Но последнее время они так пугают меня... С одной стороны – все равно, но, с другой – котик один останется... Я боюсь, что умру, а когда просыпаюсь и понимаю, что жива, грущу от

того, что проснулась, и опять придется целый день ждать ночи, чтоб уснуть... Понимаешь, мамочка, я боюсь, что умру, так боюсь, так боюсь, ты не представляешь! Но и жить не могу! Сил нет совсем.

Я уставилась в пустоту стены и сознанием вылетела далеко-далеко. Через пару минут я тихо заговорила:

– Ах, мамочка, как бы мне хотелось лежать на лужайке в девственном лесу в уютном открытом гробике с мягкой периной... рядом жучки да паучки легонько щекочат мои плечи и шею, а червячки после дождя разрыхляют землю, и ее аромат сладостным дурманом окутывает меня. Так приятно, вдыхать запах леса и дождя, подставлять лицо лучам солнца и чувствовать его нежные поцелуи... Боже, слаще и теплее этих поцелуев не было бы ничего на свете! И лежать там, лежать, слушать птичьи трели и шум шелеста ветвей... И никто не побеспокоит меня, никто не потревожит. На самом деле, я уже это ощутила, как только ты пришла ко мне! Вот, что я чувствую, когда ты приходишь! – я со слезами на глазах взглянула на нее будто на божество. – В этих ощущениях вся ты – моя милая мамочка, моя Сладостная Грусть! Пусть и не живу я по-настоящему, но ещё страшнее расстаться с тобой, ведь мир без тебя неизвестен, и от того ещё ужаснее...

Мать несчастных молчала. Мне казалось, что мои признания огорчили ее.

– Впервые мне так горестно за своего ребёнка... – тихо-тихо, наконец, промолвила она. – Я очень сожалею, что

ты жизни никогда не знала, а что ещё страшнее – даже знать не хочешь...

– Да, мамочка, ты права, – сказала я. – Я добровольно себя заживо поместила в этот теплый гроб и спокойна от этого. Ведь мне так хорошо с тобой! Разве могут быть счастливые похороны? Могут, мамочка. Могут, если ты рядом.

Она молчала и все никак не реагировала на мои слова. Я не узнавала ее. Моя придуманная мама будто отвергала меня, и я почувствовала стыд от своих неразделённых признаний.

– Я понимаю тебя, моя печалинка, – виновато произнесла она. – Просто горюю, что приходится так над людьми издеваться...

Мимолётно у меня пролетела мысль, что нужно выползть из гроба, я ведь живая, но так к нему привыкла за пятнадцать лет, что полюбила свою тоску, свою Матерь несчастных. Я отныне не боюсь ее, а жду! Изначально, уложила меня в гроб Матерь несчастных, а я приспособилась, чтобы не сойти с ума, и привязалась к ней! Стокгольмский синдром? Самое пугающее – мне уже было все равно.

– А вообще, чего это мы все про меня, да про меня! – я внезапно оживилась и сменила тему, – ничего нового я тебе уже не расскажу, а повторяться неохота... Расскажи, как ты поживаешь, мамочка моя? Друг мой темный, смерть моя родненькая!

Я залезла к ней на колени и прижалась к груди, и толь-

ко чёрное ее одеяние смягчало жёсткие кости! Она погладила меня по волосам и своими огромными ручищами сгребла меня в охапку и стала тихонько покачивать, будто младенца. Я почувствовала себя в крепком теплом домике, и тело мое расслабилось.

– Так это я для тебя смерть, а для других – кто как хочет, – отметила гостья.

– Но ты ведь Мать несчастных... Вряд ли твои дети тебя представляют как-то иначе... То есть их фантазии о тебе наверняка несильно отличаются от моих?

– Да, ты права, сердечко мое! – она сняла нижнюю челюсть, поставила возле чашки и натолкала в нее фантики от конфет.

Я улыбнулась. Ее раздражало, что череп постоянно будто улыбался, точнее пугаючи скалился, а пугать меня – ее любимую доченьку – она не хотела.

– Погоди-ка, – ее ребра от судорожного смеха так и подскочили под черным одеянием, – Помню, к одному сынку в образе какого-то уродливого клоуна пришлось тащиться! Но, как потом выяснилось, ему не я потребовалась...

– А кто же?!

– Да этот дуралей ужасов насмотрелся, а потом месяц спать нормально не мог... К нему надо было Жуткого Папашу отправлять, а не меня!

– А кто отправляет?

– Сам человек и отправляет! Я ведь, болезнь, сердечко

мое ненаглядное! – она посмотрела на меня так жалостливо и костлявым пальцем легонько-приятно почесала меня за ухом, и я чуть не замурыкала от нежности. – Когда я только начинаюсь, я к своему будущему ребёночку подхожу медленно-медленно, ещё наблюдаю за ним издали, но он уже чувствует меня...

– Да-да, я помню, со мной так же было! – перебила я и расплакалась.

– И с тобой... – тихо поддакнула она. – Я когда начинаю рядом ходить, таким образом ребёнка своего будущего предупреждаю, что вскоре овладею им! И будет он болеть самой печальной болезнью на свете, а чтобы этого не произошло, пусть он задумается, пока я не овладела им! Вот ведь как! Но разве кто задумывается. Видать, нравлюсь я детишкам своим, не хотят меня отпускать! Да, печалинка моя, любимая? – она вновь погладила меня по волосам.

Я навзрыд расплакалась от ее последних слов.

– Поплачь, поплачь... Меня же по-другому нынче кличут.

– Как так?! Ты ведь Мать Несчастливых?! – судорожно всхлипывала я.

– Это ты меня окрестила! А настоящее имя... Погоди-ка, вспомню... Какая-то река и имя женское...

– Река?

– Ага! О! Что-то всплыло! Какая-то Сия на Днепре! Или Днепр на Сии?

– Ха-ха-ха! – хохотала я.

– А, может, Днепр плюс Сия?! – продолжала гостья. – Получается, какая-то девица Сия утопилась в Днепре, и родилась я! А как ещё я могла родиться?! Только в людском горе! Вряд ли девица Сия от великого счастья в Днепре утопилась! Вот и получилась эта чертова ДнепрСия!

– Ты слишком критична к себе, мамочка моя!

– Как и все мои ребятишки! Ругают себя, не жалеют, потом я и прихожу, но, честно говоря, устала уже очень... Мне бы на пенсию, но кто же отпустит.

– Почему?

– Я ведь Матерь несчастных (очень мне нравится, как ты меня называешь), печалинка моя! Ежели я уйду с этой нелюбимой работы, я таковой быть перестану! Выздоровею, проще говоря! Чтобы занимать такую должность, нужно не хотеть ее занимать, понимаешь?! Чтобы прочувствовать боль своих детишек, нужно болеть тем же, что и они! А если бы я любила свою работу, это бы противоречило самой работе! Такова моя природа.

– Выходит, тебе самой нужна мама?

– Знаешь, не помешало бы!

– А такая есть – Матерь для Матери несчастных?!

– Есть... Страшная женщина. Но тебе лучше об ней не знать, сердечко мое.

– Почему же?! Расскажи о ней! Кто печальнее самой Матери несчастных?! И как к ней попасть?

– К ней попадают после меня... Те детишки, которым не

смогли помочь светлые лекари, те детишки, которых печаль съела.

– Они умерли?!

– Не совсем... Смерть забирает то, что умерло от старости или болезни или от чего угодно, что произошло не по воле умершего...

– А те, кого съела печаль? Они... Сами решили умереть?

– Сами. – коротко молвила гостья и залпом вылила горячий чай прямо в невидимую глотку; он мигом провалился в невидимый живот и испарился. – На самом деле она сестра моя... Так или иначе мы все братья и сестры, но с ней мы связаны. Она носит на себе тела убитых мною...

– Как так?! Тобою?!

– Да, печалинка моя. Когда меня слишком много, болезнь обостряется. Она захватывает человека всего, и он не может жить. Вот и уходит к ней...

– А как ее зовут?

– Озеро Печали. – после небольшой паузы тихо произнесла гостья.

Я выскочила из ее объятий, уселась прямо на грязный стол и, уперевшись руками о подбородок, стала внимательно слушать.

– Озеро Печали, – повторила гостья, – там хранятся мертвые слезы тех, кого я убила... Оно красивое и чарующее, только вот купаться в нем нельзя: умрёшь тут же. Ледяные его воды поглотят твою заблудшую скорбящую душу, и озе-

ро насытится очередной несчастной жертвой...

– Ого! Вот бы увидеть его!

– Ни в коем случае, печалинка моя! Оно тебя поработит, и сама ты утопиться в нем пожелаешь! Есть грустная легенда о том, как родилось оно.

– Легенда?! Расскажи! Расскажи! – восторг охватил меня, и я затоптала ногами по столу в предвкушении интересной истории от любимой мамочки.

– Ну, слушай, грусть моя ненаглядная, – она сдержанно улыбнулась. – Давным-давно жила на свете девушка. Звали ее Сицида. Красавица, каких поискать, но была она одна-одинешенька. И вот однажды приглянулась она местному юноше. Сицида полюбила юношу, а тот оказался злодеем бездушным, обманул несчастную и уехал. Сицида страдала столько слез выплакала, столько никогда со времен рождения земля не видывала! Стала она их в банку собирать, да в глубокий ров выливать. И насобирала она целое озеро! Красивое, да только мёртвое: ни одной рыбки, ни одной травинки в нем не водилось. Печаль Сициды отравила даже воздух в округе – весь народ разбежался! И птицы там не летали, и солнце никогда не светило, а только серые облака покрывали небосвод.

– А что с девушкой стало?

– А Сицида в озеро слез своих нырнула и умерла от вселенской тоски... Не верил никто в ее смерть, ведь каждую ночь за много-много миль от озера слышали люди, как пла-

чет несчастная, как поет она о своей горькой судьбе. Отважные рыцари отправлялись к Озеру Печали, чтобы спасти несчастную, но все они сгнули. Печаль будто ядом отравила их разум. Каждый предлагал высушить озеро, но тоненький девичий голосок, что звучал с поверхности воды, спрашивал: «а где я буду жить?!», молодец отвечал: «на суше, здесь тепло и радостно!»; голос сомневался: «но я не умею радоваться, я была рождена, чтобы печалиться и грустить...». Манил красивый голосок молодца, просил не покидать озеро, а посидеть подле, водицы испить... Очарованный рыцарь только глоток один делал и падал замертво в Озеро Печали... Так вот, горше этого напитка нет ничего на свете... Это концентрат людской скорби! Извини, если пафосно говорю, печалинка моя, но такова истина!

– Какая страшная история! – я содрогнулась и обхватила себя руками. – А меня как будто манит Озеро Печали! Так и хочется посмотреть на него!

– Зря, моя доченька. Те отважные рыцари добровольно утонули в Озере Печали, испив перед этим пригоршню его адских вод. Про них так и говорили: «испил вод у Сициды». А потом это выражение стало летучим, и про любого, кто лишает себя жизни прежде, чем за ним придет сама Смерть, говорят, что он «испил вод у Сициды».

– Мамочка моя! – испуганно воскликнула я. – Ты же говорила, что твое настоящее имя связано с какой-то девицей Сией, что в Днепре утопилась?! Это ли не Сицида?!

– Нет, печалинка моя, – рассмеялась гостья, – но, видимо, сходство есть, потому что прежде чем «испить вод у Сициды», все сначала знакомятся со мною... Вот ведь как.

– Ты, выходит, собиратель несчастных душ для своей матери?! – ахнула я.

– Выходит, что так... Но таков естественный порядок вещей. Кто-то должен занимать эту должность... И тебе бы остерегаться меня, печалинка моя, а не дружить... Не хочу, чтоб твои слезы утонули в Озере Печали, не хочу, чтоб твоя скорбящая душа угодила в него... – Мать несчастных залилась светящимися горячими слезами.

– Что же мне делать, мамочка? А что будет, если отказаться от тебя?

– Не знаю. Нужно спрашивать у лекаря душ человеческих. У тебя ещё есть силы сходить к нему, пока Озеро Печали не поглотило тебя... Тебя заберёт Смерть, когда ты будешь старенькой и проживёшь долгую счастливую жизнь, но только пусть не достанутся твои слезы Сициде! Только не твои!

– Лекарь душ человеческих?! – воскликнула я, – кто же это?

– На самом деле лекарь – это тот, кто сам болел, но выздоровел и узнал секрет радости и теперь другим рассказывает.

– Выходит, все лекари – твои бывшие детишки, только те, кому удалось проститься с тобой?! – ахнула я.

– Да. Но к нему надо долго ходить, печалинка моя. Мы ведь с тобой так давно знакомы, представляешь, сколько

нужно времени, чтобы избавиться от меня?! А ты ведь меня все манишь и манишь...

– Выходит, я кормлю тебя своей печалью и своим страхом? – спрашивала я. – Представить, что кот умрёт или ещё кто-то из знакомых или близких, означает кинуть тебе кусок свежего мяса, насытить, чтобы ты ещё смогла пожить со мной?

– Так и есть, сердце мое несчастное! Но ты себя не ругай, просто ты не можешь мыслить по-другому.

– Мы с тобой так сроднились... – тихо произнесла я, глядя в пол, – ты была со мной с пятнадцати лет. Как же я тебя брошу?! Как же я буду жить без тебя?

– Печалинка, на свете много чего интересного и без меня, просто ты давно разучилась это видеть... Сотри меня, и зрение тут же улучшится.

– А ты не вернёшься ко мне?

– Это, как пожелаешь... Глядишь, так понравится жить без меня, чтои думать забудешь. Да и я, наверное, уволюсь.

– Неужели!? Чем заниматься будешь?!

– Да грусть его знает... О! Придумала! К Смерти пойду, попрошусь к ней, подсоблю, буду души в вечный покой отводить. Там выбора нет – умирать или жить, там дорога в один конец, и я не успею ни к кому привязаться и привыкнуть, как к тебе.

– Значит, мы с тобой ещё увидимся, мамочка моя?!

– Увидимся, сердце мое несчастное, печалинка ты моя

ненаглядная, увидимся!

– А вдруг я как Озеро Печали – была рождена, чтобы грустить?! Вдруг мне не суждено другое?

– Ты человек, печалинка моя. И ты должна жить и имеешь право испытывать и радость, и грусть.

Она вскочила и стала расхаживать по комнате из угла в угол. Я сидела на столе и удивлённо таращилась на неё.

– Мне ведь и самой уходить неохота! – гостья внезапно остановилась и уселась по-турецки на середине комнаты. – Ты меня удерживаешь здесь, доченька! Ты дала мне имя!

– Ну и что! Ты ведь говорила, что ты для любого принимаешь тот облик, который он фантазирует!

– Да, но никто не давал мне имён! А ты меня одомашнила, если хочешь!

Я нервно рассмеялась.

– Сердце мое несчастное, я от тебя теперь завишу! Чего делать-то со мною будешь, ась? – настаивала она.

– А что нужно? – тихо-тихо спросила я, уставившись в пол.

– Прогнать...

– Прогнать?! – упавшим голосом переспросила я.

И тело мое вновь налилось тяжестью, а веки свинцом.

– Печалинка, пора с настоящими людьми дружить, а не с вымышленными...

– Но как же так? Не могу я тебя прогнать, нам же так хорошо вдвоём!

– Но по-другому не получится... И не зови меня больше, печалинка.

Я вскочила, скрестила руки на груди и с обидой, исподлобья, словно пятилетняя малышка, уставилась на гостью.

– Отказываешься от меня? – спросила я с дрожью в голосе.

– Отказываюсь... – тихо подтвердила она, не поднимая черепа.

– Я не верю! Ты специально так говоришь!

Она медленно поднялась и отошла к двери.

– Ты измучила меня. Я устала к тебе приходиться... – признавалась она.

Я не верила ни одному ее слову. Она произносила эти ужасные обидные слова, отвергая меня, но голос ее был мягок, он совсем не соответствовал этим холодным фразам.

– Оставь меня в покое! – чуть громче попросила она.

Вдруг злость вспыхнула в моей груди. Сердце бешено забилось, а слезы застряли в горле и душили меня. Хотелось взвыть на всю квартиру!

– Ну и уходи! – закричала я. – Это ты измучила меня! Уходи! И не возвращайся!

Я упала на колени и разрыдалась.

– Я отпускаю тебя... – сквозь слезы шептала я. – Я счастливой быть хочу! Я радоваться хочу! Я смеяться хочу искренне, а не засмеивать боль! Уходи, пожалуйста! Уходи!

Я почувствовала сильный ветер. Дверь так резко откры-

лась, что я испугалась, как бы она не слетела с петель! Я вско-
чила на ноги и подбежала к порогу.

Мать несчастных исчезла.

– Мама! Мама! – кричала я, плача. – Мамочка моя!

Босиком я выбежала на улицу и звала «смерть мою род-
ненькую», мамочку свою темную, но она исчезла. Я не могла
это принять, заглядывала под каждое дерево, залезла в колю-
чий кустарник шиповника, что рос вокруг дома, надеясь, что
она прячется в нем. Я поранила руки и лицо в кровь, но ма-
му не нашла. Я вырывала ветви шиповника и рыла пальцами
землю, жадно вдыхая запах сырой земли. Так пахла мама.

Но она исчезла. Навсегда.

Я вернулась домой, укуталась в одеяле и легла спать прямо
на порог. Но заснуть не получалось: я плакала и звала маму.

На утро я проснулась уставшая, обессиленная. Я злилась,
потому что опять наступил новый день, и придется жить. Я
еле-еле подняла свое будто неродное тело и подошла к столу,
чтобы попить.

На нем лежал странный ободок. Он больше походил на
маленький серп. Я нахмурилась. Вчера мама оставила здесь
свою нижнюю челюсть. Я усмехнулась: жутковато звучит.
Челюсть превратилась в ободок для волос! Я надела его и
почувствовала тепло.

Она всегда прислонялась к моему лбу, будто целуя его,
когда уходила, и сейчас я ощутила то мимолётное чувство
нужности и любви.

Я расплакалась, сняла ободок и ощутила привычное тягучее горе. Невидимый холод пронзил мою грудь. Словно со-силькой ударили в сердце. Я вновь примерила ободок, и лёд растаял.

Наверное, я больше не буду его снимать.

Я сохраню эти последние крохи нежности, что она оставила после себя. Подарок от моей придуманной мамочки – ее вечный теплый поцелуй любви.

Может быть, с ним я поверю в радость.

Прошло несколько недель после ее исчезновения. Сладостный запах сырой земли мерещился мне всюду. Скорбь так и не оставила мою душу, но я нашла лекаря и направилась к ней. Мне рассказали, как много людей она спасла от печали, может быть, настала и моя очередь жить полноценной жизнью. К тому же, моя спасительница – живая и настоящая, значит, после наших встреч и мне захочется жить.

Я подошла к ее кабинету. Поглядела на наручные часы. Пора. Тихонько постучалась и приоткрыла дверь. Я замерла от волнения – тонкий травянистый аромат роз коснулся меня.

За письменным столом сидела симпатичная пожилая женщина. Она улыбнулась. Тут я заметила, что она смотрит на мой ободок. Я робко поздоровалась, а она кивнула в ответ и произнесла:

– Ты пришла, моя радость.